

ВСТУПЛЕНИЕ

(Проблема государства и его критериев)

Одним из важнейших признаков современного состояния общественных наук можно безусловно считать так называемое состояние “понятийного кризиса”, которое отражается не только на характере научных исследований, но и на практическом преломлении таких исследований. Неупорядоченность категориального аппарата существенным образом затрудняет конкретную работу, споры и дискуссии, обращенные не только вглубь истории, но и на современное состояние общества, анализ актуальных проблем его развития, формирование программ его модернизации.

Размывание ряда фундаментальных категорий теории истории (большая часть которых была сформулирована ещё в XIX в. применительно к уровню и развитию общества и науки того времени), однако, кажется закономерным процессом, связанным не столько с демонтажем догматических идеологических конструкций, но и с накоплением огромной массы информации о развитии общества в прошлом и настоящем, с активной работой ученых, выразившейся в дальнейшем развитии представлений о ходе и закономерностях исторического процесса, в том числе и в современном мире. Одним из возможных путей преодоления этого кризиса, нередко ставящего исследователя в тупиковое положение, должна стать работа по уточнению отдельных, наиболее общих категорий теории истории, что способствовало бы более адекватному восприятию и интерпретации фактов исторического прошлого, более строгому анализу многих явлений и процессов современности. Такая работа (и, в частности, постановка проблемы государства) имеет и непосредственную актуальность, особенно для России, где в настоящее время происходят важные

процессы переустройства общества, меняется характер социальных связей, государственное устройство.

Именно в таком ракурсе предлагается рассматривать настоящий сборник, задачей которого, по мнению авторов, является постановка проблемы критериев государства. Используя критический анализ существующих концепций, историографии и, прежде всего, результаты собственных исследований, мы попытались не только аргументировать недостаточность и неадекватность традиционного представления о “признаках” государства, его основных характеристиках, но и, в рамках широкого (насколько это возможно для сборника) исторического контекста, обозначить возможные подходы к новому определению государства, одной из наиболее значимых и необходимых категорий теории истории. Понимая сложность и многоаспектность указанной проблемы, решение которой имеет огромное значение для ряда дисциплин общественных наук, авторы рассматривают представленные в настоящей работе конкретные результаты исследований как приглашение к дискуссии, способной, по нашему мнению, внести большую ясность в понимание категории государство.

При всем многообразии точек зрения относительно природы государства и его функций, причин его возникновения, его места и роли в жизни общества, исследователи, обычно, остаются удивительно единодушными в выборе основных критериев государства. Именно последние дают возможность представлять государство как особый тип социальной организации, отличать его от иных, судить о формировании принципиально новой организации, отрицающей предшествующие формы социальной жизни, противопоставляемой обычно традиционным социальным организациям (род, племя, община и пр.). И

эту организацию, институты, созданные в процессе её формирования, помогающие осуществлять объективно необходимые медиативную, перераспределительную, защитную и иные функции в рамках жизнедеятельности общества, исследователи обычно именуют государством. Государство, как особый тип социальной организации, на всех этапах развития человеческого общества толкуется как институт, обладающий сходными характеристиками, критериями. Многие аспекты представлений о таких критериях выглядят, по-нашему мнению, спорными и нередко вызывают закономерные сомнения, как, например, характерное для представителей различных школ отождествление государства и государственного аппарата, администрации, утверждения о взаимном отрицании и противопоставление “родового” и “государственного”, “государственного” и “общинного”, соответствующих организаций, и т.д.

Нельзя не отметить, что сомнения в адекватности традиционного определения государства и его признаков высказывались рядом исследователей в рамках дискуссий, в том числе античниками и медиевистами (недостатки традиционной концепции государства особо выделяются при изучении истории ранних этапов развития человечества). Не спасают ситуацию и попытки трансформировать концепцию через особые модели перехода к государственному обществу (раннее государство, “предгосударственные” формы организации общества). Особо примечательно, что к специалистам по классической истории относительно недавно присоединились и ученые, предмет исследования которых — современное государство.

Последнее выглядит не случайным, поскольку постановка указанной проблемы весьма важна и целесообразна для анализа современного состояния,

политических процессов и изменений в современном обществе. Популярные, например, в нашей литературе рассуждения о функциях, которые должно выполнять “новое” государство, не всегда, к сожалению, дополняются анализом механизмов, необходимых для их осуществления. Так, если государство ассоциируется у нас со сложившейся административной системой, государственным аппаратом, то остается неясным, насколько и почему именно последний может и должен стать инструментом “реального” согласования экономических и социальных интересов различных регионов и социальных групп. Примечательными с точки зрения понимания категории "государство" выглядят существование, механизм появления и формулировки таких важных для политической жизни концептуальных понятий, как “государственные интересы”, “государственная политика” и т.д. Актуальной представляется постановка указанной проблемы для оценки не только процессов федерализации и политических реформ в России, но и для правильного понимания общих тенденций к политической интеграции в той или иной форме, существующих в современном мире (возникновение и эволюция региональных и континентальных организаций, объединений).

Понимая сложность избранной темы, учитывая ее специфику, обширность существующей по данной проблеме литературы, авторы посчитали необходимым исключить чисто спекулятивную ее постановку. Целесообразным, с нашей точки зрения, представляется её поаспектное решение в рамках комплекса конкретных исследований, тематических сборников. В настоящей работе объектом специального внимания авторов стал тезис, принятый в настоящее время в науке, толкующий государство как универсальную форму социальной организации. В связи с этим, по-нашему мнению, плодотворной

стала постановка проблемы места и роли традиционных социальных коллективов и их организаций в рамках различных государств, анализ эволюции над- и межобщинной администрации, сложного и противоречивого процесса её обособления от первоначальных коллективов. Это, по-нашему мнению, позволило представить связно два аспекта развития — с одной стороны, движение общества к объединению во все более и более крупные коллективы и, с другой, эволюцию социально-политической структуры общества, отношений в рамках иерархии таких коллективов. При этом вполне логичным стало и обращение к более поздним периодам истории, когда и формируется, собственно, реальный государственный аппарат, происходят изменения в отношениях как в рамках таких коллективов, так и между ними.

Работы настоящего сборника представляют различные аспекты рассмотрения сложнейшей проблемы существования государства. Исключительно важную роль традиционных социальных организаций и соответствующих отношений подчеркивает Д.Н. Лелюхин в рамках интерпретации свидетельств о государстве “Артхашастры” Каутильи, знаменитого древнеиндийского трактата “О политике”. Анализ материалов этого трактата, сравнение полученных выводов со свидетельствами эпиграфики об индийских государствах 1-й пол. I тыс. н.э. позволяет ему не только судить о достоверности общих представлений авторов “Артхашастры” о структуре государства и общества, но и уточнить ряд важных особенностей формирования и функционирования древнеиндийских государств.

В работе Ю.В. Любимова рассматривается процесс политической интеграции как своего рода модель взаимоотношений сообществ, представляющих различающиеся формы социального устройства. Обращается

внимание на некоторые аспекты взаимодействия, способствующие взаимному сближению и эволюции социально-политической организации.

В работе А.М. Самозванцева одним из важнейших результатов анализа свидетельств санскритских текстов (прежде всего, дхармашастр) является вывод о том, что общинные порядки пронизывали любое государственное образование независимо от формы его организации. Принцип “общинности”, по его мнению, являлся важнейшим фактором общественного устройства Индии того времени.

В статьях А.А. Бокщанина рассматриваются свидетельства о наиболее ранних этапах формирования китайского государства времен “Пяти императоров”, династий Ся и Шан-Инь. Здесь суммируются данные о системе управления, должностных постах и обязанностях, которые упоминаются в источниках. Государственные образования того времени характеризуется автором, как, по сути, разросшиеся родоплеменные объединения, первенствующую роль в управлении которыми играл не только сам ван, но и весь его клан, возвысившийся над прочими клановыми ячейками.

Влияние полиса на Римскую империю на уровне провинциального управления рассматривает в своей работе А.Л. Смышляев на основе анализа сведений сохранившихся фрагментов сочинений римских юристов II-начала III вв. н.э. Судя по данным этих источников, наместник рассматривался (так же как и правители иного ранга —император, городские магистраты) не столько как администратор, сколько как патрон и благодетель, и действовал в соответствии с подобным взглядами и ожиданиями. В этих условиях реальное влияние полисных традиций, местных городских элит и органов полисного самоуправления было весьма значительным. Центральная власть должна была в

определенной мере ориентироваться на интересы местных правящих элит и считаться с местными общинными традициями.

В полемической работе Б.С.Ерасова подвергнута критическому анализу концепция "восточного деспотизма" и вместе с тем представлены различные взгляды на роль и место государства в цивилизационном устройении.

КОНЦЕПЦИЯ ИДЕАЛЬНОГО ЦАРСТВА В

“АРТХАШАСТРЕ” КАУТИЛЫ

И ПРОБЛЕМА СТРУКТУРЫ ДРЕВНЕИНДИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Представления о характере древних и раннесредневековых индийских государств формировались под влиянием общих для историографии представлений о феномене государства. При этом исследователи чаще всего были удивительно единодушными в выборе основных критериев государственности, которые являлись концептуальной и структурной основой для многих работ о древних и средневековых индийских государствах. Среди них обычно назывались:

- наличие публичной власти, отождествлявшейся с чиновничеством или “бюрократией”;
- руководил последней, как считалось, царь – глава государства;
- разделение населения по территориальному принципу, прямо сводившееся к разделению центральной властью территории государства и подданных по особым административно-территориальным подразделениям, которыми управляли присланные из центра чиновники;
- существование налогов и налогообложения, служащих цели содержания этой власти.

Указанные институты считались признаками, позволяющими отличить государство от не государства, основными элементами государственной структуры. Поэтому, наряду с рассмотрением особенностей функционирования царской власти, чаще всего работы исследователей-индологов о государстве были посвящены анализу и систематизации свидетельств источников о “чиновничестве”, “административно-территориальном делении” каждого конкретного государства, системе (или особенностях) его налогообложения.

Учитывая особенности источников по истории государственности в древней и раннесредневековой Индии, не удивительно, что идейной основой для многих работ, посвященных истории того или иного государства, стал комплекс представлений об особенностях индийского государства, сформулированный в начале XX века в исследованиях “Артхашастры” Каутильи (далее – КА), общий характер интерпретации свидетельств этого источника о государстве.

До открытия КА история государственности в древней и раннесредневековой Индии в индологических работах рассматривалась только в самой общей форме. После ее открытия стойкий стереотип представлений о *государстве Артхашастры* как о централизованном государстве, обладавшем разветвленным бюрократическим аппаратом, занял центральное место в представлениях индологов об особенностях развития страны в древности и средневековье. Закрепленный в исследованиях и словарях (что особенно важно)¹, он оказывал и продолжает оказывать исключительное влияние на работы о государстве, на интерпретацию свидетельств иных источников (в том числе эпиграфических) и их терминологии.

Ошибочность интерпретации отдельных свидетельств трактата, в немалой степени, была следствием не источниковедческого подхода к анализу материалов КА, специфического *теоретического* трактата “о политике”². Понятия древнеиндийской теории политики вольно отождествлялись с концептуальными понятиями европейской теории государства (“царство - *gāṇa*” и государство, “сподвижник - *amātya*” и министр, “надзиратель - *adhyākṣa*” и чиновник, “глава департамента” и т.д.), что служило основой для последующих выводов об особенностях государств древней Индии³. Свидетельства II книги трактата, например, прямо толковались как

¹ Большая часть лексики КА (в том числе “административной”) широко встречается в иных санскритских текстах. Поэтому можно легко проследить изменения, сравнивая толкования терминологии в словаре О. Бетлингга (подготовленном *до открытия КА*) с аналогичными статьями, например, в словаре М. Моньер-Вильямса.

² Это подробно аргументировано в работах А.А. Вигасина. - См.: Вигасин А.А. *Артхашастра и дхармашастра*. Дисс. канд. ист. наук. М., 1974.

³ А.А. Вигасин, впервые в отечественной историографии давший подробную и справедливую общую оценку свидетельств КА, не разбирая, собственно, проблему государства, вынужден, также, повсеместно употреблять понятия государство, государственный служащий, чиновник, государственная должность, государственный аппарат и пр. При этом он справедливо отмечает, что “в трактате, **посвященном**

сведения о *бюрократическом аппарате* древнеиндийского государства, материалы VII и последующих книг трактата – как рекомендации царю по “внешней политике”.

Представления о *государстве КА*, сложившиеся в историографии в первые десятилетия исследования этого памятника, оказали значительное влияние на интерпретацию тех немногих сведений о реальных государствах древней Индии, известных индологам. Существование мощного централизованного бюрократического государства Маурьев (а именно с ним соотносили обычно свидетельства КА) не могло, по мнению индологов, не отразиться на последующей истории национальной государственности. Столь развитая, как её обычно представляли, государственная структура не могла исчезнуть бесследно, не просуществовав и двух веков, не оказав влияние на последующее развитие общества и государства. После открытия КА преобладающими тенденциями в историографии древней Индии стали: показ постепенного перехода от централизованной структуры государства КА к децентрализованной, характерной для феодального государства (процесс, понимаемый и как регресс, распад централизованного государства, и как прогресс, рост демократических тенденций в управлении, невозможный при жесткой централизации Маурьев) и аргументация преемственности в эволюции государственности в древней и средневековой Индии (от государства КА – Маурьев к средневековым государствам). Поэтому, в частности, можно нередко встретить в исследованиях утверждения о существовании *централизованной бюрократии* при Сатаваханах, Гуптах и др., основанные лишь на однозначном толковании небольшой группы специальных терминов из надписей в духе соответствующей интерпретации терминологии КА.

К.П. Джаясвал, например, полемизируя с европоцентристской точкой зрения, утверждал, что в истории государственности в древней и раннесредневековой Индии существовали две важнейшие тенденции: к жесткой централизации (она достигла апогея при Маурьях – опыт этот он считал не свойственным духу индийцев) и к демократизации, присущей Индии времени Будды⁴. Развитие государственности после Маурьев, в его понимании сводилось лишь к компромиссу в той или иной степени между этими тенденциями и постепенному преобладанию последней.

Только ко времени Гуптов, по мнению одного из крупнейших современных индийских ученых марксистской школы Р.Ш. Шармы, маурийская централизованная система управления стала постепенно сменяться более мягкой формой управления⁵. Характерные черты периода Гуптов – перенос центра тяжести управления на места и соответственно рост *экономической власти местного чиновничества* (выделено мной. – Д.Л.)⁶, постепенная децентрализация и феодализация управления⁷. Трудности, возникавшие при централизованном сборе податей, по его мнению, способствовали раздаче земель в частные руки, сначала брахманов, а впоследствии и иных лиц, складыванию слоя феодалов. Пожалоования земли нередко сопровождались передачей ряда *важных прав государства* (на использование пастбищ, рудников и пр. традиционных *царских* источников дохода) и административной власти⁸. Одновременно шел процесс феодализации администрации. *Чиновник*, руководивший во время Гуптов *местной ячейкой производства* независимо от центра, уже был в определенной степени её *господином*⁹, более широкое распространение получает практика *кормлений*, толкуемая им как форма оплаты труда *чиновника* посредством предоставления земли в пользование¹⁰. Таким образом, государство, реконструируемое во многом по свидетельствам КА, в традиционном для историографии ключе, занимает центральное место в представлениях Р.Ш. Шармы об особенностях развития индийского общества в древности и раннем средневековье. Он, как и ряд иных исследователей, в своих работах не дает ответа на вопрос о причинах и логике

управлению государством, нет даже термина, который можно было бы однозначно толковать как **государство**”, указывает на неопределенность обозначения главы государства, и т.д. См.: Вигасин А.А., Самозванцев А.М. Артхашастра. Проблемы социальной структуры и права. М., 1984, с.154. (Разрядка моя - Д.Л.)

⁴ Jayaswal K.P. Hindu Polity. Bangalore, 1955, с.349.

⁵ Шарма Р.Ш. Древнеиндийское общество. М., 1987, с.402; Sharma R.Sh. Light on Early Indian Society and Economy. Bombay, 1966, с.84.

⁶ Р.Ш. Шарма следует здесь идее Д.Д. Косамби, который считал начальным этапом феодализации Индии – этап *феодализации сверху*, трансформацию государственно-бюрократической машины в феодальную.

⁷ Sharma R.Sh. Indian Feudalism. Calcutta, 1965, с. 1-11.

⁸ Шарма Р.Ш. Древнеиндийское общество. М., 1987, с.394; Sharma R.Sh. Indian Feudalism. Calcutta, 1965, с. 2-4, 7-8.

⁹ Шарма Р.Ш. Древнеиндийское общество. М., 1987, с. 394, 395, 402.

¹⁰ Шарма Р.Ш. Древнеиндийское общество. М., 1987, с. 484

складывания столь необычного для страны феномена – централизованное государство КА – Маурьев с разветвленным бюрократическим аппаратом для него неоспоримый факт¹¹. При этом всю последующую историю государственности Индии Р.Ш. Шарма рассматривает как результат его эволюции.

Государство времени Маурьев, по мнению крупного немецкого индолога В. Рубена, можно считать высшим пунктом развития докапиталистической Индии, *типичной древневосточной деспотией* с организованным чиновничьим аппаратом¹². Именно при Маурьях сформировалось государство и право древней Индии, дальнейшее развитие которых, по его мнению, *"было не существенным"*¹³. Следуя во многом крупнейшему немецкому исследователю КА Б. Брелеру, считавшему, что в КА мы имеем описание структуры *"тоталитарного"* государства, В. Рубен подробно рассматривает свидетельства трактата о *хозяйственном аппарате*, иных ведомств¹⁴ и впервые в историографии рассматривает вопрос о складывании слоя *служилой знати*, противопоставляя её аристократии¹⁵.

По его мнению, тенденции к централизации (апогеем проявления которых, с его точки зрения, было государство Маурьев, особенности которого он восстанавливает по свидетельствам КА) продолжали существовать и в послемаурийской Индии. *"Система управления Маурьев* сохранялась и при Гуптах, когда отмечаются тенденции к росту политической раздробленности, появление дарений земли, раздачи *кормлений* и др. качественно иные явления"¹⁶.

По мнению Н. Шастри, маурийские традиции в сфере управления во II в. до н.э. – III в. н.э. поддерживались во всей Индии, за исключением северо-запада¹⁷. Эволюция государства после Маурьев, в его интерпретации, сводилась к постепенному распаду централизованной системы, отраженной в КА¹⁸. Сходным образом представляли процесс развития индийской государственности Р. Тхапар, В.Р. Дикшитар, Б.Г. Гокхале, ряд иных индийских историков¹⁹.

Исследования А. А. Вигасина и автора настоящей статьи свидетельств КА и маурийской эпиграфики о государстве показали ошибочность принятых в историографии представлений о характере и структуре державы Маурьев, идеального государства, отраженного в КА²⁰. Вопреки сложившемуся в историографии стереотипу, КА, как и эдикты Ашоки, не дают возможности говорить о существовании в древней Индии *централизованного* государства, обладавшего *разветвленным бюрократическим аппаратом*. Подобного рода выводы, учитывая значение КА как источника по истории индийской государственности, а также то, что эпоха Маурьев традиционно расценивается как узловой момент в развитии государственности в Индии, требуют нового, комплексного обращения к свидетельствам источников по истории развития индийской государственности.

Настоящая работа, основанная на анализе свидетельств КА и эпиграфики, делится на несколько частей, каждая из которых является одновременно самостоятельным исследованием. Стремлением уточнить, как, с точки зрения авторов, было организовано древнеиндийское общество, вызвано обращение к анализу свидетельств КА. Учитывая значение КА в историографии, уделяя внимание критике стереотипа *"государства КА"*, я попытался более

¹¹ См., например, его ответ на работу Я. Хеестермана (Heesterman J.C. The Inner conflict of tradition. Chicago, 1985) в новом издании "Истории политических идей и институтов" (Sharma R.Sh. Aspects of Political Ideas and Institutions in Ancient India. Delhi, 1991).

¹² Ruben W. Die Entwicklung von Staat und Recht im Alten Indien. Berlin, 1968, с.162.

¹³ Ruben W. Там же, с. V.

¹⁴ Ruben W. Там же, с. 139-160.

¹⁵ Ruben W. Там же, с. 82-83, 135.

¹⁶ Ruben W. Там же, с. 202-205.

¹⁷ Sastri N. History of India. V.1, Madras, 1950, с. 116.

¹⁸ A Comprehensive History of India. V.2, Calcutta, 1957, с.339; Sastri N. History of India. V.1, Madras, 1950, с. 103-106.

¹⁹ Thapar R. History of India. Baltimore, 1966, с. 103,136; Dikshitar V.R. The Gupta Polity. Madras, 1952, с.10, 108; Gokhale B.C. The Story of Ancient India. Baroda, 1948, с. 71, 102; Raychaudhuri H. Political History of Ancient India. Calcutta, 1953, с.514-515 и др.

²⁰ Вигасин А.А., Самозванцев А.М. Артхашастра. Проблемы социальной структуры и права М., 1984; Лелюхин Д.Н. Государство, администрация и политика в Артхашастре Каутильи – в: Вестник древней истории, 1992, №2; Лелюхин Д.Н. Некоторые особенности структуры древнеиндийского государства по сведениям "Артхашастры" Каутильи. – в: Вестник МГУ, серия 8. История, 1989, №2; Vigasin A.A. Ashoka's Third Rock edict reinterpreted. – in: Indian Historical Review, v.22; Вигасин А.А. Лелюхин Д.Н. Держава Маурьев и проблема древневосточного государства. – в: Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. М., 1996; Лелюхин Д.Н. Структура державы Маурьев по сведениям эдиктов Ашоки. – в: Вестник древней истории, 1998, №2 и другие.

точно представить основные принципы мироустройства в теории политики КА, социально-политическую структуру общества, отраженного в трактате, не сводя его изначально к “государственному”, с точки зрения европейской концепции государственности, обществу.

Последующие части посвящены анализу свидетельств эпиграфических источников о социально-политическом устройстве современного им общества. Учитывая то, что эдиктам Ашоки уже посвящен ряд наших публикаций, здесь я ограничился только исследованием надписей времени Шаков и Сатаваханов из пещерных храмов Западной Индии, группой ранних грамот Паллавов и корпусом надписей времени Гуптов. Выбор этот не является случайным – общие представления об эволюции государственности в Индии в I пол. I тыс. н.э. в историографии во многом являются результатом соответствующей интерпретации свидетельств именно этих групп источников. Как и в работе с КА, разбирая свидетельства эпиграфики, я использовал, главным образом, метод контекстного анализа самих надписей, основное внимание уделяя интерпретации специальной терминологии, стремился реконструировать представления об организации общества, отраженные в каждой из групп надписей. Вместе с тем, исследованием текста КА и групп надписей задачи настоящей работы не исчерпываются. В заключение, основываясь на предшествующем анализе источников, мы попытаемся выделить общие признаки и особенности “модели идеального царства КА” и царств I пол. I тыс. н.э., соотнести полученные выводы с перечисленными выше “признаками государства”.

Важно подчеркнуть, что смысл настоящей работы видится нами не в аргументации того, что древняя и раннесредневековая Индия не знала “государства” с точки зрения общепринятых представлений о признаках и особенностях этого института. Такой путь представляется нам полностью бесперспективным не только потому, что он не может дать позитивных результатов. Формирование специального административного аппарата (чиновничества) и административно-территориального деления – явления гораздо более поздние и не являются, с нашей точки зрения, неперенными признаками существования государства (соответственно отсутствие их не может вести к выводу об отсутствии государственности). Поэтому, а также учитывая особенности терминологии рассматриваемых источников²¹, цель настоящей работы мы формулируем как анализ сведений источников о *социально-политическом* устройстве общества Индии I пол. I тыс. н.э. В рамках этой широкой проблемы в настоящей работе основное внимание мы уделим аргументации двух основных положений:

- как КА, так и эпиграфические источники не фиксируют наличие в рамках крупнейших держав послемаурийской Индии (Сатаваханов, Паллавов, Гуптов, Вакатаков) специального административного аппарата (чиновничества), административно-территориального деления; говорить о существовании в то время указанных институтов, учитывая общий контекст источников, не представляется возможным;

- анализ структуры мироустройства в концепции КА, сведений об указанных выше политических образованиях I-V вв., дает возможность утверждать, что они строились как объединения традиционных социальных организаций, сохраняющих в рамках рассматриваемых царств свою структуру, администрацию. Именно эти организации, обычно именуемые негосударственными, – общины, общинные объединения, племена, территории, подвластные различным представителям знати, зависимым правителям и др. – выполняли в рамках указанных царств функции территориальных подразделений. Их лидеры, руководители (каждый в рамках своей территории) осуществляли управленческие, административные функции. Таким образом, они являлись одной из важнейших частей общего *аппарата управления* царством, выполняя, по существу, *государственные* функции. Уважение, выражаемое царем местным традициям, местным лидерам, служившее цели формирования и сохранения связей с ними, обеспечения их лояльности как в теории политики, так и на практике, являлось одним из важнейших средств, обеспечивавших относительную целостность царства.

---

²¹ В эпиграфике, как и в КА, отсутствуют термины, которые можно было бы однозначно интерпретировать, как государство, территория государства, чиновник. И это представляется закономерным, поскольку государство – понятие европейской науки нового времени. Попытки индологов интерпретировать термины типа *bhukti*, *āhāra* и др., как обозначение административно-территориальных подразделений (присваивая им откровенно модернистское значение – “провинция”, “дистрикт” и др.), не выглядят аргументированными. Показательна, в этом отношении безуспешность отдельных попыток сведения такого рода терминов в систему (см., например, Shirmali A.G. *Agrarian Strukture in Central India and Northern Deccan*. New Delhi, 1981).

1. Основные принципы мироустройства и концепция идеального государства в “Артхашастре” Каутильи.

Говоря об основных принципах мироустройства в теории политики КА и о социально-политической структуре общества, отраженного в КА, я имею в виду концепцию *идеального царства*, которая, на мой взгляд, отражает в самом общем виде представления авторов трактата об устройстве общества того времени. Концепция эта в КА представлена в форме ряда основных принципов, специальных понятий, исходя из которых строятся рекомендации авторов трактата.

При анализе свидетельств КА следует учитывать, что политическая терминология трактата имеет свою специфику: одни и те же лица, в зависимости от контекста, могут обозначаться различными важнейшими для теории КА терминами, указывающими лишь на определенного рода аспект отношений с царем, иными лицами, структурами²². Поэтому не всегда можно с уверенностью судить о статусе такого лица, его конкретном месте в социально-политической структуре общества. Так, например, “слугой” в тексте может именоваться и знатный аристократ, и даже царь. Кроме того, лицо, обозначенное в отдельных контекстах как “сановник” (“mahāmātra”), в иных может обозначаться как “сподвижник” царя (amātya). Если же он исполняет функции “надзирателя”, соответственно он обозначается термином “adhyakṣa” и т.д. Вместе с тем можно говорить о некоторых тенденциях, позволяющих представить структуру общества согласно теории КА.

Вопреки стереотипу представлений о могущественном бюрократическом “государстве КА”, в трактате отсутствует четкое разделение и противопоставление *управляющих* и *управляемых*. Большинство из упоминаемых в трактате лиц, от царя до домохозяина, являются носителями власти; не случайно в трактате царство уподобляется домохозяйству и правитель иногда именуется “bhartṛ” (кормилец). И хотя царство выделяется в трактате довольно четко, о нем скорее можно говорить не как о *государстве*, с хотя бы относительно единой администрацией, а как о весьма рыхлом объединении организаций и “коллективов разного рода, крупных и малых, тесно связанных между собой, входящих один в другой или взаимно пересекающихся”²³. (Хотелось бы подчеркнуть политический аспект приведенного рассуждения, авторы КА в конкретных рекомендациях исходят, как мне представляется, именно из такого представления о структуре современного им общества.) Возможно поэтому, даже, казалось бы, естественное для *трактата о политике* разделение “царь–подданные” не играет в тексте и в теории политики особо важной роли. Более важным представляется встречающееся в ряде случаев в тексте противопоставление простых или *малых* людей (kṣudraka) *большим, главным* (pradhāna, КА I.13.26; VII.5.36.)²⁴, которое в иных случаях рассматривается как противопоставление малых людей начальствующим лицам (mukhya, КА VIII.4.9)²⁵. Последним термином в трактате обобщенно именуются главы целого спектра организаций – разного рода территорий, общин и организаций, преимущественно общинного типа – deśa (область, областная община),²⁶ grāma (деревня, деревенская община), jāti (каста), saṅgha (объединение, КА XIII.5.9), śreṇī²⁷ (ремесленная корпорация, КА VIII.4.27), pura-gaṣṭra (город, область, КА I.16.7, II.16.21). Такого же рода организации, вероятно, подразумеваются, когда говорится о “руководителях горожан,

²² Множество примеров такого рода будет отмечено ниже. Такая особенность терминологии выглядит характерной для многих ранних обществ.

²³ Вигасин А.А., Самозванцев А.М. Артхашастра... М., 1984, с. 145.

²⁴ Вигасин А.А., Самозванцев А.М. Артхашастра... М., 1984, с. 148. Хотя этот многозначный термин в КА можно толковать как социальный, в тексте, в большинстве случаев, делается упор на его политическое значение. Это выглядит естественным, ибо КА – трактат о политике. Ср., например, КА VII.14.1, 18.8, где говорится о главном (pradhāna) среди царей.

²⁵ Трудно не согласиться с мнением А.А. Вигасина (Вигасин А.А., Самозванцев А.М. Артхашастра... М., 1984, с.148), что так именовались разные категории знати, как служилой, так и родовой. Вместе с тем термин этот в контексте рекомендаций КА (см., например, КА I.13.26; VII.5.36) характеризует, прежде всего, политические отношения или политический аспект социальных отношений. Не случайно в “Амаракоше” (II.VIII.1.5) термин представлен, как синоним столь же важного для КА иного термина mahāmātra (о значении этого термина в КА см. ниже).

²⁶ Термин deśa служит обозначением территории области или областной общины (см. подробнее: Вигасин А.А., Самозванцев А.М. Артхашастра... М., 1984, с.131). В рамки царства включаются несколько таких территорий (КА VIII.4.7, 15). Вместе с тем в отдельных контекстах можно его интерпретировать и как обозначение собственных владений царя.

²⁷ Термины śreṇī и saṅgha могут употребляться в КА, как синонимы (Вигасин А.А., Самозванцев А.М. Артхашастра... М., 1984, с.136).

сельских жителей и войска” (paura-jānapada-daṇḍa-mukhya, KA IX.7.68). Этот же термин употребляется, когда говорится о руководителях войска (hasty-aśva-ratha-mukhyā, KA V.3.10), что не выглядит неожиданным, учитывая особенности формирования последнего (включающего, согласно свидетельствам трактата, ополчение гильдий, отряды наемников, союзников и др.)²⁸. Царство-“rājya” в КА представляется как объединение таких организаций и их территорий. Во главе многих из них находились начальники - mukhya. Поэтому последние являются важным фактором в рекомендациях трактата.

Отправляющимся за пределы царства: *послу* в КА I.16. 7, “надзирателю за торговлей” в КА II.16.21, предлагается “вести переговоры с главами областей и городов” (pura-gāṣṭra-mukhya) как с соседними царями. В определенных условиях *начальствующее лицо*, как и *соседний государь*, могут расцениваться и как претенденты на трон (KA V.6.16, ср., также, KA V.6.7, 14; KA IX.6.40). С другой стороны, *начальствующие лица* – главный объект “внутренней политики” царя. Хотя, как говорится в КА VII.5.35-36, “недовольство подданных можно устранить, задержав их руководителей” (pradhāna), можно действовать и иначе. “Оказывая уважение начальствующим лицам” (prakṛti-mukhya, KA VII.5. 37), царю предлагается “ссорить их между собой и препятствовать их объединению” (очевидно, против него). По аналогичной рекомендации КА VIII.4.18 – “распрям среди подданных можно положить конец, задержав их начальствующих лиц” (prakṛti-mukhya, KA VIII.4.18).

В КА IX.6.2-3 говорится: “По отношению к горожанам или сельским жителям”²⁹ для очищения (их рядов) от изменников следует употреблять (все четыре) метода политики (upāya³⁰), кроме наказания. Ибо наказание невозможно употребить по отношению ко множеству людей (mahājana)³¹. Или же употребленное, и пользы не приносит (оно), и иной вред приносит. По отношению же к их начальствующим лицам следует действовать (соответственно рекомендациям главы) *О применении [тайных] наказаний*. Здесь имеется в виду, очевидно, глава КА V.1, где идет речь главным образом о “наказании” *изменников-“махаматров”*. Текст как бы сам отправляет нас к иному важному объекту “внутренней политики” царя – лицам, именуемым mahāmātra (“сановники”)³². Последние отличаются от “начальников” тем, что никогда прямо не связываются в КА с конкретными организациями. Вместе с тем, исходя из рекомендаций трактата, очевидно, что они обладают значительными ресурсами, позволяющими по просьбе царя собирать подати и пр. Они даже, подобно царям, могут иметь свою “группу сторонников” (pakṣa). Представляется не случайным, что в ряде интриг в КА именно “махаматры” и **только они** характеризуются, как обладающие правами на царский престол, “царскими признаками”. Так, например, согласно КА XII.2.19-20, “подстрекателю” следует указывать “махаматру” на то, что “он обладает признаками царя” (rājalakṣaṇa), а жене его, что “она будет царицей или матерью царевича”³³. Вместе с тем в отдельных контекстах термины

²⁸ Правда, в отдельных случаях (например, II.4.29-30, IX.3.10) складывается впечатление что речь идет просто о военачальниках. Это не противоречит, однако, толкованию термина.

²⁹ Очевидно, имеются в виду не любые подданные. Возможно, это, прежде всего, те, кто платит подати (Вигасин А.А., Самозванцев А.М. Артхашастра... М., 1984, с. 148) или просто, зажиточное население.

³⁰ Термин “упая” (методы политики), подразумевает, согласно традиционной классификации, использование “примирений, подарков, провоцирования раскола и наказания” (обычно – “sāma dāna bheda daṇḍa” - см., например, КА II. 10.47-53).

³¹ Здесь мы следуем переводу Кангле (The Kautiliya Arthashastra. P.2. An English Translation with Critical and Explanatory Notes. Ed. by R.P. Kangle, Delhi, 1992). Тогда четко видна логика рекомендации, которая сходна с отмеченными выше – удерживать население от мятежа, воздействуя на руководство городских и сельских организаций. (См. иное толкование: Вигасин А.А., Самозванцев А.М. Артхашастра... М., 1984, с. 148 – при такой интерпретации логика рекомендации ведет к отождествлению терминов mahājana и paurajānapada, что выглядит здесь сомнительным).

³² Термин этот, распространенный в текстах и эпиграфике, обычно переводится как “министр, сановник”, хотя буквальное его значение – “человек высокого положения, наилучший”. Мы приводим наиболее приемлемый из принятых вариантов перевода этого термина. При этом особенно важно иметь в виду, что смысл термина не сводится к обозначению положения какого-либо лица при дворе. Достижение положения “махаматра” не является следствием близости к царю а, скорее, **наоборот**, – в силу своего высокого положения в обществе *наилучший*, “махаматра”, обладающий высоким социальным статусом – главный претендент на занятие должностей при дворе. От его верности и лояльности государю зависит единство царства и прочное положение государя на троне. Поэтому, возможно, в КА V.1 больше всего говорится об устранении “изменников-махаматров”.

³³ Ср. также КА I.10.7 – в единственном случае в главе этой упоминается *махаматр*, которому говорят, что его любит *главная царица*. В КА V.1.15 объектом подстрекательства становится *сын махаматра*, которому говорят – “ты сын царя”.

“махаматра” и “мукхья” выглядят взаимозаменяемыми³⁴. Учитывая буквальное значение термина “махаматра”, можно предполагать, что им обозначаются наиболее могущественные (“наилучшие”) из “мукхьев” – правителей, знати, руководителей различных организаций общинного типа, включаемых в структуру царства.

“Махаматры” и “мукхьи” в КА вместе с подчиненными государями (daṇḍopānata), различного рода иными зависимыми государями (соседи - sāmānta, союзники - mitra) и вождями лесных племен включаются в структуру царства, образуют довольно аморфную³⁵ группу “правителей-господ” или “больших людей” (pradhāna). Население царства, подданные царя – горожане и сельские жители (paurajānapada) – живут в рамках различных коллективов, организаций, во главе которых находятся указанные лица. Именно они (не “люди” царя, и не “надзиратели-адхьякши”) являются, помимо “царя”, главными действующими лицами в рекомендациях трактата.

Важно подчеркнуть, что авторы трактата, подробно рассуждая о достоинствах и обязанностях даже мелких служащих и соглядатаев, не сообщают ничего подобного о мукхьях и махаматрах. Указанные лица, очевидно, не назначались царем и получали соответствующий статус по рождению или иными путями. Примечательно, что о них речь идет главным образом в рекомендациях по устранению “изменников” (dūṣya) или противников государя. Статус начальствующего лица или сановника прямо не связывается в трактате с обязанностями служить царю, хотя и подразумевается, что они играли важную роль и могли исполнять целый ряд поручений царя, важных функций в “царстве КА”. Исходя из этого, можно объяснять появление указанных терминов в отдельных, казалось бы, неожиданных контекстах. Так, например, в КА II.7.24-25, где речь идет об “организации отчетности” среди “надзирателей” (“adhyakṣa”), говорится о том, что махаматрам следует правдиво сообщать сведения о “сфере их деятельности”³⁶, если же они говорят неправду – они обязаны выплачивать штраф. Причина появления термина в таком контексте, по-видимому, в том, что махаматры могли выполнять функции надзирателей. Соответственно предложение КА II.9.31 царю “организовывать службу” (adhikarāṇa)³⁷ “непостоянную и со многими начальниками” (bahu-mukhyam-anityaṁ) можно

³⁴ Так, например, в КА V.1.4 говорится о том, что против “изменников – фаворитов и объединившихся начальствующих лиц (мукхья), наносящих вред царству, которым царь не может противодействовать открыто, следует использовать тайные средства наказания”. Далее же в тексте говорится об интригах, в результате которых предполагается устранение “изменников-махаматров” (КА V. 1.5-32, они же, скорее всего, подразумеваются и в КА V.1.33-42). Несмотря на это, однако, я не стал бы утверждать, что в КА термины мукхья и махаматра синонимы. Термином мукхья обозначается более широкий круг лиц, лишь часть которых могут именоваться “наилучшие, наиболее могущественные”, т.е. “махаматры”.

³⁵ Это проявляется в неопределенности терминологии (Вигасин А.А., Самозванцев А.М. Артхашастра... М., 1984, с. 148-154). “Вожди лесных племен” (āṭavika), например, вместе с советниками и военачальниками включаются в группу приближенных царя, именуются “лицами достойными уважения” (tīrtha, I.12. 6, они, согласно I.13.1, считались “сановниками-махаматрами”). Они же участвовали и во внешнеполитических интригах, борьбе (см., например, КА XII. 1.21), в том числе и в качестве враждебной по отношению к царю силы. Отмечается, что они “живут на своей земле” (svadeśa-sthā) КА VIII.4. 43, “уподобляясь царям” (gājasadharmāṇa). Все это побуждает задуматься о невозможности линейного, плоскостного представления о структуре взаимоотношений и взаимосвязей в государстве КА, говорить скорее об общих принципах построения царства в КА. Это соответствует представлению о том, что в трактате мы имеем дело с теорией политики, а не с конкретными рекомендациями по управлению государством и внешней политике (R.P. Kangle The Kautiliya Arthashastra. P.3. A Study. Delhi, 1992, с. 64-65, Вигасин А.А., Самозванцев А.М. Артхашастра... М., 1984, с. 19, 25).

³⁶ Pracārasamāṁ. Это единственный случай употребления термина махаматра во II книге КА, озаглавленной Adhyakṣapracāraṇ, деятельность надзирателей.

³⁷ Было бы ошибкой, на мой взгляд, переводить здесь этот термин как ведомство (department). Причина даже не в том, что “непостоянное ведомство со многими начальниками” выглядит странным с точки зрения государственного устройства. Ведомство как элемент государственного устройства выглядит очевидной модернизацией, не приложимой к “царству КА”. Здесь имеются в виду, скорее, конкретные поручения царя (см., например, КА V.1.39: “набери войско, собери золото” и пр.) Естественно, они не могли быть постоянными. Термин “adhikarāṇa” здесь можно понимать как синоним слову “karman” (дело, поручение, служба) – см., например, КА II.9.19. Содержание КА I.10 свидетельствует, что такие дела (adhikarāṇa, КА I.10.1= karman, КА I.10.13-15) могут толковаться и как служба в качестве судьи, служба по устранению преступников (dharmasthīya-kaṇṭakaśodhana), служба сборщика и хранителя (samāhartṛ-samnidhātṛ), служба по охране царя, служба советника. Они, скорее всего, считались постоянными. В тексте присутствует и иной список дел (karman) – “устройство крепости, оросительного сооружения, торгового пути, разработка рудника и пр.”, исполнение которых не только могло быть поручено “махаматрам” (см., например, КА V.1.39) но и, даже, является предметом договоров между царями (КА

рассматривать как свидетельство в пользу того, что функции “адхьякш” исполняли “начальствующие лица”, т.е. знать. И это представляется закономерным.

Исходя из КА I.10.7-8, можно судить о том, что в тексте КА “махаматры” могут именоваться также “сподвижниками” (amātya) государя (иначе, например, непонятным становится появление термина “махаматра” при изложении методов испытания “сподвижников”). Сопоставление содержания КА I.12.6³⁸ с КА I.13.1 показывает, что махаматрами могли считаться как представители ближайшего окружения царя, “советник, военачальник, казначей, сборщик”, так и “начальствующие лица в войске, крепости, хранитель окраин” (daṇḍa-durg-ānta-pāla) и даже “вождь лесного племени”. Все это выделяет термин “махаматра” из массы иных, используемых в трактате. Не случайно, в примечательном контексте КА V.6.34, где идет речь о подготовке к возведению на трон царевича, Каутилья предлагает *сподвижнику* царя (amātya, в данном контексте он выглядит, как регент) собрать *махаматров* и, показав наследника, говорить им: “Он только зная, вы же господа”.

Представления об относительно аморфной группе *господ-правителей* различного уровня или “больших людей” противопоставляемой группе “низких” или “простых” людей являются в рекомендациях КА, на мой взгляд, основой *мироустройства* как с точки зрения его социального³⁹, так и *политического аспекта*. Все “большие люди” могут быть обозначены термином “pradhāna”. Одновременно, значительная их часть может в КА именоваться “начальствующие лица” (mukhya, КА VIII.4.9-12). Лишь часть последних, наиболее могущественные из них (“наилучшие”), могут именоваться mahāmātra. Группа “махаматров” занимает промежуточное положение в ином разделении общества в КА – на “царей” и “не царей”. Одним из главных отличий “махаматров” от иных “pradhāna” является их близость к царям по статусу, обладание ими “царскими признаками”. Принципиально важными при рассмотрении различных “интриг” с участием “махаматров” выглядят указания именно на эту особенность их положения. Она делала их не только главными претендентами на любую “должность” при дворе, но и единственными из “не царей” естественными претендентами на царский трон.

Особое место в группе “*господ-правителей*” занимают цари, лица, обладающие царской властью. Разделение общества на “царей” и “не царей” в КА, как мне представляется, является относительно самостоятельной классификацией. Значение царской власти в концепции трактата в немалой степени результат соответствующей традиции интерпретации этого института (прежде всего, в первых главах трактата). Она представляется особой, появившейся на определенном этапе развития универсальной организующей силы, отчасти мистической, возникновение которой связывается с общими для всего общества задачами. Поэтому царской титулатуре, как и царской власти, в ранней традиции придавалось исключительное значение. В КА, как и в ранней эпиграфике, титул “раджан” встречается значительно реже, чем можно ожидать от трактата о политике. Выглядит не случайным также, что в трактате нет специального термина для обозначения правителя объединения “царств” – “державы” - “мандалы”.

Важно подчеркнуть, что группа “царей” в концепции КА выглядит неоднородной, разделяется, главным образом, на “доминирующих” и “подчиненных” (daṇḍopānata), “зависимых” (vaśya). Различного рода “соседи” (sāmānta)⁴⁰ и “союзники” (mitra) включаются в КА в рамки, как

VII.11-12). Именно они могли исполняться различными лицами, толковаться, как временные поручения. Успешное их осуществление царем, *стремящимся к завоеваниям* (см., например, КА IX. 5.8; КА VII. 1.32) принятие мер, чтобы помешать исполнению этих же *дел* противником – характеризуется, как успех в политике. И, наконец, в тексте столь же часто присутствует *толкование* службы, как деятельности по сбору податей и осуществлению наказаний (см., например, КА I. 13.3,19; V.1.39). Ряд контекстов позволяет предполагать временный характер таких *дел*, считать их отдельными поручениями.

³⁸ Речь идет об организации надзора за перечисленными в КА I.12.6 mantri-purohita-senāpati-yuvarāja-dauvārika-antarvaṇīśika-prasāstr-samāhartṛ-saṇnidhatṛ-pradeṣṭṛ-nāyaka-pauravyāvahārika-kārmāntika-mantripariśadadhyakṣa-daṇḍa-durg-āntapāla-āṭavika, именуемыми наиболее уважаемыми лицами” в царстве, tīrtha, (См, например, R.P. Kangle The Kautiliya Arthashastra. P.3. A Study. Delhi, 1992, с.194).

³⁹ Вигасин А.А., Самозванцев А.М. Артхашастра... М., 1984, с. 148.

⁴⁰ Термин этот в КА имеет и иное, более широкое значение – “сосед” - домохозяин. Анализ контекстов употребления указанного термина в трактате подчеркивает, как мне представляется, уподобление общине многих институтов в концепции КА. Объединением (в большинстве случаев, неравноправным) “соседей” в КА является не только деревенская община - “грама”, “объединение 5-10 деревень”, квартал, область (см. подробнее: Вигасин А.А., Самозванцев А.М. Артхашастра... М., 1984, с. 156-157), но также, по-видимому, “царство” и держава - “мандала”.

обычного “царства” (*gāṇa*), так и державы (“*maṇḍala*”), являются, наряду с “мукхьями” и “махаматрами” основными персонажами рекомендаций трактата. “Союзники” или “соседи”, чаще всего, “зависимые” цари, могут в отдельных рекомендациях трактата по отношению к иным царям, одновременно, сами выступать в качестве доминирующих.

Структура общества в концепции КА выглядит как комплекс организаций и коллективов различного рода, во главе которых находились различные представители группы “*господ-правителей*”. Часть таких организаций, в свою очередь, являлась объединением (нередко неравноправным) более мелких организаций. Деревенская община - “грама”, во главе которой находился староста или *господин деревни*, являлась объединением группы *домохозяйств* во главе с *домохозяевами*. Деревни, в свою очередь, включались в рамки более широкой территориальной общины (“пять-десять деревень” или “деша”). Несколько таких территорий включались в рамки царства вместе с городами, территориями⁴¹, подвластными различным “начальникам”, зависимым государям (“саманта, дандопаната”), вождям лесных племен. Царство (“*раджья*”) во главе с царем (“*раджан*”) представляется в трактате как объединение территорий более мелких, зависимых государей, территорий, подвластных сановникам - “махаматрам”, начальникам - “мукхьям”, вождям лесных племен и другим. В свою очередь, царство включается в объединение более высокого порядка – “державу-мандалу”.

Широко используемое в индийской традиции понятие “мандала”, частный случай употребления которого (это представляется необходимым подчеркнуть) служит для обозначения державы в КА, выглядит своеобразным алгоритмом для традиционного мироустройства, социально-политической структуры общества. Принцип построения “мандалы” (формальное единство территорий доминирующего и зависимых “господ-правителей” в рамках одного объединения, своего рода неравноправный *коллектив правителей*) приложим не только к структуре объединения царств, державе, но и к отдельному царству, и, скорее всего, к обществу в целом.

Хотя отношения между представителями разных ступеней общественной иерархии (доминирующий царь – подчиненные, зависимые правители, царь – “махаматры”, царь – “начальствующие лица”) **имеют свои особенности**⁴², которые нельзя не учитывать, одновременно они имеют и **много общего**. Например, для устранения “изменников”: зависимых государей, сановников - “махаматров”, начальников - “мукхьев” и даже своих служащих, “сборщика” и “адхьякш” (что представляется необходимым подчеркнуть), царь вынужден прибегать к интригам (нередко однотипным), не имея, видимо, возможности просто сместить их. Большинство обозначенных выше руководителей такого рода организаций (и даже некоторые из организаций целиком, в том числе *города, селения, семейства* – *pura, grāma, kula*, КА V.1.43) выступают в трактате как субъекты и объекты *политических* отношений. В связи с этим возникает вопрос, насколько свободно, согласно теории КА, мог распоряжаться царь на подвластной даже ему лично территории.

Отношения между представителями разных уровней общественной иерархии “господ-правителей” осмысливаются в КА как бы в нескольких аспектах и нередко характеризуются сходным образом (друг, слуга, господин, сторонник, сподвижник и т.д.). Важной характеристикой в КА выглядит обладание большинством из них “группой сторонников” (*pakṣa*). В этом нет ничего необычного, когда говорится о царях. Формирование “группы сторонников царя” и борьба с “группой сторонников противника” в собственном царстве и в царстве противника в КА – одна из важнейших задач политики любого царя. Причем в качестве таких сторонников (как царя, так и его противника) в тексте могут пониматься не только зависимые, лояльные по отношению к государю правители, “соседи” или “союзники”. Состав “группы сторонников царя”, например, представляется значительно более широким. Судя по содержанию глав КА I.13-14, сюда включаются практически все его подданные – “горожане и жители сельской местности”, “большие” и “низкие” люди (*pradhāna* и *kṣudraka*, КА. I.13.1, 26). Естественно, наибольшее значение для царя имела лояльность “больших” людей, знати, в которых нетрудно предполагать, прежде всего, глав, лидеров включенных в рамки царства организаций – тех же “махаматров”, “мукхьев” и иных.

⁴¹ Не будет преувеличением, если предположить, что они имели сходное с царством устройство.

⁴² Так, например, в КА II. 10.4 присутствует противопоставление лиц обладавших и не обладавших царским достоинством (*īśvara* - *anīśvara*). В послании первому, из вежливости, предлагается упоминать название страны, царства и рода, обращаясь ко второму, достаточно было упомянуть только название страны.

Важно подчеркнуть, что авторы трактата исходят из того, что в царстве (т.е. среди знати, лидеров включенных в царство организаций и пр.) имеется также и “группа сторонников” противника царя⁴³. Предлагается “вносить раскол” между ними, ссорить их с соседними государями, вождями лесных племен, родственниками и лишенными наследства царевичами (КА I.13. 17-18)⁴⁴, т.е. бороться с ними, как с царями. В ином случае, поручив им как слугам “сбор податей и осуществление наказаний” (daṇḍa-kara-sādhanaḍhikāra), рекомендуется вызывать недовольство ими со стороны населения и подчинять, используя “тайные методы”⁴⁵ (КА I.13.19-20, речь идет об интригах, подробно рассматриваемых, например, в КА V.1). Очевидно, “сторонники противника”, как и “сторонники царя”, это те же сановники - “махаматры”, начальники - “мукхы”, иные представители слоя “господ-правителей” в КА⁴⁶. Царство с такой точки зрения представляется объединением подчиненных царю как его сторонников, так и сторонников его противника, а методы, предлагаемые по удержанию их в подчинении, сближаются с рекомендациями VII книги, посвященными взаимоотношениям с царями, обычно интерпретируемыми как рекомендации по “внешней политике”. Аналогично в трактате говорится о “группе сторонников царя” в царстве его противника. Они являются важным средством в политике, используются для ослабления и подчинения государя-противника (см., например, КА VII.15.12, XII.3.11).

Исключительно важно, что в КА как обладающие “сторонниками” характеризуются также сановники - “махаматры” (например, КА V.1.11), начальники - “мукхы” (КА V.6.8; КА XIII 3.36) и даже надзиратели - “адхьякши”. (КА II.9. 24). Это дает возможность предполагать, что отношения в рамках царства осмысливались в КА как сходные, принципиально однотипные с отношениями в рамках их владений, организаций или коллективов, во главе которых они находились. Даже *слуга* (anuḍvīn)⁴⁷ царя характеризуется как обладающий “группой сторонников” (КА V.4.7). Наличие “группы сторонников” у большинства представителей слоя “господ-правителей” – как царей, так и не царей – характерный признак социально-политического устройства общества в КА.

Важную роль в КА играют отношения слуги и господина, также распространяемые на все общество. Понятие “слуга” в теории политики намного шире обычного – под ним подразумевается не столько прислуга, дворян, сколько лица, подчиненные правителю, действующие по его поручениям и в его пользу – представители “группы сторонников царя” (pakṣa). Как группа слуг (bhṛtyavarga) толкуются в КА VIII.1.13 “советник, домашний жрец царя и другие” (скорее всего, здесь подразумеваются “лица достойные уважения”, tīrtha, перечисленные в КА I.12.6). В одном контексте рассматривается вопрос о восстановлении прерванных связей с союзником (судя по содержанию КА VII.6.22-32, царем) и слугой (bhṛtya), который ушел и вернулся (ср. КА V. 4. 12-15 и VII. 6.22-23, см., также КА IX.3.3). В КА VII. 15.21 говорится о царе, который, получив поддержку от более сильного правителя, подчинившись ему, вынужден действовать подобно слуге (ср. КА VII.15.2 и заглавие КА V.4). Различные соседи–цари (sāmanta), перечисляемые в КА VII.18.29 именуются “подобные слугам” (bhṛtyabhāvin). Поэтому не выглядит странным и то, что в списке “выплат слугам” (bhṛtyabharaṇīyam) наряду с платой для дворни царя фиксируется плата жрецу (ṛtvij), учителю (ācārya) и домашнему жрецу царя, наследнику царя, матери царя, его главной царице, царевичам (kumāra) и иным. Распространение

⁴³ См. также КА VII.6.34-35, где при обсуждении отношений со слугой-союзником (bhṛtya, mitra), который ушел и затем вернулся, упоминается “принадлежащий к группе сторонников врага” (aripakṣīyam). Его предлагается отправить против прежнего господина (bhartṛ) или, сделав военачальником (daṇḍacārīṇam kuryāt), направить на противника, вождя лесного племени или иных на окраинах.

⁴⁴ Аналогичные меры предлагаются для подавления мятежа “начальствующих лиц местности, хранителя окраин, вождя лесного племени и подчиненного царя” (КА IX. 3.24). Показательна близость этого списка к КА.I.10.3, где перечисляются лица, которыми предлагается заменить царя на троне, как и к КА IX.6.71, где предлагается с помощью тех же “соседних [государей], вождей лесных племен, родственников и лишенных наследства [царевичей]” - уничтожать царства (gāya) “внутренних” противников царя. Этим же лиц в КА XII.4.1-3 предлагается использовать для борьбы с противником.

⁴⁵ Сходные меры предлагаются для устранения изменника-махаматра в КА V.1.39.

⁴⁶ При этом под группой сторонников могут подразумеваться и только государи (tat-pakṣīyāṇāṁ gājñāṁ, КА VII.2.23).

⁴⁷ Конечно, речь идет не о прислуге, а о тех же сановниках - “махаматрах”, начальниках - “мукхьях”. В случае если господин настроен враждебно к такому слуге, отнимает “почести и блага” (arthamāna), он может уйти к союзнику (mitra). Сходный контекст имеется в КА VII.6.22-23, где говорится об ушедшем и вернувшемся слуге (bhṛtya) и союзнике (mitra), свидетельствующий о близости этих понятий.

отношений “слуга-господин” на все общество или уподобление им отношений между любыми представителями общественной иерархии – важная особенность концепции социально-политического устройства общества в КА.

Одним из важнейших элементов концепции КА является понятие *amātya* (сподвижник, спутник), фиксирующее особый аспект социально-политического устройства общества в КА, взаимоотношений царя и его окружения. О значении его можно судить, исходя из того, что о нем идет речь уже в одной из первых глав трактата. В заключение главы “О победе над чувствами” говорится: “(Только) вместе с помощниками (можно править) царством ...” (КА I.7.9) и далее, в качестве первого из таких помощников говорится об “аматье”⁴⁸. Этот термин широко употреблялся во многих древних и средневековых текстах, эпиграфике. И если он первоначально обозначал домашнего слугу царя⁴⁹, то в КА он обычно переводится как “министр” или “чиновник”, что выглядит очевидной ошибкой – подобного рода акценты не свойственны КА (нет здесь также понятий правительство, государство). Примечательно, что даже в позднем (конец I тыс. н.э.) комментарии к “Нитисаре” Камандаки, политическому трактату в стихах, составленному в русле традиции артхашастры, термин этот также толкуется как обозначение “домашнего слуги царя”⁵⁰. Очевидно, двор царя, его ближайшее окружение изначально формировалось из его *слуг* (при широком толковании этого термина). Знать, местное руководство, благодаря службе царю, включались в группу его приближенных, становились его “сподвижниками”. “Идеал аматьи” в КА понимается как “идеал слуги”, соответствие которому является одним из важнейших критериев при назначении посла, судьи, надзирателя-адхьякши, сборщика и иных слуг царя. “Идеальное царство” подобно хорошо организованному домохозяйству – в нем на всех ключевых постах, во всех властных структурах находятся лица, обладающие соответственными достоинствами, “идеальные аматьи”. В КА XIII.1.12 даже “группа сторонников царя” (*svapakṣa*) толкуется, как состоящая только из “сподвижников царя” (*amātya*) и “простых воинов” (*āyudhīya*). Весьма примечателен смысл полемики в КА VIII.1.6-18. По мнению Бхарадваджи, “пороки сподвижников (*amātyavyasana*) более чреваты последствиями для царства, чем пороки царя (*svamivyasana*), ибо от сподвижников зависят совет, достижение результатов совещаний, исполнение дел, осуществление расходов и получение доходов, наложение наказаний, противодействие врагу и вождю лесного племени, защита царства, противодействие затруднениям, охрана царевичей и помазание их на царство”⁵¹ (т.е. налицо отождествление функций аматьи с функциями большинства служащих царя). “Возражения”⁵² же Каутильи сводятся к тому, что царь занимает “главенствующее положение” (КА VIII.1.18) по отношению к тем, кто исполняет важные для царства дела, сам назначает их и направляет действия “группы слуг, состоящих из советника, домашнего жреца и других”⁵³, осуществляет “использование адхьякш”. Он заменяет “порочного аматью” на обладающего должными достоинствами, оказывая почести заслуживающим это и наказывая изменников. В качестве “аматьев” - сподвижников в КА могут выступать не только представители ближайшего окружения царя (советник, посланец, писец) но и судьи (КА III.1.1, явно находящиеся за пределами двора), все “надзиратели” (*sarvādhyakṣa*, КА II.9.1) “сборщик” (*saṁāhartṛ*) и “хранитель” (*saṁnidhātṛ*, КА I.10.13), иные лица.

В КА IX.3.20 говорится о мятеже “внутренних аматьев (“сподвижников государя”), кроме⁵⁴ советника и других”, представляющем опасность для царя. Сопоставление порядка перечисления этих лиц (в том числе и в КА IX. 3.22) позволяет утверждать, что здесь идет речь о 18 “наиболее уважаемых лицах царства” (“тирхтх”, толкуемых нередко как “18 главных должностных лиц царства”; их же, согласно КА I.13.1, можно считать сановниками -

⁴⁸ Название главы 8 *Amātyotpatti* обычно не совсем точно переводится как “Назначение аматьев”. Термин *utpatti* (происхождение, источник) подразумевает, скорее, обсуждение или перечисление достоинств (аналогично – в следующей главе, где речь о советнике и домашнем жреце царя).

⁴⁹ Вигасин А.А., Самозванцев А.М. Артхашастра... М., 1984, с. 148-149.

⁵⁰ См. комментарий к V.1.7 - *аматья* - от слова *дом*, слово, употребленное в смысле *вместе, вместе с царем* находятся, действуют во всех предприятиях – таков [смысл слова] *аматья*.

⁵¹ VIII.1.8. *mantra mantrapālāvāptiḥ karmānuṣṭhānamāvyavakarma daṇḍapraṇayanamamitrāṭavipratishedho gāyarakṣaṇaṁ vyasanapratikāraḥ kumārarakṣaṇam-abhiṣekaśca kumārāṇāmāyattam-amātyeṣu*

⁵² Здесь не опровергается тезис Бхарадваджи о зависимости всех дел от *аматьев* (ср., КА VIII.1.23), подчеркивается только то, что царь руководит своими слугами-сподвижниками. Примечательно, что группа слуг (“тирхтх”, “махаматры”) отделяется от адхьякш - “надзирателей”.

⁵³ Это скорее всего опять же “тирхтх”, перечисленные в КА I.12.6.

⁵⁴ Смысл исключения в том, что о домашнем жреце, военачальнике, наследнике-царевиче, речь идет выше, в КА IX.3.12-19.

"махаматрами"), список которых дан в КА I.12.6. Примечательно, что и комментарий "Наячандрика" явно отсылает нас к КА I. 12.6, толкуя в этой фразе термин "antaramātya" – "главный привратник, глава дворцовой охраны и другие"⁵⁵, буквально продолжая перечисление "тиртва" в той же последовательности, что и КА I.12.6. Различие терминов (abhyantarakopa, antaramātyakopa) выглядит несущественным (ср., например, КА VIII. 2.2-3, где присутствуют оба термина). Судя по контексту КА IX.3.22, где перечисляются как "поднимающие внешний (bahya) мятеж" – хранитель окраин, вождь лесного племени, подчиненный (царь), глава области", (gāṣṭra-mukhy-āntapāl-āṭavika-daṇḍoranata, два первых заключают в КА I.12. 6. список "тиртва"), мы можем считать с достаточной долей уверенности их также *аматьями*, *сподвижниками* царя⁵⁶. Не раз в КА предлагается царю не посягать на имущество, жен и детей⁵⁷ устранных слуг, сановников - "махаматров" и зависимых государей-союзников (КА V.1. 55-56; VII. 16. 26-33; VII. 18.20; XII.2.31-32), оставляя его их наследникам. Тогда, как подчеркивается, последние будут служить его детям и внукам (союзники-государи в качестве подчиненных, daṇḍoranata, КА VII.16.29). Если же он будет все же посягать на землю, имущество, детей и жен убитого, то на него поднимется вся "мандала" (т.е. все, весь Мир), в том числе и "аматьи"⁵⁸, подобно царям, сидящие на своих землях (КА VII. 16.31).

Не случайно термин "аматья" фигурирует чаще всего в качестве второго элемента при изложении концепции семичленного царства (saptaṅga), широко распространенной в индийских текстах. Идеально царство у царя, имеющего идеальные достоинства, все "слуги" которого (в широком значении, т.е. выполняющие царскую службу) соответствуют идеалу "аматьи". Соответственно не только "советник, домашний жрец, военачальник", но и любой из "господ-правителей" (и глава территориальной, общинной организации, и даже подчиненный государь), выполняющий царские поручения, соответствующий идеалу "аматьи", может обозначаться этим термином. Основываясь на анализе специального перечисления "достоинств идеального аматьи" (КА I.9.3), иных отдельных контекстов в трактате, можно судить о том, что термин этот не предполагает каких-либо особых отношений. "Аматьей" в КА может обозначаться любой "начальник" - "мукхья", "сановник" - "махаматра" или иной представитель слоя "больших людей", член "группы сторонников" царя, который может также толковаться как "слуга" (бхритья). Смысл этого термина в том, что так обозначаются лица, связанные определенными отношениями только с царями.

Из семи элементов (анга) царства в ряде контекстов КА выделяются *материальные* факторы (dravyaprakṛti, см., например, КА IX.7.49, V.4.1-2, куда включаются "крепость, сельская местность, казна, войско") и *человеческие* (puruṣa-prakṛti КА IX.7.49), под которыми подразумеваются "царь, сподвижник-аматья и союзник-митра". В КА VI. 2.28 присутствует иное разделение – на материальные факторы (сюда включается, наряду с выше обозначенными, сподвижник - "аматья") и царей (gājapṛakṛti). Царское достоинство, видимо, одно из основных отличий лиц, называемых в КА термином "митра", союзник⁵⁹. Следует подчеркнуть, что указанный термин, исключительно важный в концепции КА, имеет в тексте целый ряд

⁵⁵ The Kautiliya Arthashastra. P.2. An English Translation with Critical and Explanatory Notes. Ed. by R.P. Kangle, Delhi, 1992, с.415.

⁵⁶ Как и родственников царя (куля), предлагается подчинять их, в том числе, и при помощи "соседей и вождей лесных племен". Следует учитывать, что целый ряд классификаций и противопоставлений в трактате выглядят относительными и не всегда строгими с точки зрения современного исследователя. Ср., например, КА VIII.4.49, где говорится, что препятствия бывают двух видов – *внутренние*, вызываемые начальниками (мукхья) и *внешние* – врагами и вождями лесных племен (первый и третий выше обозначены, при упоминании *внешних* мятежей). Ср. КА VIII.7, где, характеризуя положительные стороны двоецарствия, Каутилья говорит об удержании под контролем аматьев (amātyāvagrahaṁ). Однако, это не представляется противоречием с точки зрения теории политики КА, где граница между "внешним и внутренним" (учитывая сходную структуру отношений) крайне зыбка и относительна.

⁵⁷ Широко распространенная моральная норма эта приобретает в КА политическое звучание. О важности этого положения, подчеркивающего особенности социально-политического устройства общества отраженного в КА можно судить из КА I.7.2. Норма эта упоминается **первой** при перечислении действий, которых царь, достигший *победы над чувствами* должен избегать.

⁵⁸ Появление этого термина в таком контексте закономерно, поскольку речь идет о любых представителях общественной иерархии: таким образом подчеркивается, что указанный тип поведения вызовет мятеж даже сторонников царя.

⁵⁹ Причина того, что в КА VII.6.22-23 в одном контексте "слуга" и "союзник" разделяются терминологически, в том, что не всякий "слуга" может быть "союзником" - царем (что очевидно), несмотря на то, что поведение "слуги" и "союзника", как и образ действий царя по отношению к ним, может быть аналогичным.

определений. Так, в КА VII.9.12, аргументируя превосходство покорного (vaśyam), но непостоянного союзника, Каутилья подчеркивает – “насколько долго он приносит пользу, настолько он и остается союзником, ведь помощь – признак союзника” (ниже она понимается как предоставление войска, золота и земли, что выглядит соотносимым с перечисленными в КА VII.3.22-35 видами “неравноправных” договоров). Согласно КА VIII.1.56, “у обладающего войском союзник остается дружественным, или (даже) враг становится союзником”. В систематизации достоинств “идеального союзника” (КА. VI.1.12; VII.9. 38) первыми упоминаются “постоянный, покорный, унаследованный от предков” (т.е. зависимый, имеющий постоянные связи с царем, скорее всего неравноправные).

В отдельных случаях (прежде всего в VII книге трактата, см., например, КА VII.7.2-6, 20-21) не вызывает сомнения, что термином “союзник” обозначаются цари, связанные с государем, стремящимся к завоеваниям” (vijigīṣu), только тем, что, следуя своим задачам, содействуют целям последнего. Царства, подвластные им, иногда обозначаются как “отделенные” от территории царя, “стремящегося к завоеваниям”, царствами противников последнего. Борьба их с противниками vijigīṣu расценивается в трактате как служба или оказание услуги доминирующему государю. При рассмотрении свидетельств трактата такого рода, связываемых в индологических исследованиях с “межгосударственными отношениями, внешней политикой”, обычно особо подробно толкуется понятие “мандала”.

В КА VI.2.39-40, стихах, завершающих одну из важнейших книг трактата, где изложены наиболее обобщенные принципы теории политики, говорится: *“Сделав государей отделенных промежуточной территорией ободом (колеса), а государей непосредственно соседствующих – спицами колеса, в качестве ступицы (т.е., в центре) круга элементов (prakṛti-maṇḍala) сам вождь пусть располагается. Поэтому расположенный посреди (т.е. между вождем и союзником) враг обоих – вождя и союзника легко может быть уничтожен или притеснен, даже обладающий могуществом”*. Очевидно, понятие “чакра” (колесо) здесь синонимично понятию “мандала”. Первое встречается также в иных важных для понимания теории политики КА контекстах. В самом начале трактата, при переходе от общих положений (КА I.1-7) собственно к изложению политического материала, говорится: “(Только) вместе с помощниками (можно осуществлять) царскую власть – т.к. одно колесо не вертится, потому пусть назначает помощников и к их мнению прислушивается” (КА I.7.9)⁶⁰. Очевидно, осуществление царской власти (gājatva), т.е. деятельность государя, политика, понимается здесь как синоним вращения колеса (cakram vartate), а колесо (чакра, нередко привлекаемый в санскритских текстах концептуальный образ мироустройства в различных его аспектах), собственно, можно понимать как теоретическое обозначение сферы осуществления царской власти. В большинстве случаев в КА этой сферой является царство (gājyam)⁶¹ или царство-мандала, в качестве которой может подразумеваться не только конкретная держава, но и весь мир (sakra)⁶². Поэтому в КА IX.1.17-18 о месте (deśa) применения теории политики говорится как о земле (pṛthivī) от Гималаев до океана, к обладанию которой должен стремиться государь. Она называется поэтому “*чакраварти-киштра*”, место (или сфера деятельности) вселенского правителя. “*Средством же для приобретения и защиты*” этой земли является “*наука артахаштра*” (КА XV.1.2).

Нередко “мандала” (буквально – круг) в индологических работах понимается как схема – ряд царств, располагающихся кругами вокруг территории “*царя, стремящегося к завоеваниям*”, попеременно дружественных и враждебных последнему. Таких царств насчитывают обычно 10. Дополняют конструкцию “мандалы” территории “*срединного*” (madhyama) и “*нейтрального*” (udāsīna) царей. Таким образом, появляется наиболее популярная в иных текстах “12-членная мандала”. Большинство индологов считали “мандалу” теоретическим отражением системы межгосударственных отношений, абстрактной схемой порядка расположения различных государств, сохранение которого обеспечивало “*баланс сил*” в межгосударственных отношениях⁶³. Как ни странно, обычно мало внимания уделялось КА VI.2.24-28, где, собственно, и дается единственное в тексте определение “мандалы”: “*Стремящийся к завоеваниям государь,*

⁶⁰ Представляется не случайным, что комментарий Bhāṣavyakhyāna переносит эту шлоку в начало следующей главы, где и говорится о выборе помощников.

⁶¹ Следует иметь в виду и возможную двусмысленность текста. Царство (gājyam) можно переводить и как “царская власть”.

⁶² Для политической теории важнейшим, конечно, является последнее значение. Его, однако, следует интерпретировать как обозначение любой державы, царства.

⁶³ См., например: The History and Culture of Indian People. V. 2, Bombay, 1951, c. 2, c. 314; Saletore B.A. Ancient Indian Political Thought and Institutions. Bombay, 1963, c. 474-476.

трактате одновременно и как самостоятельные, и как элементы царства доминирующего правителя.

“Манда́ла” не является понятием, отражающим систему межгосударственных отношений в обычном понимании (*между государствами*) этого слова. Скорее, это общий принцип мироустройства, результат деятельности царя (к которому надо стремиться), ведущей к формированию державы или царства за счет объединения все более широкого круга правителей⁶⁹. Поэтому “мандала”, ее элементы, согласно первой сутре VII книги трактата (КА VII.1.1), – основа для применения “6 методов политики”⁷⁰ (*ṣaḍguṇya*), используя которые можно покорять соседей, формируя собственную “мандалу” (которой, кстати, у государя может и не быть – см., КА XIII. 4.58).

Основные понятия, используемые при изложении рекомендаций по политике такого рода – “союзник” (*mītra*) и “противник” или “враг” (*ari, śatru*). “Союзник”, предоставляя помощь различного рода ресурсами, действует во благо государя, служит ему. Это дает повод сближать понятия “союзник” и “слуга” (*mītra, bhṛtya*), что мы и имеем в VII книге трактата. Целью рекомендаций КА государю, “стремящемуся к завоеваниям”, является подчинение любого рода противников, превращение их в “союзников” и включение⁷¹ их территорий в “свою мандалу”⁷². Остальные понятия: “враг в тылу” (*pārṣṇigrāha*), “союзник в тылу” (*āsāra*), “срединный” (*madhyama*), “нейтральный царь” (*udāsīna*) и др. в таком контексте только их разновидности⁷³.

Тезис о том, что соседние царства, окружающие владения “стремящегося к завоеваниям” (*samantato maṇḍalibhūtā bhūmyanantarā*) являются для него потенциально “враждебным элементом” (*ariprakṛtiḥ*) выглядит в теории КА естественным (но речь здесь идет не о мандале). “Враждебным элементом” являются они и для государей, отделенных от царства “*виджигишу*” царствами его *потенциальных врагов*, расцениваемыми поэтому как “союзный элемент” для завоевателя. Помощь царю в подчинении противников (т.е. действия в его пользу) – повод именовать их союзниками. Подобного рода систематизация распространяется и далее, когда говорится о союзнике врага, союзнике союзника, врага в тылу, союзника в тылу и союзниках двух последних, срединного и нейтрального государя. В терминах этих реализуются указанные выше тезисы (любой сосед – потенциальный враг, сосед соседа – потенциальный друг), которые не сводятся к конкретной схеме круга государей (ее, например, нарушают *союзники и враги в тылу, срединный и нейтральный* государи) и не всегда учитываются в трактате. См., например, КА XII.3.18-19, где упоминаются союзники и “противник в тылу” (враждебного государя)⁷⁴, которых предлагается подговаривать к совместному нападению на врага, что выглядит невозможным при обычной интерпретации схемы “мандалы”.

Суть и цель политики в наиболее общей форме изложена в КА XIII. 4.54-62, в классификации “путей ведущих к завоеванию (в самом широком смысле, всей) земли”. Наиболее просто формулируется политика завоевания земли в четвертом случае – подчинив слабого “соседа”, удвоив свою силу, следует подчинять другого “соседа”, затем третьего и т.д. Третий вариант – “при отсутствии мандалы”⁷⁵, когда следует покорять “союзника” с помощью “врага” и “врага” с помощью “союзника” (*враг, подчиненный с помощью союзника, сам становится союзником*

⁶⁹ Мы придаем особое значение этому понятию, поскольку оно выглядит приложимым к любому уровню устройства общества в КА, например к структуре “семичленного царства” (включающего территорию союзника, иного государя).

⁷⁰ Мир, война, выжидательное положение, поход, поиск помощи, двойственная политика, КА VII.1.2.

⁷¹ В том числе, имеющих свои мандалы и, очевидно, сохраняющих своих подчиненных союзников (*mītramītra*) при подчинении “*vijigīṣu*”, включении в его мандалу. Об этом прямо говорится в тексте (см., например, КА VII.18.5).

⁷² Политика аннексии рассматривается в КА (следующей общиндийской традиции) как крайнее средство. Не случайно об этом идет речь только в конце трактата (КА XIII.5).

⁷³ Поэтому государи, упомянутые в КА VI.2.18, кроме “союзника и союзника союзника”, не упоминаются как “элементы мандалы”. При подчинении их и включении их территорий в “мандалу” (державу), они именуются уже “союзниками”. Ср., например, КА VIII.1.54, где говорится, что “союзник” (*mītra*) может оказывать “противодействие врагу в тылу, союзнику врага в тылу, противнику (очевидно, три термина, обычно в тексте противопоставляемые указанным, заменяются здесь одним - *mītra*) и вождю лесного племени”.

⁷⁴ В обоих случаях – *asya*, таким образом можно утверждать, что упомянутая в КА VI.2.18 классификация государей (которую обычно интерпретируют как перечисление царей, включаемых в мандалу) применена здесь по отношению к противнику государя. Для КА это не выглядит противоречием.

⁷⁵ *Maṇḍalasyābhava*, совершенно очевидно - имеется в виду не абстрактный принцип, с учетом которого, кстати, строится путь покорения земли в этой фразе, а державы-мандалы у завоевателя (ср. КА VII.1.32).

виджигишу и используется для подчинения бывшего союзника последнего, ставшего после подчинения врага естественным противником доминирующего царя). Второй путь – подчинение всех иных “враждебных элементов”, кроме “срединного и нейтрального государей”, при отсутствии последних. И, наконец, первый – при наличии “срединного и нейтрального государей”, когда следует, подчинив землю “противника”⁷⁶ стремиться покорить территории указанных государей. Суть всех четырех вариантов “покорения Земли”, в том числе при наличии всех 12 царей, о которых говорится в КА VI.2.28, можно свести к четвертому пути, остальные являются только его вариантами.

Чаще всего термином “мандала” в КА именуется либо держава одного из 4 царей (*viṅgiṣu, ari, madhyama, udāsīna*), либо объединение этих держав (*вся Земля*)⁷⁷. Так, например, в рассуждениях КА VII.1.31 говорится, что царь может оставаться в состоянии “примирения”, рассуждая: “... будучи связан с врагом, заключив с врагом договор, я внесу раскол в (его) мандалу, и отделенного от мандалы покорю”⁷⁸; или, помогая врагу, желающему иметь мандалу, войском вызову ненависть (к нему со стороны иных царей), используя которую ненавидимого уничтожу”⁷⁹. Рекомендации КА такого рода, очевидно, не сводимы к единой линейной схеме взаимоотношений. Это выглядит аргументом в пользу того, чтобы рассматривать “мандалу” скорее как *понятие*, обозначающее принцип организации любого царства, державы, в том числе мировой – общий принцип мироустройства. Царю, находящемуся между двумя сильными государями, в КА VII.2.21 предлагается обращаться за помощью к “мандале”⁸⁰ или (!) искать поддержки у “царей срединного и нейтрального”. В КА VII.3.10-12 предлагается заключать договор⁸¹ со “слабым царем” – такого рода действия вызывают “одобрение мандалы”⁸². Таким образом, как говорится в КА VII.13. 42, “царь, стремящийся к завоеваниям, для себя пусть устраивает мандалу в тылу и впереди в соответствии с идеалом элемента союзник” (т.е. включая в нее любого государя, ставшего зависимым и поэтому соответствующего идеалу союзника). Противодействуя “срединному государю”, имеющему цель покорить “союзника виджигишу”, последнему предлагается поднимать “своих и этого союзника союзников” (опять присутствует трехчленная схема) или “посеять раздор” между “союзниками срединного царя”. Кроме того, ему рекомендуется обращаться к “мандале”, видимо, “срединного государя”, обращая внимание царей на опасность усиления последнего, угрожающего их безопасности (КА VII.18.5-7). В ином случае, когда “срединный государь” намеревается захватить “своего союзника”, царю предлагается “оставаться безразличным”, поскольку “мандала” последнего, “губящего группу своих сторонников”, должна поднять мятеж против него (КА VII.18.20-22)⁸³.

Авторы КА в ряде случаев разделяют политическое пространство и лиц, участвующих в политических отношениях, интригах, на “внешних” и “внутренних” опять же не всегда строго с нашей точки зрения (таким же образом не всегда строго проводится различие между союзниками, аматьями, сановниками-махаматрами, начальниками-мукхьями). Граница между “внешним и внутренним” в КА всегда относительна, зависима от контекста (что, впрочем, на мой взгляд, выглядит закономерным для социально-политической структуры многих древних обществ). И это в первую очередь связано со значительным сходством взаимосвязей и взаимоотношений на любой ступени общества согласно теории КА. Исходя из них, в большинстве случаев (в отношениях с иными, в том числе с зависимыми государями, с “махаматрами”, “мукхьями” и иными “господами”) царь обязан действовать, используя политические средства, интриги или “тайные способы”. Так, например, с “поднявшими мятеж сыном, братом или иным родственником” (очевидно, имеющими свои владения), “если сил недостаточно”, царю предлагается “покончить, используя соседних государей и вождей лесных

⁷⁶ Совершенно естественно, здесь не воспроизводится вся последовательность государей, упомянутая в КА VI.2.18, а говорится только об одном противнике, *amitra*, т.е. *ari*. Таким образом, ситуация излагается, исходя из схемы КА VI.2. 24-28.

⁷⁷ Подобного рода абстракция выглядит оправданной, поскольку в КА мы имеем дело с *теорией политики*.

⁷⁸ Видимо, “договор” ведет к превращению “врага” в “союзника *виджигишу*”, т.е. отделяет его от его “союзников” и противопоставляет им.

⁷⁹ Очевидно, в данном случае у врага “виджигишу” нет “мандалы” и рекомендуется сталкивать его с царями, которых последний предполагает покорить и превратить в своих “союзников”.

⁸⁰ О чьей “мандале” здесь идет речь (государя или его противника) неясно, однако она, очевидно, не связывается и даже противопоставляется “государям нейтральному и срединному”.

⁸¹ Очевидно, неравноправный – об этом речь в КА VII.3.22-35.

⁸² Это выглядит логичным, исходя из толкования “мандалы” как державы – зависимые государи озабочены самосохранением, поэтому отказ царя от политики аннексии получает одобрение.

⁸³ Здесь понятия “мандала” и “пакша”, группа сторонников, естественно, сближаются.

племен” (КА IX.3.17). Такой мятеж называется “*внутренним*”. Аналогичным путем рекомендуется покорять “поднимающих *внешние* мятежи глав областей, хранителей окраин, вождей лесных племен и подчиненных государей” (КА IX.3. 24, примечательно, что использовать тех же “соседей и вождей лесных племен” для разрушения “царств *противников-царей*” предлагается в КА IX.6.71). Исходя из последующего содержания, очевидно, что имеются в виду лица, владения которых включены в рамки царства. Следует подчеркнуть значительную близость методов борьбы с *мятежниками* такого рода и “союзником, который ушел и вернулся”⁸⁴. Их предлагается “разделять с врагом”, говоря, что тот отправит их воевать с их “господином” (bhartṛ), назначит “предводителем войска (направленного против) противника или лесного племени” (daṇḍa-cāṇḍam-amitr-āṭavikeṣu), “поместит жить на окраине” или же “сделает их предметом торговли (очевидно, с иным царем, raṇuam kṛ, ср. КА IX.3.26 и VII.6.35).

Особое место в концепции идеального царства КА занимают свидетельства II книги, имеющей название “О деятельности *адхьяки*” (“надзирателей”). Они характеризуют иной, особый аспект взаимоотношений в обществе, отраженном в КА. Указанная книга содержит не “*перечень министерств и ведомств*”, а сведения, относящиеся ко многим лицам, действовавшим в той или иной области хозяйства, осуществлявшим, по сути, фискальные функции, главным образом сбор податей. Такого рода деятельность толкуется обычно в историографии как *государственная*. Отсутствие указаний о пределах компетенции каждого “*адхьяки*”, конкретных указаний об общем статусе лиц, которые могли исполнять их обязанности, позволяет сомневаться в том, что этот термин в КА является специальным административным термином⁸⁵ и ставить вопрос иначе: кто выполнял функции “*адхьяки*” в идеальном царстве КА? Анализ свидетельств трактата привел нас к выводу⁸⁶, что функции эти скорее всего исполнялись представителями существовавших общественных структур: “*большими*” (как их именует текст) людьми, знатью, руководством кланов, корпораций ремесленников, общинных организаций различного уровня, зависимыми правителями и приближенными царя – теми, кто именуется в тексте “*мукхья, махаматра, раджан*” и пр., кто имеет власть и пользуется авторитетом, т.е. способен осуществлять те или иные функции по отношению к членам клана, ремесленникам, членам общинных организаций и т.п. Это кажется справедливым, учитывая особенности терминологии трактата, отмеченные выше, – одно и то же лицо в тексте может именоваться, в зависимости от контекста, различными терминами.

С точки зрения *фискального аспекта мироустройства* в тексте фиксируются два канала взаимосвязи властных органов различного уровня. Представители более низкого были обязаны передавать часть своих “доходов” (главным образом податей, *право* на сбор которых, согласно концепции КА, предоставлял царь⁸⁷), представитель же более высокого уровня имел право *наказывать* того, кто выходил за пределы своей компетенции, нарушал установленные (естественно, согласно концепции КА) порядки.

Поскольку “обязанности адхьякш” сводились главным образом к сбору податей, доходов, отчасти в свою пользу, мы вправе считать таким “*служащим*” любого представителя владетельной знати (например, упоминаемых в трактате “*начальников городов и областей*”), а также зависимых государей-данников. Возможно, поэтому “предоставление денег, освобождение от податей и предоставление должностей” в КА IX.5.11 толкуются как “меры для успокоения внутренних (врагов) царя”. С другой стороны, организация сбора податей с использованием существующих социальных структур, знати выглядит оправданной с точки зрения устройства общества, как оно отражено в трактате. Кажется очевидным, что в КА II мы имеем дело с концепцией децентрализованного государства, важнейшей основой которого была опора на организации, обычно интерпретируемые как *негосударственные*. Одним из центральных в рекомендациях КА был вопрос о каналах управления таким государством. И он представлен здесь, на мой взгляд, в единственно возможной для такой структуры общества форме.

⁸⁴ Использование во внутренней политике (т.е. по отношению к лицам, чьи владения включаются в царство, к поданным государя) и в борьбе с иными царями сходных методов – характерный признак рекомендаций КА. См.: Вигасин А.А., Самозванцев А.М. Артхашастра... М., 1984, с. 150-151.

⁸⁵ См., подробнее: Лелюхин Д.Н. Государство, администрация и политика в Артхашастре Каутилы – Вестник древней истории, 1992, №2.

⁸⁶ См., подробнее: Лелюхин Д.Н., там же.

⁸⁷ Это не всегда выглядит убедительно.

Смысл II книги трактата не в изложении *инструкций для чиновников*. Речь здесь скорее идет о правах лиц, исполняющих функцию⁸⁸ “надзирателей” за подданными и “элементами царства”, чаще всего при исполнении различных царских “дел” (*карман*,⁸⁹ прежде всего при сборе податей, естественно, в *идеальном царстве* КА), и ограничениях в случаях их произвола как по отношению к населению⁹⁰, так и (главным образом) по отношению к царю, царской казне, выражавшемуся в *утаивании средств* и пр. Царство во II книге КА выглядит раздробленным по *хозяйственному* или *отраслевому* принципу⁹¹, хотя в ряде случаев, очевидно, что функции адхьякш могли исполнять только *политические* лидеры, “социальная элита”. И соответственно основной критерий их деятельности – *честность, правильность* сбора податей и передача *должной* их части в казну. Поэтому столь много места во II книге КА уделено сведениям о контроле, проверке исполнения ими традиционных или специально оговоренных норм, договоров, обязательств, проверке *честности* при передаче в казну *должной* части *дохода*, а также *осуществлению наказаний*, штрафованию и устранению *нарушителей*, в том числе потенциальных (которые толкуются как *изменники, враги и преступники*) – тех, кто присваивал царское имущество, царскую долю доходов и т.д. Характерно, что после устранения таких лиц на их место предлагалось ставить представителей их же рода (в большинстве случаев), только более лояльных, верных царю и *честных*. Основную роль в рамках такой системы управления играли популярные в КА и других санскритских источниках тайные люди (*gūḍhapuruṣa*) – те, кого обычно исследователи считали “*тайными агентами*” или “*шпионами*”. Они занимали различное положение в обществе и выполняли, по существу, управленческие функции, являясь важной частью небольшой личной администрации царя⁹² и скорее всего любого из обозначенных в КА господ-правителей.

* * *

Анализ сведений о социально-политическом устройстве общества, как оно представлялось авторам КА, позволяет, не только реконструировать концепцию “идеального царства КА”, но и отметить на основе этого анализа некоторые особенности складывания государственности в древней Индии.

Одной из важнейших черт концепции КА, на мой взгляд, является то, что “царство” здесь не выглядит особым, противопоставленным общине, роду, племенной организации, иным традиционным социальным институтам, обычно толкуемым в историографии как “негосударственные”. Наоборот, “царство” в КА понимается как естественный результат эволюции традиционной общественной структуры и *объединения* указанных институтов, сохранявших в его рамках свою целостность. Это, возможно, одна из причин отсутствия в политическом трактате, казалось бы, необходимых (с точки зрения современного представления о сочинениях такого рода) специальных понятий – “государство”, “территория государства”, “глава государства”, “чиновник”⁹³.

Общество представлялось авторам трактата как иерархия разного рода организаций. Объединением территорий царств была “держава” - “мандала”. Царства эти, в свою очередь, являлись объединениями территорий, подвластных различным правителям: “соседям”, “союзникам”, знати, “начальствующим лицам” территориальных общин, организаций общинного типа и даже племен. Естественным в КА выглядит включение, интеграция каждой

⁸⁸ На мой взгляд, не случайно, что в ранней эпиграфике термин этот присутствует в большинстве случаев как “sarvādhyakṣa”, “надзиратель за всем”, а в КА нет никаких указаний о взаимоотношениях между “адхьякшами”, согласно КА I.19.12, прямо связанными только с царем.

⁸⁹ В историографии неоднократно отмечалась близость классификации царских “дел” и списка “адхьякш”. См. подробнее о “делах”, “службе” и о том, кто их исполнял, выше.

⁹⁰ Поэтому в тексте, например, упоминаются штрафы для адхьякш.

⁹¹ Что для доиндустриального общества, на мой взгляд, немислимо.

⁹² См. подробнее: Лелюхин Д.Н. Государство, администрация и политика в Артахаштре Каутильи - Вестник древней истории, 1992, №2.

⁹³ Простая констатация того, что индийская политическая традиция не выработала этих ключевых (повторим, опять же с точки зрения европейских государствоведческих исследований) понятий для миропонимания в его “политическом” аспекте явно здесь недостаточна, поскольку отсутствие объяснения этого феномена (характерного, для многих обществ древности) может вести к ложному выводу (характерному для индологической литературы до открытия “Артахаштры”) о том, что индийская политическая мысль просто не дошла до выработки этих понятий. Важно отметить, что эти понятия просто не требовались, в том числе для КА.

такой организации (или территории, подвластной определенному царю, правителю, “начальствующему лицу” и пр.) в рамки другой, более крупной, в качестве его составной части. При этом цари, знать, руководство общин и организаций общинного типа, племенные вожди рассматриваются в трактате как, до определенной степени, равнозначные субъекты и объекты политических отношений в рамках царства. С точки зрения “теории политики” царство, община (или организация общинного типа)⁹⁴ и даже в отдельных случаях племя – организации сходного типа, хотя и имеющие важные различия.

Тезис о том, что царство складывается естественным путем в результате своеобразного “общественного договора” (см., например, I.13.5-14), через интеграцию указанных социальных организаций (сохраняющих, во многом, свою структуру, администрацию, особые нормы сосуществования) является одной из основ теории политики. Поэтому определение причин появления царской власти (например: “Люди, одолеваемые *обычаем рыб*, сделали Ману Вайвасвата царем” – КА I.13.5 и др.) в КА представляется выходящим за пределы чисто идеологической формулировки, определяя специфику многих рекомендаций трактата. “Мягкая” интеграция царств и иных организаций с сохранением их структуры могла происходить только при соответствующей по характеру интеграции местных правителей, лидеров, знати, кланового, общинного руководства и т.д.

Одним из возможных путей к такой интеграции было формирование универсальных для разных областей страны представлений о мироустройстве с точки зрения его социально-политического аспекта (являвшихся одновременно одним из признаков движения общества к интеграции в той или иной форме), а также ассоциация представителей местной элиты с определенным уровнем универсальной общественной иерархии. Достаточно четко указанная тенденция представлена в КА – основные действующие лица именуются здесь нередко обобщающими для обозначения любых представителей “политической”⁹⁵ элиты терминами. Наряду с тем, что все они могут именоваться “прадхана”, “большие, главные”⁹⁶ люди, они также могут именоваться “царями”, “сановниками” - “махаматрами” и “начальниками” - “мукхьями”. Однако социально-политическая структура общества не выглядит ассимилированной в такой универсальной классификации. Анализ отдельных контекстов убеждает в исключительном разнообразии положения лиц, именуемых указанными терминами. И хотя, судя по тексту, различия между ними очевидны (чаще всего цари – высший круг “политической элиты”, “махаматры” – крупная знать, а “мукхьи” – мелкая знать, главы кланов и руководители общин и организаций общинного типа), четкой границы не существует и между ними. Так, например, в отдельных случаях “махаматры”⁹⁷, “мукхьи”⁹⁸ и даже племенные вожди⁹⁹ характеризуются в тексте как цари.

Принятие во внимание такой специфики терминологии, как мне представляется, исключительно важно для понимания особенностей социально-политического устройства древней Индии. Было бы не точным объяснять существование и популярность ее в текстах любого рода, основываясь только на специфике жанра источников, характерных для них методов организации материала. Она является не только результатом осмысления статусного многообразия индийского общества, сведения этого многообразия к единым общим нормам, понятиям, но также, на мой взгляд, сохраненным в культурной традиции отражением реально происходивших интегративных процессов в древнеиндийском обществе и одновременно своеобразным инструментом этой интеграции. Об этом позволяют судить уже наиболее ранние памятники индийской эпиграфики. Так, например, несмотря на то, что социально-политическое устройство общества времени Маурьев было, видимо, исключительно разнообразно (о чем позволяет судить хотя бы тот факт, что эдикты Ашоки были высечены на нескольких диалектах и даже языках), большая часть “политической элиты” в эдиктах Ашоки, от царя Магадхи до общинных лидеров, явно ассоциируется либо с “царями”, либо с “махаматрами”. Причем

⁹⁴ Это довольно четко прослеживается при рассмотрении термина “сангха”, позволяет объяснить включение в КА V.1 рекомендаций по “устранению” (лидеров, руководителей) “изменнически настроенных городов, деревень, семейств” (*pura, grāma, kula*).

⁹⁵ “Политическая элита”, конечно, понятие очень условное. Так мы обозначаем группу лиц обладавших властью в рамках той или иной организации, которая признавалась членами этой организации.

⁹⁶ Хотя в этой универсальной для многих обществ классификации политический ее аспект неразделим с социальным (что выглядит вполне естественным), особо важен для КА именно политический ее аспект.

⁹⁷ Например, КА I.10.7, V.1.15, XII.2. 19-20.

⁹⁸ См.: КА I.16.7, II.16.21, КА V.6.16, ср. также КА V.6.7, 14; КА IX. 6.40.

⁹⁹ КА VIII.4. 43, они же, включаются в другом контексте в группу “лиц достойных уважения”, *tīrtha*, I.12.6, которые, согласно I.13.1 считались “сановниками” - “махаматрами”.

последние присутствуют на любом уровне – и при дворе Ашоки, и при дворе “царевичей”, и в крупных и в мелких городах. Представляется не случайным, что представители местной власти в рамках огромной державы, на западе Индии и на юге, в Калинге и в Сураштре, *могли* именоваться в эдиктах одним термином (хотя эдикты и оформлены от лица царя Магадхи, они все же, очевидно, предназначались для чтения населением областей, где они обнаружены). Вместе с тем каждый конкретный представитель местной власти, именуемый в эдиктах “махаматром”, включаемый таким образом в рамки “политической элиты” державы Ашоки (что, вполне возможно, не только повышало его статус в его собственных глазах и глазах окружающих, но и приносило определенные материальные блага), без сомнения, как мне представляется, продолжал одновременно именовать себя иначе, сохраняя традиционную, понятную для населения своей области титулатуру. Основываясь на информации эдиктов Ашоки трудно однозначно судить о том, насколько индийское общество того времени было готово воспринять и восприняло, очевидно присутствующую здесь идею универсальности мироустройства с точки зрения его социально-политического аспекта. Местных источников того времени мы не имеем. Однако некоторые более поздние свидетельства (в том числе и КА) позволяют предполагать скорее положительный ответ на этот вопрос.

Важной особенностью КА, отражающейся на специальной “политической” терминологии трактата, является то, что “царство” здесь интерпретируется как “домохозяйство”, а отношения в его рамках между царями и главами включенных в царство организаций осмысливаются в словах, передающих личные отношения¹⁰⁰. Следует специально подчеркнуть, что концепция эта не выглядит специфичной ни для КА, ни для индийской культурной традиции вообще. Осмысление политических отношений и институтов через использование социальных категорий такого рода (семья, отец, дети=царь, подданные; братья и сестры=цари; двор, дом, домохозяйство=царство и т.д.) выглядит закономерным и характерно для многих обществ. Таким образом, создается возможность для понимания эволюционирующих отношений, для включения в традиционную концепцию мироустройства появляющихся новых институтов. Одновременно, уподобление царства традиционному социальному коллективу (семье, домохозяйству, общине), сохранение и использование в течение длительного времени в источниках категорий и понятий такого рода свидетельствует и о том, что царство столь же длительное время сохраняло многие, изначально присущие ему черты (в том числе организационные) традиционного коллектива, было организовано по типу семьи, домохозяйства, территориальной общины. Формирующиеся же, в том числе, политические отношения (выходящие и выводящие за пределы родоплеменного коллектива, территориальной общины) длительное время сохраняли многие черты, присущие отношениям в семье, домохозяйстве, общине.

Анализ терминологии КА позволяет судить о том, что титул “царь” здесь нередко имеет особое звучание. Мы встречаем его реже, чем можно было бы ожидать от “трактата о политике” (см., например, в VII книге трактата), более часто встречаются термины “враг”, “друг”, “сосед”, “иной” или “противник” (*raga*), которыми в большинстве случаев также обозначаются правители, обладавшие царским статусом. В отдельных случаях даже создается впечатление, что в тексте подразумевается только один “Царь” (*Rājan*), подобно главе семьи в домохозяйстве или главе рода в патронимии. Возможно, поэтому в некоторых рекомендациях он заменяется словом “сам”, “атман” (которое можно также читать “Сам”). Иные цари, как и знать, главы различных территориальных организаций могут пониматься здесь только через их взаимоотношения с таким “царем” – они суть только его “соседи”, “друзья”, “противники”, “друзья друзей”, “противники друзей” и т.д., которые могут быть “сильными” и “слабыми”. Важнейшая особенность указанных терминов – относительность и условность как политического, так и социального их смысла. Не всегда ясно, подразумевается ли под “соседом” правитель только соседнего царства, последний может быть и “другом” и “врагом”, каждый из обозначенных двумя последними терминами постоянно сохраняет тенденцию к превращению в свою противоположность (об этом несколько раз прямо говорится в тексте). Содержание указанных терминов совсем не исчерпывается их чисто “политическим” смыслом. Термины “друг” и “противник” иногда в КА выглядят более широкими, предполагающими социальный подтекст понятиями (ср., например, упоминание о “советниках, союзниках и пр.” у “надзирателя” - “адхьякши”). О важном общесоциальном контексте указанных терминов позволяет задуматься

---

¹⁰⁰ Вигасин А.А., Самозванцев А.М. Архашастра... М., 1984, с. 148.

употребление их применительно¹⁰¹ к деревенской (или городской) общине, что также подкрепляется присутствующими уже в ранней индийской эпиграфике формулами, например: “друзья, знакомые и родственники”¹⁰².

Особенность указанных терминов - понятий в том, что они фиксируют личные отношения. Это представляется естественным в связи с характерной для КА персонификацией социально-политической структуры общества и также не выглядит специфичным ни для КА, ни для индийской традиции. Взаимоотношения в рамках царства и между царствами в КА практически всегда характеризуются как личные отношения царя с главами включенных в его царство организаций, знатью, иными царями (хотя в отдельных случаях могут рассматриваться и как взаимоотношения с организациями в целом – см., например, V.1.43). С такой точки зрения царство, “держава” - “мандала” приобретают еще большее сходство и с общиной, и с домохозяйством, могут восприниматься как до определенной степени неравноправный коллектив, имеющий свои нормы и правила сосуществования.

Особенностью отношений между царем и знатью, правителями, руководством организаций, включенных в рамки царства, было их неравноправие. Не случайно, важнейшим достоинством царя-“союзника” называется “покорность” (об этом не раз прямо говорится в тексте)¹⁰³. Вряд ли будет преувеличением говорить и о распространении такого рода отношений в КА на всех представителей “политической” элиты, в том числе именуемых терминами “махаматра” и “мукхья”. Зависимость того или иного лидера от доминирующего правителя реализовывалась через “предоставление войска” (ополчения или дружины), “золота” (предоставление дани, податей) и “земли” (земельной уступки)¹⁰⁴. Получение же царем “дохода” (т.е. податей, средств от использования царской земли и пр.) не раз в тексте связывается с использованием им тех же “махаматров”, “мукхьев”, “царей”, исполнявших соответствующие его “поручения”.

Царь, однако, аналогично главе общинной организации, мог только до известных пределов руководить деятельностью и распоряжаться имуществом большинства включенных в рамки его царства “господ-правителей”, в том числе тех, кто выполнял службу “надзирателя”, “сборщика”. Целостность царства, важнейшими структурными элементами которого были владения подчиненных царю правителей, знати, территориальных общинных организаций, во многом зависела от сохранения сложившегося баланса взаимоотношений последних с царем, их согласия признавать “верховную власть” царя. Особое значение в этой связи приобретает широко распространенная, имеющая в КА важное политическое значение моральная норма – как многократно подчеркивается в тексте, царю *не следует посягать на имущество, жен и детей* даже устранив его (“слуг”, “сановников” - “махаматров”, зависимых государей-союзников и др., оставшаяся его (в том числе и “должников”, которые они исполняли) их наследникам. Если же он не будет следовать этому, то на него поднимется “вся мандала” (т.е. все, весь Мир), в том числе и “сподвижники” - “аматьи”¹⁰⁵, сидящие на своих землях (КА VII. 16.31). Не случайно значительная часть трактата посвящена описанию бесконечных (и во многом однотипных) интриг, только используя которые царь мог, инспирировав нарушение установленных норм,

¹⁰¹ КА - единый, хотя и сложный по происхождению, источникам, текст. Исходя из этого, как мне представляется, употребление одного и того же определенного термина в разных по содержанию и смыслу контекстах позволяет предполагать, при множестве специфических коннотаций, его одно общее значение. Например, в данном случае термин “сосед”, безусловно, имеет единое общее значение. Но в рамках квартала, деревни, объединения деревень так обозначается слой полноправных членов разного рода территориальных общин (Вигасин А.А., Самозванцев А.М. Артахаштра... М., 1984, с.156-157), в рамках “царства” и “мандалы” - “державы” – высший слой господ-правителей, чьи территории включены в рамки “царства” или “мандалы”, а в рамках всей Земли (см., например, КА XIII. 4.60-61) – цари. Особо важным для нас является то, что авторы в этом случае не проводят различий при характеристике отношений внутри территориальной общины и “царства”, организации государственного типа, обозначая представителей высшего слоя территориальной общины и “царей” одним и тем же термином.

¹⁰² См. например: III Большой наскальный эдикт Ашоки – Sircar D.C. Selected Inscriptions, с. 20, строка 4.

¹⁰³ Еще один любопытный эпитет “идеального союзника”, сходный по характеру – *унаследованный* (pitṛpaitāmaṇa). Таким же образом в трактате могут характеризоваться и приближенные к царю люди (jana), которых предлагается удерживать при себе (КА I.21.2) и “делать аматьями” (КА I.8.16), *наследственное* имущество (pitṛpaitāmaham artham, II.9.21; XV.1.12).

¹⁰⁴ Ср., например, КА V.1.39 и КА VII.3.22-36, КА VII.11-12.

¹⁰⁵ Появление этого термина в данном контексте закономерно, поскольку речь идет о любых представителях общественной иерархии, таким образом, подчеркивается, что указанный тип поведения вызовет мятеж всех сторонников царя.

“устранить” конкретного представителя слоя “господ-правителей”, предварительно идентифицируя его как “изменника”.

Все они – зависимые цари, знать и иные представители “политической” элиты – могут в КА именоваться “сторонниками” царя или его противника. Понятие “пакша” занимает важное место в концепции “идеального царства”. Царство в КА – объединение, важнейшими структурными элементами которого были владения зависимых от царя правителей, знати, территориальные общинные организации. Поэтому царь в КА должен постоянно держать в поле зрения отношения с ними, быть занятым формированием группы “своих сторонников” и устранением “сторонников противника”. Присутствие последних в рамках “своей области” (“свавишая”) царя недвусмысленно указывает на значительную степень автономии таких руководителей. Употребление же понятия “пакша” в КА, когда говорится об “адхьякшах” и “махаматрах”, свидетельствует о том, что аналогичные отношения были характерны для любого уровня общественной иерархии.

Подобного рода структура царства в значительной степени определяла в концепции КА особенности управления им. Использование в трактате модели отношений в “домохозяйстве” выглядит вполне оправданным и закономерным. Такого рода уподобление, в равной степени так же, как и неразделенность, отождествление службы царю лично и службы царю как главе царства в КА совсем не выглядит результатом отстраненного осмысления отношений в рамках царства. Основанием для него является действительное сходство отдельных черт организации управления царством и домохозяйством. Это, подчеркнем, опять же не выглядит специфичным ни для КА, ни для индийской культурной традиции вообще.

С такой точки зрения выглядит закономерным и то, что отношения царя и его “подданных”, прежде всего “больших людей”, осмысливаются в КА как отношения “господина” и “слуг”. “Слугами” царя называются здесь не только непосредственное его окружение (его двор). Слугой царя, “подобным слуге”, исполняющим царскую службу или “дело” (“карман”), в трактате может быть назван любой представитель общественной иерархии: “большой человек”, “сановник” – “махаматра”, “начальник” – “мукхья” и даже зависимый царь. Успешное исполнение царских “дел”,¹⁰⁶ принятие мер, чтобы помешать исполнению этих же “дел” противником, характеризуется даже как успех во “внешней” политике, является предметом договоров между царями. Следуя определенным нормам и получая от этого личную выгоду, такого рода деятельностью в пределах своего коллектива, своей организации занимались не только цари¹⁰⁷, но и знать, общинное руководство, а также, вполне возможно, главы больших семей, родов. Обладая достаточными ресурсами для этого, они могли, выполняя “поручения” царя (получая с этим его поддержку), осуществлять аналогичные функции и на более высоком уровне. В широком смысле слова сбор “доходов” и “осуществление наказаний” – два важнейших канала взаимосвязи представителей различного уровня общественной иерархии. Представители более низкого уровня были обязаны передавать часть своих “доходов” (часто в виде податей, “взносов” на общие нужды), представители же более высокого уровня имели право *наказывать* того, кто выходил за пределы своей компетенции, нарушал установленные (для каждого конкретного уровня, естественно, согласно концепции КА) порядки¹⁰⁸. Поэтому не выглядит противоречием иным сведениям трактата описание в КА

¹⁰⁶ В тексте даже присутствует до определенной степени унифицированный их список, сюда включались: “устройство крепости, оросительного сооружения, торгового пути, разработка рудника и пр”.

¹⁰⁷ Характерным явлением для маурийского общества, например, по сведениям эдиктов Ашоки были регулярные (!) “объезды” территорий махаматрами (в том числе и по поручению царя Магадхи, царевичей – “кумара”). Одной из важнейших задач, выполняемых в результате таких “объездов”, на мой взгляд, была, безусловно, деятельность по “сбору доходов” и “осуществлению наказаний”. О постоянных передвижениях царей, их “слуг”, придворных, знати, связанных, на мой взгляд, не столько с военными кампаниями, сколько с деятельностью такого рода, дают возможность судить и более поздние надписи.

¹⁰⁸ Поэтому, например, деятельность, связанная с “поручением царя”, может быть и предметом разбирательства в суде, если она противоречит местным нормам. Объяснение формулировки КА III.1.7 тем, что здесь подразумеваются действия частных лиц, не чиновников, поскольку деятельность чиновников подлежит, согласно КА, ведению “прадештаров” (Вигасин А.А., Самозванцев А.М. Артахаштра... М., 1984, с. 89) неубедительно, поскольку неясным остается смысл указания на связь такого лица с царем. Кроме того, многих лиц, о преступлениях которых говорится в КА IV.4. (“жители селения” и “адхьякши”, лжесвидетели, воры, судьи-вымогатели и сами прадештары) “чиновниками” назвать нельзя (дефиниции “чиновник” и соответственного разделения сфер деятельности в рекомендациях КА просто нет).

I.19 деятельности царя, лично контролирующего своих “слуг”, “чтобы они не поедали (результаты) его дел”¹⁰⁹.

Не случайным выглядит и то, что в соответствии со списком “царских дел” в КА формируется группа “надзирателей” - “адхьякш” (этот факт отмечался многократно, в том числе и Р.П. Кангле в его переводе КА). Поскольку их “обязанности” сводились, главным образом, к сбору податей, доходов (отчасти в свою пользу), мы вправе считать такими “слугами” не только приближенных царя, но и любых представителей общественной иерархии (т.е. тех же “прадхана”, “мукхьев”, “махаматров” и даже зависимых государей-данников). С такой точки зрения естественным в КА выглядит сближение понятий “союзник” (митра) и “слуга” (бхритья), которым обозначается в КА широкий круг лиц от царей до дворни – доминирующий царь в таком случае, естественно, называется “господин”.

Превращение правителей территорий, окружающих владения доминирующего царя, в зависимых “союзников”, “слуг”, формирование “группы сторонников”, куда вместе с родственниками царя, царями-“союзниками” включались знать, общинное и клановое руководство, олицетворявшее организации, которые они возглавляли, – все эти методы, предлагаемые в КА как инструменты “построения” царства и “мандалы”, отличаются тем, что они основываются уже во многом не на родственных и территориальных, а на личных отношениях царя и его подданных. Такой простейший и наименее конфликтный путь в общественной интеграции, когда при включении в более крупное объединение различного рода организаций происходило “присвоение” их целиком (и руководство такого объединения получало “доход”, используя собственную, признанную администрацию входящих в него организаций), представляется естественным и не выглядит специфически “государственным”. Он только создает возможность для формирования и соответственной эволюции отношений в рамках такого объединения, отличных от отношений в рамках традиционного коллектива.

Царь, согласно сведениям КА, должен быть постоянно занят обеспечением целостности царства. Для этой цели ему предлагается постоянно заниматься формированием “группы своих сторонников” и “устранением сторонников” противника в своем царстве. При невозможности их переманивания на свою сторону царю предлагается их “устранять”, что сводится чаще всего к замене такого лица его наследником, родственником. Отмеченная нами выше норма, предлагающая царю не претендовать, прежде всего, на *имущество* (в том числе и должность-титул) устраненных, способствовала сохранению структуры царства, но не препятствовала царю, не нарушая баланса сил и сложившихся отношений, активно вмешиваться в дела включенных в его царство организаций, смещая их руководителей, если деятельность последних не устраивала его лично. Последние, в свою очередь, следуя естественным амбициям занять лидирующее положение, как и в целях самосохранения, либо стремились сами занять место царя, либо подчинялись царю, из “сторонников” все более становясь “слугами”, получая взамен этого определенную выгоду, не только материальную (“оплата” службы царю), но и статусную. Такое направление эволюции общественных отношений в рамках царства, несмотря на его противоречивый и сложный характер (ведь царь, в свою очередь, зависел от поддержки своих сторонников, признания его власти со стороны “больших” людей, социальной элиты и т.д.), как мне представляется, уже можно считать ведущим к формированию государственных отношений. Здесь следует иметь в виду, прежде всего, два важнейших их аспекта. Традиционные ценности и отношения (семейные, хозяйственные, родственные, общинные, соседские и пр.) изначально и в течение довольно длительного периода в максимальной степени определяли особенности отношений в надлокальных структурах, в том числе формирование государственных отношений¹¹⁰. Это мне представляется исключительно важным для ранних обществ. Вектор развития таких отношений в самом общем виде был направлен, прежде всего, снизу вверх, к эволюции от мелкого к более крупному объединению (большая семья-патронимия, род-племя-племенное объединение, соседская община-общинное объединение). Особенностью же формирующихся государственных отношений, в рамках которых продолжается одновременно движение ко все более широкой интеграции общества (царство = объединение владений более мелких правителей, знати, территориальных общинных объединений, держава = объединение

¹⁰⁹ Так, например, согласно КА I.19.9, царю следовало самому заслушивать (сведения) о “расходе и приходе” (хотя контроль за этой сферой, в соответствии с КА II.6, 35 считается сферой деятельности “сборщика”), согласно КА I.19.10 – рассматривать дела “горожан и селян” (что, очевидно, прежде всего, было в компетенции судей), согласно I.19.12 – принимать золото (что по сведениям КА II.5, 11 являлось обязанностями “хранителя” и “надзирателя за казной”).

¹¹⁰ Эволюционируя и видоизменяясь, они никогда, на мой взгляд, не теряют своего исключительного значения, воздействуя на все стороны жизнедеятельности общества.

царств, хотя и на другой основе), является, прежде всего, их направленность вниз, к видоизменению отношений в рамках сложившихся объединений в сторону постепенного ограничения власти лидеров, глав включенных в такое объединение организаций. Процесс превращения местного лидера-правителя в слугу и затем в наемного слугу-чиновника шел, во всяком случае, в Индии длительное время. О его завершении, хотя бы в самом общем виде, можно говорить, на мой взгляд, применительно к значительно более поздней эпохе, возможно, лишь к концу нового времени. Аналогичные тенденции, одновременно, были характерны и определяли развитие отношений в рамках территориальных общин и общинных объединений, рода и семьи.

Изложенные соображения об особенностях складывания и эволюции государственных отношений, как они мне представляются, безусловно, в значительной степени обобщенные. Сведения КА позволяют, на мой взгляд, говорить о “государстве=царстве КА”, фиксировать “государственные” отношения, выводящие и позволяющие выйти за пределы родственного или соседского коллектива, системы родственных или соседских организаций. Наряду с отмеченными выше фактами, такими, как складывание представлений об универсальности мироустройства, общественной структуры с точки зрения ее политического аспекта, важно отметить место и роль “царства” как основной и универсальной крупной надлокальной общественной организации.

Само существование дисциплины артахашастры, одной из основных задач которой было, на мой взгляд, формирование модели “идеального царства”, изложение в рамках этой концепции “науки о выгоде”, рекомендаций царю, свидетельствует о том, что институт “царства” прочно занял центральное место в представлениях индийцев о мироустройстве. Осуществление царской власти, т.е. деятельность царя, политика, понимается в КА как синоним вращения “колеса”¹¹¹, которое можно понимать и как теоретическое обозначение сферы осуществления царской власти. Одновременно в “теории политики” под “колесом” может подразумеваться не только конкретная держава (царство, либо царство - “мандала”), но и весь мир (сакра), мироустройство. Поэтому в КА о “месте применения” теории политики говорится как о “земле от Гималаев до океана”, к обладанию которой должен стремиться государь. Она называется поэтому “*чакраварти-киштра*”, место (или сфера деятельности) вселенского правителя.

Одним из важнейших инструментов социально-политической интеграции общества в рамках царства, наряду с отмеченными выше, является в КА формирование царем особой группы “сподвижников” - “аматьев”¹¹². Совершенно не случайно это становится главной темой уже первых глав трактата (КА I.8-10). Принципиальное отличие указанного термина – так в трактате может именоваться **любой** приближенный царя вне зависимости от его общественного положения, статуса, в том числе и представитель слоя “господ-правителей”, **исключительно** в связи с тем, что он несет службу любого рода царю, связан с царем личными служебными отношениями¹¹³. Предоставление такого титула или “сана” (КА I.8.29) отдельным представителям “политической” элиты в связи с их службой царю не только вело к вычленению из общей массы “больших людей” служилой прослойки – особой группы ближайших “сподвижников” царя, выполнявших службу царю и получавших соответствующую большую материальную поддержку. Оно также повышало личный статус обладателя указанного титула, который характеризовался, вне зависимости от его деятельности, уже соответственно его близости к царю (поэтому в КА в ряде случаев, очевидно, что термином “аматьев” именуются “махаматры” и “мукхы”, связанные с царем служебными отношениями). О безусловной важности таких “сподвижников” в концепции КА для царя и царства свидетельствует и структура содержания первой книги трактата, его логика – только после изложения рекомендаций по выбору и назначению “сподвижников”, методов их “проверки”, царю

¹¹¹ Колесо, диск (“мандала”, “чакра”) - нередко привлекаемый в санскритских текстах концептуальный образ мироустройства в различных его аспектах,

¹¹² В грихьясутрах этот термин обозначал “домашнего слугу царя” - из них, возможно, изначально и рекрутировались наиболее преданные помощники царя в управлении царством.

¹¹³ Не случайно именно он чаще всего присутствует при перечислении “саптанга”, “7 элементов царства”. Так в КА может быть назван любой приближенный царя (советник, посланец, писец), “адхьякша”, “сборщик”, “судья”; согласно КА VIII.1.6-18,23, все дела царства зависели от “аматьев”; так в трактате могут именоваться “махаматры” - 18 “наиболее уважаемых лиц царства”, причем выделяются “внутренние” (т.е., возможно, приближенные, присутствующие при дворе царя) и “внешние аматьев”. Наряду с этим, в XIII.1.12 “группа сторонников царя” (svapaksā) толкуется, как состоящая *только* из “сподвижников” царя (amātya) и “простых воинов” (āyudhīya), а в КА VII.16.31. об “аматьях” говорится как о правителях, “сидящих на своих землях”.

предлагается формировать группу “тайных людей” для контроля за “махаматрами” (которые в данном случае могут быть названы также “аматья”) и иным населением. Поэтому как наиболее опасный для царя и царства толкуется в тексте КА “мятеж аматьев”. “Аматья” в концепции КА – наиболее верный и преданный “союзник” – друг, “сторонник”, “слуга”, “человек” царя, поэтому перечисление достоинств любого из них в КА соотносится с достоинствами “аматьи”. Так может обозначаться любой представитель общественной иерархии, связанный в концепции КА служебными отношениями **ТОЛЬКО** с царем. Иные термины сходного характера (слуга – “бхритья”, человек – “пуруша”) имеют более широкий смысл.

Другим инструментом, способствовавшим более тесной общественной интеграции, в концепции КА было формирование царем группы “тайных людей” (гудхапуруша), “тайных” помощников, “имеющих облик” (вьянджана) “домохозяина”, торговца, начальника – “мукхы”, царя-“союзника” и т.д. – любого представителя общественной иерархии). Они являются основными помощниками царя в деле контроля и устранения претендентов на его власть, сторонников противника, “изменников”, “преступников” любого рода. Следуя логике изложения содержания в КА (рекомендации по формированию группы “тайных людей” следуют непосредственно за изложением рекомендаций по назначению и проверке “аматьев”), анализу конкретных свидетельств трактата, можно судить о степени важности группы таких лиц, их функций в управлении царством, согласно концепции КА.

В условиях социально-политической структуры общества, как она отражена в трактате, имелась очень ограниченная возможность управления “царством”. Поэтому, наряду с конкретными мерами по стабилизации отношений в рамках царства, ведущих ко все большему подчинению местной власти, огромное значение в концепции КА придавалось контролю, проверке исполнения “слугами” царя традиционных или специально оговоренных норм, договоров, обязательств, проверка *честности* “слуг” при передаче в казну должной части *дохода*, а также *осуществление наказаний*, штрафование и устранение *нарушителей*, в том числе потенциальных (которые толкуются как *изменники*, *враги* и *преступники*) – в том числе и тех “слуг”, кто присваивал царское имущество, царскую долю доходов и т.д. С такой точки зрения популярные в КА и других санскритских источниках тайные люди (gūḍhapuruṣa), занимавшие различное положение в обществе и выполнявшие, по существу, управленческие функции, в большинстве случаев получая за это “плату”, являвшуюся нередко основным средством для их существования, были важной частью небольшой личной **администрации** царя¹¹⁴ и скорее всего любого из обозначенных в КА господ-правителей.

Государство, складывающееся естественным путем, через интеграцию традиционных социальных организаций, сохраняющих во многом свою структуру, администрацию (а именно таковым оно представляется, исходя из анализа теории КА), не требует иной специальной хозяйственной или фискальной администрации. Единственно необходимое и возможное направление административной деятельности (в обществе, как оно характеризуется в КА)¹¹⁵ правителя такого государства – организация взаимосвязи с наиболее крупными своими подразделениями, обеспечение их покорности, своевременности выплат ими податей или дани. Поэтому царь в КА чаще всего “политик”, постоянно занятый формированием (т.е. обеспечением покорности, лояльности и пр.) своей “мандалы”, “группы своих сторонников”, устранением непокорных “*изменников и преступников*”, в качестве которых в КА толкуются и лица, утаивающие доходы, которые должно передавать царю. И главными его помощниками в этом являлись, наряду с группой “аматьев”, “*тайные люди*”, которых можно считать представителями реальной царской администрации.

---

¹¹⁴ См. подробнее: Лелюхин Д.Н. Государство, администрация и политика в Артхашастре Каутильи - Вестник древней истории, 1992, №2.

¹¹⁵ Окончательное вычленение особой “административной” деятельности и появление “администрации”, как мне представляется, происходит значительно позже.

2. Социально-политическая структура древнеиндийского общества II-IV вв. н.э. по сведениям надписей из пещерных храмов западной Индии и ранних грамот Паллавов.

В первой половине I тысячелетия н.э., в период расцвета классической Индии, окончательно формируется особый комплекс относительно точно датированных источников по истории страны, синхронный конкретным событиям, которые он фиксировал, и поэтому наиболее надежный. Появившиеся в III в. до н.э. надписи становятся основным источником по истории страны указанного периода. С первых веков до н.э. даже общая событийная канва истории страны восстанавливается (в той или иной степени) главным образом по сведениям эпиграфики. Сначала в абсолютном своем большинстве очень краткие, содержащие часто лишь упоминание того или иного лица, надписи постепенно становятся больше, богаче и разнообразнее по содержанию. К III-VI вв. н.э. о надписях уже можно говорить как о массовом источнике.

Говоря о надписях II-IV вв. из пещерных храмов западной Индии, мы имеем в виду комплекс надписей из храмов¹, большая часть которых (в Karle, Bhājā, Koṇḍāne, Bedsa, Kuda, Mahād, Kol) размещалась довольно компактно (в радиусе 100 км) в области истоков Бхимы. Nāsik находится ок. 150 км к северу, в области истоков Годавари, Kanheri – ок. 100 км к северо-западу, около современного Бомбея, на таком же расстоянии на северо-восток – Junnar, на юг – Karādh. Считается, что области, где находились эти храмы, входили в рамки державы Шаков, а после их разгрома в I пол. II в. н.э. перешли под контроль государей из династии Сатаваханов. Из 180 надписей II-III вв., найденных в этих храмах, большая часть – частные, посвященные различного рода дарениям храмам и общинам буддийских монахов. Только 9 из них – наиболее ранние из дошедших до нас “царских” дарений, 5 – содержат информацию о дарениях царей из династии Сатаваханов, 4 – о дарениях Ушабхадатты, зятя шакского кшатрапы Нахапаны (надписи найдены в Карле и Насике). В нескольких надписях упоминания царей (в том числе не только Шаков и Сатаваханов) служат исключительно для датировки надписи.

Информации о социально-политической структуре общества в Западной Индии I-III вв. н.э. в царских надписях относительно немного, однако они позволяют судить о ряде особенностей взаимоотношений царя и местных властей в государствах того времени.

Хотя по пышности панегирика надписи Ушабхадатты (в ASWI это IX.5-9) мало уступают соответствующим частям в более поздних царских надписях, нельзя не заметить, что в каждом случае имеется оригинальный, не схожий с иными по перечисляемым подробностям сюжет панегирика. Это свидетельствует о том, что традиция оформления дарений только складывалась в это время, и позволяет с большим доверием относиться к изложенным здесь сведениям. При этом важно подчеркнуть, что никогда “Ушабхадатта, сын Диники, зять Кшатрапы (из династии) Кшахарата, царя Нахапаны” (фраза, повторяющаяся во всех его надписях) не называет себя ни *господином* (svāmin), как именовали себя правители Шаков, ни *царем* (rājān), а его супруга, дочь Махакшатрапы Нахапаны, в ASWI IX.10 скромно именуется *домохозяйка* (kuṭumbinī).

Вместе с тем информация о его деятельности, географический ареал, в рамках которого она осуществлялась, убеждает, что он был крупным богатым правителем. В ASWI IX. 5 говорится о постройке им странноприимных домов, садов, прудов и колодцев в Бхарукаче, Дашапуре, Говардхане и Шорпараке, о возведении тиртхи на реке Барнаса, дарениях 16 деревень для храмов и брахманов, устройстве переправ на реках Ибе, Параде, Дамане, Тапи, Карабене и Дахануке, крупном денежном вкладе в организацию сборщиков кокосовых орехов в деревне Нананголе, который предполагалось использовать для обеспечения “собраний брахманов” (Charakapaṣabhaḥ, брахманских организаций) в Пиндикаваде, Говардхане, Суварнамукхе, Шорпараке и Раматиртхе, постройке буддийского монастыря и водоема на горе Трирашми в Говардхане, освобождении им главы клана Уттамабхадров, осажденного Малаями (возм. – Малавами), и дарении поля. В ASWI IX. 6 – о дарении храму Валурака (в Карле) деревни Караджика², в ASWI IX. 7 (смысл ее из-за повреждений восстановить трудно) упоминаются

¹ В работе мы используем главным образом публикацию в Archaeological Survey of Western India, v. IV-V (пользуясь нумерацией надписей этого издания), а также издание Sh. Gokhale, Kanheri Inscriptions (далее ASWI и KI).

² Эта деревня примечательна тем, что она же, согласно ASWI IX.19, была “подарена как земля монахов (bhikṣuhaleha)” Сатаваханами (аналогично в ASWI IX. 13 говорится о дарении царем Свами Готамипутрой Сири-Сатакарни поля, ранее принадлежавшего Ушабхадатте).

Шорпарага, Вечимна (Чечимна), Дахануканагара, Кекапура, Бхарукачча, Анугами и Уджени, в ASWI. XI. 5 говорится о крупных денежных вкладах в различные корпорации (шрени) в Говардхане. Таким образом, нетрудно заметить, что сферой его деятельности была значительная область западной Индии и, как нам представляется, большая часть областей, подчиненных Шакской династии Кшатрапов, за исключением Сураштры.

О статусе этого правителя позволяет судить надпись ASWI. IX.5, где говорится, что поход на помощь клану Уттамахадров он совершил *"по приказу господина"* (bhaṭārakā āpnātiyā), после чего совершил абхишеку (обряд помазания на царство) на реке Покхарани, подарив при этом 3 тысячи коров, деревню и поле (фиксации последнего дарения, собственно, и посвящена надпись). Положение Ушабхадатты не кажется странным. Государство Шаков, сходное по структуре с "мандалой", в КА включало, видимо, территории, подчиненные различным правителям, среди которых Ушабхадатта, возможно, был одним из наиболее могущественных (вполне вероятно, что поэтому он и стал зятем Нахапаны). Он не обладал титулом "царь" (rajān), хотя постоянно указывал на принадлежность к роду Кшахаратов, к царям³, повторял в первых строках любой из своих надписей, что он зять Нахапаны. Однако содержание надписей позволяет судить о том, что, не обладая титулом "царь", по существу, он следовал идеалу добродетельного царя, что было обеспечено, видимо, его реальной властью, статусом крупного правителя. И совершение им абхишеки можно толковать как закономерный результат таких действий. Надписи не содержат никакой информации об администрации Ушабхадатты – все указанные действия осуществлялись им самим лично и толкуются как его персональная заслуга. Причем фиксация именно такого рода отношений в эпиграфике, как нам представляется, была обусловлена не только следованием распространенной в санскритских текстах модели поведения "добродетельного царя", но и реальными условиями того времени. Правитель этот, как свидетельствуют надписи, контактировал напрямую с организациями негосударственными.

Довольно четко в его надписях выделяются два, ставшие впоследствии наиболее популярными традиционными типами дарений: дарение имущества (конкретных участков земли или денег) и дарение деревни.

Дарение деревни подразумевало использование доходов от нее монахами. Вряд ли, думается, действуя таким образом, царь активно вторгался в сферу деятельности местной власти. Скорее, он лишь санкционировал своим авторитетом уже существующую и не вызывающую противоречий в обществе тенденцию объединения деревенских организаций, в нашем случае – вокруг храмовой общины. Она выражалась, видимо, в том, что часть произведенного в отдельных деревнях продукта, традиционно передававшегося на общие нужды в межобщинную организацию или местному правителю (в той или иной форме), теперь шла на конкретное общественно (т.е. признанное тем же объединением общин) необходимое дело: поддержку храма и живших в нем монахов. Положение жителей деревни и деревенской организации при этом вряд ли существенно изменялось.

Одна из надписей Ушабхадатты (ASWI.IX.6) фиксирует дарение храму Валурака (Карле) деревни Караджика. Выглядит не случайным, что та же деревня, согласно ASWI. IX.20, была "подарена как земля монахов" (bhikhuhaleha) тому же храму Сатаваханами – в этом и, возможно, в аналогичном случае (ASWI. IX.13) скорее всего речь идет не столько о "перераспределении владений Шаков после их разгрома Сатаваханами", сколько о подтверждении последними незыблемости сложившейся местной структуры.

Дарение земли, находившейся в личной собственности Ушабхадатты, также предполагало использование доходов от нее. Важно здесь упомянуть, что царь распоряжался уже личной собственностью. В ASWI. IX.5 говорится о дарении *купленного им у брахмана* за 4000 каршапан поля, которое должно стать *источником пищи* для монахов, живущих в пещерном храме. Надпись эта фиксирует возникновение личных связей между правителем и формирующейся монашеской организацией. Построив пещерный храм и пожаловав землю для монахов, правитель получает моральное право говорить "проживающей в *моем* храме общине монахов четырех сторон света" (mama lene vasatāna chātudisa bhikhusagha). Сходная фразеология встречается и в надписях Сатаваханов.

Иной тип царского пожалования, о котором говорится в надписях Ушабхадатты, – дарение денег (ASWI.IX. 5, 9). Царь размещал под проценты крупные вклады в негосударственных

³ Важным здесь, скорее, являются не родственные связи с Нахапаной, а указание на статусную близость. Весь пафос надписей Ушабхадатты сводится к тому, что правитель этот следовал идеалам политики добродетельного царя ("дхармараджи") и получил благодаря этому моральное право называться царем ("раджан"). Реальная власть, связь с царским родом для этого, видимо, не были достаточны.

организациях общинного типа – в корпорациях (шрени). 32 тыс. (каршапан) и 8000 каршапан были помещены Ушабхадаттой в организации сборщиков кокосовых орехов⁴ и в двух корпорациях ткачей (kolika-nikāye), располагавшихся в Говардхане (Govadhanavādhavāsu śreṇīsu). И в этом случае возникавшие в результате дарения отношения между правителем и монашеской организацией (через посредство местных негосударственных структур) не требовали и не оставляли места для участия в них чиновников.

Сравнение сведений надписей Ушабхадатты с иными надписями того времени не позволяет считать указанные дарения осуществлением исключительных прав главы государства ("сферой государственной политики"), чисто царскими прерогативами, говорить об особых правах этого правителя. В одном из храмов в Джуннаре найдены десять надписей, каждая из которых содержит информацию о частных дарениях монашеской общине ("сангхе") Апараджитов различных участков земли (правда, меньших по объему – от 2 до 26 нивартан), и одна – о вкладе в "шрени обработчиков бамбука" (ne[va]sakare[su]) и "шрени медников" (kāśa[sa]kāresu seniya). Важную информацию дает надпись из Насика, сообщающая о дарении деревни **жителями**, т.е. городской общиной **Насика** (Nāsikakanañ Dharmbhika-gāmasa dānañ). В надписи из Насика (ASWI. X.12), датированной 9 годом царя Абхирова Ишварасены, сообщается о 4 крупных вкладах (общей суммой в 360 каршапан) ученицы Вишнудатты, дочери шака Агнивармана, жены Саṇḍāraḥ⁵ Ребхилы и матери Саṇḍāraḥ Вишвавармана в различные "шрени". Нередки упоминания о "постоянном вкладе" (akḥayanivi) частных лиц (см., например, ASWI. VIII.3, 6, 27, X.4, KI. 6, 24, 25, 28, 30, 34, 35, 38, 40), в качестве которого может фигурировать не только денежный взнос, но и поле (KI.40), дом (KI.28).

Несколько отличен характер структуры общества, отраженный в надписях Сатаваханов. В четырех из пяти дошедших до нас личных дарений царей из указанной династии упоминаются лица, которые толкуются⁶ как представители администрации царя, губернаторы, посредники между царем и местными организациями. В термине amacha, которым они обозначаются, нетрудно узнать широко употреблявшийся в санскритских текстах термин amātya (сподвижник, спутник), обозначавший помощника государя, занимавшего исключительно важное место в концепции "идеального царства КА". В ASWI.IX.13 "из победоносного военного лагеря" (vijayakḥadhāvāḥ) Свами Готамипутра Сири-Сатакарни обращается к Вишнупалите, amacha в Говардхане, сообщая о дарении им его **личного** (это подчеркивается в тексте) поля в 200 нивартан, ранее принадлежавшего Ушабхадатте. Дарение это, как говорится в грамоте, было "одобрено" (chhato) иным amacha, Sivaguta. В ASWI.IX.14 говорится, что приказ царя "должен быть передан" (deyo) для Sāmaka, amacha в Говардхане, "с пожеланием здоровья" последнему.⁷ Согласно грамоте царя, о дарении которого было, очевидно, необходимо известить местного amacha, вместо ранее подаренного поля в деревне Какхади (которая, как говорится в надписи, "не обитаема и поле не обрабатывается") монахам, живущим в обители на холме Триранху, было предоставлено 100 нивартан, часть царского владения ("нашего", т.е. лично царя,

⁴ Dvātrīśata-nāḷigera-mūla-sahasradena, здесь мы придерживаемся более точного, по сути, перевода В.В. Вертоградовой (История и культура древней Индии, М.1990, с. 236), которая, как ни странно, в иной надписи (ASWI.IX.9) сходное выражение (nāḷigerana mūla sahasrāni aṭha) переводит иначе, следуя уже буквальным переводам Г. Бюлера и Дж. Берджеса – "на кокосовые пальмы". "Оплата цены кокосовых пальм", безусловно, предполагала получение монахами дохода, поэтому по аналогии со сведениями об иных вкладах мы вполне можем предполагать, что вклад этот (учитывая его значительный объем) был сделан в организации сборщиков кокосовых орехов в деревнях Чикхалападра (ASWI.IX. 9) и Нанангола (ASWI. IX.5).

⁵ Г. Бюлер считал его обозначением военачальника ("protector or leader of gana", which consists of three gulmas, or battallions, ASWI. IV, 104), Э. Сенар утверждал, что термин образован от gaṇāyati (ошибочная форма gaṇayati) и обозначал счетчика (accountant), V. Bakhle, в JBRRAS, v. IV (NS), с.78 считал этот термин обозначением руководителя ганы - республики. В. Мираши оставляет его без толкования, а Д.Ч. Сиркар в Эпиграфическом словаре переводит неопределенно "official designation". Хотя термин Саṇḍāraḥ толкуется по-разному, учитывая общий контекст надписей того времени, скорее, его следует интерпретировать, учитывая смысл термина gaṇa ("племя, объединение"), как обозначение руководителя сравнительно крупной (принимая во внимание объем вклада) организации.

⁶ Не только эпиграфистами (например, Г. Бюлером, Е. Сенаром, Д.Ч. Сиркаром, В.В. Вертоградовой), но и историками (например, Р. Тхапар).

⁷ Присутствующее и в иных надписях выражение подчеркивает уважительность обращения. Ср.: ārogiyañ vataviyā ("с пожеланием здоровья") в обращении арьяпутры и махаматров Суварнагири к махаматрам Исилы в Малом наскальном эдикте Ашоки из Брахмагири, сходное выражение kuśalamuktva (пожелав здоровья) встречающееся в надписях Вакатаков и иных царей времени Гуптов.

amasatakain=amhasatakain, “царского поля на границе города”, nagarasīme rājakaṁ khetain). В надписи Васиштхипутры Сири Пулумаи (ASWI.IX.19), последний обращается к Сивакхадиле, amacha в Говардхане, и сообщает о дарении деревни Самалипада вместо подаренной ранее деревни Садасана. Дарение это было предоставлено монашеской организации (nikāya) школы Бхадраяниев, монахам из Дханакаты, живущим в “храме царицы” (devīṇa)⁸. Доход от его использования предлагается использовать для осуществления ремонта храма, причем специально оговаривается, что деревня должна управляться (paṭikhaya)⁹ именно монахами из организации Бхадраяниев (аналогичным образом говорится и о деревне Самалипада, которая была предоставлена взамен Судасаны). В надписи из Карле (ASWI.IX.20), после обращения к amacha в Māmāla, говорится о дарении деревни Караджика храму Валурака.

Характерно для Сатаваханов, что надписи фиксируют личные отношения между царем, главой государства (часто подчеркивается— наше дарение, наше поле и т.д.) и монашескими организациями, не оставляющие места для функционирования посредников-администраторов. Сомнительны в данном случае попытки толковать лиц, именуемых amacha как представителей царской администрации. Ни в одном из текстов нет сведений о характере взаимоотношений их с царем. Собственно, даже глагол āparayati нет никаких оснований переводить “приказывает”¹⁰ поскольку приказа, как такового (или поручения для amacha) в надписях просто нет — царь, распоряжаясь своей собственностью (поле) или предоставляя храму в пользование деревню, только **оповещает**¹¹ об этом местного лидера, не требуя от него конкретных действий, не опирается на него как на представителя центральной администрации. Хотя термин amacha в надписях, как и в санскритских текстах, имеет обычно обобщенно-неопределенное значение (“соратник”, “сподвижник”), в отмеченных случаях скорее всего так именуется местный лидер¹²— не случайно поэтому нередко с ним соседствует упоминание области или ее центра (например, Govadhane amacha, когда речь идет о дарении в Govadhanāhāra¹³, Māmāle amacha, когда речь идет о дарении в Māmālahāra).

Термин amacha встречается и в иных надписях, среди которых следует упомянуть прежде всего надпись из KI. II.11. Здесь говорится: “Водоем— добродетельный дар царицы, [супруги (?)] божественного Сатакарни Васиштхипутры, наследницы рода царей Кардамака и дочери Махакшатрапы Ру(дра)[дамана] ..... Шатераки, сподвижника во всем”¹⁴ (v[i]śvasyasya amātyasya Śāterakasya). Надпись привлекала внимание обычно указанием на матримониальные связи между Кшатрапами и Сатаваханами. Однако не менее интересна и взаимосвязь “аматий” с царицей. Содержание надписи можно толковать и как личное дарение “аматий”, и как акт, осуществленный по велению царицы. В любом случае “сподвижник во всем” царицы выглядит скорее титулом, чем обозначением должности. Этот Шатерака был, видимо, знатным (о чем

⁸ Скорее всего имеется в виду храм, подаренный царицей Готами Баласири, о котором идет речь в знаменитом панегирике (ASWI.IX.18), продолжением которого является настоящая надпись. И здесь характерно присутствие указания на принадлежность храма.

⁹ Part. fut. pass. от kṣī (управлять) с префиксом prati, или Dat., Gen. от pratikṣā (присматривающий за) — см.: ASWI, IV, с. 111. “Управление”, если оно имело место, скорее, сводилось лишь к тому, что деревня, как и в результате иных дарений, снабжала всем необходимым живущих в храме монахов— не только пищей, но и средствами для проведения службы, помогая осуществлять ремонт храмовых сооружений.

¹⁰ Для переводов начала XX в. характерно не всегда обоснованное присутствие императива (в том числе вместо опатива), изменяющего смысл текста.

¹¹ У Ашоки при таком обращении используется характерное выражение “со слов” (vacanena), также встречающееся и в IX.14. В более поздних надписях оно заменяется на vaktavyaṁ (должно быть сообщено)— samājñāpayati — viditam-astu (оповещает ..... пусть вам будет известно) или сходные выражения, смысл которых сводится к оповещению местных правителей и знати, чтобы они не препятствовали осуществлению дарения.

¹² Иначе— зачем столь вежливо оповещать чиновника (который, конечно же, был обязан выполнять приказы главы государства). Кроме того, при ином толковании остается неясным, каким образом тогда “аматия” может “одобрять” решения своего господина?

¹³ Термин āhāra, встречающийся и в более поздних надписях, производный от слова “пища” (как и термин āhāle из эдиктов Ашоки, термины bhukti и др., производные от глагола bhuj, питаться), вряд ли можно толковать как обозначение административного подразделения государства Сатаваханов. Скорее его следует переводить как владение или кормление.

¹⁴ Смысл термина, как мне представляется, сходен с обычным, например для надписей Вакатаков, термином sarvādhyakṣa (“надзиратель за всем”). Оба они не несут конкретно-административного смысла (а обозначение должности должно быть конкретным). “Универсальный надзиратель”, как и “универсальный (или доверенный) министр”, вряд ли являются понятиями, подразумевающими лиц из административного аппарата. Это, очевидно, титулы, причем имеющие довольно обобщенное значение.

позволяет предполагать его близость к Сатаваханам) "служгой" (аналогично широкому смыслу этого термина в КА) царицы, получившим в связи с этим в надписи (и, возможно, в реальности) соответствующий титул.

Рассмотренные свидетельства надписей позволяют судить о том, что формирование взаимосвязей в государстве Сатаваханов шло по пути установления и упрочения отношений царя и его ближайшего окружения с иными организациями и общественными лидерами, именуемыми в таком случае *amacha*, "сподвижник". Следует подчеркнуть, что таких терминов в надписях I-III вв. из Западной Индии встречается немного, что определяется немногочисленностью "царских надписей". И это, на мой взгляд, связано также с тем, что титул *amacha* не подразумевал определенного социального статуса – им в надписях **наделялись** отдельные представители различных уровней общественной иерархии **только** при обозначении их связей с царем. Не случайно в иных, кроме обозначенных выше случаев (из царских надписей), в "частных" (т.е. составленных не от имени царя) надписях, термин *amacha* всегда дополняется определением "царский" или указанием на царя. В надписи из Kuda (ASWI.IV. 16) говорится о дочери *gājamacha* Hāla. В надписях из Насика (ASWI.IX.4) – о даре *Mahāhakusiri*¹⁵ Bhaṭapālīkā, дочери *gāyamacha* ("сподвижника царя"), Arahālaya Chalisāṇaka, супруге *gāyamacha* Agiyatāṇaka Bhaḍākāṇika (т.е. о целой династии "сподвижников царя"), а в ASWI.IX.11 – о даре *Ayama* из готры Вачха (Ватса), *āmātya* (сподвижника) царя кшатрапы *sāmi* (= *svāmi*)-Naharapa.

О статусе и реальном положении лиц, которые могли наделяться в надписях титулом "сподвижник царя", мы можем догадываться, основываясь на общем контексте сведений храмовых надписей I-III вв. из Западной Индии об авторах-дарителях, в определенной степени отражающем общественную структуру того времени. Несравненно шире здесь употребляются термины, не связываемые обычно с государством, администрацией царя, царской властью – *mahamata*, *mahabhoja*, *maharathin*, *kumara* и т.д., которыми обозначаются представители слоя знати или, пользуясь терминологией КА – "больших" людей, в том числе руководителей различных негосударственных организаций. О несомненной близости статуса лиц, именуемых указанными терминами, царскому и возможности интерпретировать их как обозначения местных правителей позволяет судить, например, надпись из Канхери (ASWI.II.29), фиксирующая дарение *Nāgamūla*, дочери "великого царя и великой правительницы" (*mahārāja-bālikāya mahābhojīya-bālikāya*), жены "великого воина" (*mahārathinī*), сестре "великих правителей" (*mahābhoja*) Ахиладжа и Дхенасены. Целую группу таких правителей из рода Мандавов фиксируют надписи из Kuda. В ASWI.IV.1,6,15, 17,20 – упоминаются *mahābhoja Maṇḍava Khaṇḍapālita*, сын *mahābhojā Sādagerī Vijayā*; *Vijayanikā*, дочь *mahābhoja Sāḍakara Sudamśaṇa*; *mahābhoja Velidata*, сын *Kocchī* из рода *Maṇḍava* (последний упоминается только для датировки надписи, фиксирующей дарение частным лицом чайтьи и двух келий). Две надписи фиксируют дарения писца (*lekha*) указанных правителей, который вместе с членами его семьи толкуется здесь как их слуга (*upajivin*). В ASWI. IV.12 представитель этого рода (*Maṇḍava Kumāra*) назван главой людей из рода Мандавов (*Mandavanam parusa*). В надписи из Bedsa (ASWI.IV. 3) фиксируется дарение *Sāmaḍinikā*, супруги *Āpadēvaṇaka*, дочери великого правителя (*mahābhoya*), великой царицы (*mahādēvī*), (супруги) великого воина (*mahārathinī*). В надписях из Bhaja (ASWI.I.7) и Karle (ASWI.VII.2) говорится о дарениях "великих воинов" (*mahārathin*) *Kosikīputasa Vinhudaṭa* и *Gotiputrasa Agimitraṇaka*. В связи с переводом последней надписи из Карле Е. Сенар упоминает интересный и важный для нас факт находки монеты в Майсуре с буддийскими символами и термином *mahārathin* в легенде, сходной с двумя монетами, присланными ему Р. Севеллом¹⁶, свидетельствующий о выпуске таким правителем собственных монет. Одна из наиболее ранних надписей, упоминающих Сатаваханов из Насика (ASWI.IX.1), фиксирует постройку пещерного храма "сановником" (*mahāmāta*) *Samaṇa*, проживавшим в Насике, при царе Кришне из рода Сатаваханов. Иная надпись из Карле (ASWI.IX.17), датированная 7 годом Васиштхипутры Свами Сири-Пулумави, говорит о дарении общине храма Валурака деревни "со всеми податями" великим воином (*mahārathin*) *Somadeva* из *Okhaḷaka*, сыном женщины из рода *Vāsiṣṭha* и великого воина (*mahārathin*) *Mitadeva*, сына женщины из рода *Kausika*. 7 годом правления Свами Сирияна-Сатакарни датировано дарение великой военачальницы (*mahāsenāpatinī*¹⁷) *Vāsu*, супруги великого военачальника (*mahāsenāpati*) *Bhavagopa*.

¹⁵ Г. Бюлер толкует это слово как личное имя, считая Бхатапалику внучкой Махахакусири (*kumara Hakusiri* упоминается в ранних надписях из Нанагхата).

¹⁶ Epigraphia Indica, VII, 49-51

¹⁷ Титулы *mahāsenāpatinī*, *mahābhojā* и *mahārathinī*, очевидно, даются в надписях женам обладавших этими титулами местных правителей.

Столь же часто представлены в качестве дарителей в храмовых надписях из Западной Индии широкий круг различных “домохозяев”, торговцев, специалистов в разных областях ремесла, руководителей общинных и общинного типа организаций. Так, часто встречаются дарения gahapati (домохозяев, см., например: ASWI.II.19, 24, IV.1, VIII.18), sethi (купцов или старейшин, см., например, ASWI.II.19, 25, 26, V.2, 3, VII.1, KI.32), sathavaha (караванщиков, см., например, ASWI.II.24, 27, 28), торговцев (negama, см., например, ASWI.VIII.4, 33, X.4,8, KI.17,24,25,28, 40). Важно подчеркнуть, что три последних термина в равной степени могут пониматься и как обозначение руководителей соответствующих торговых организаций – в надписях гуптского времени из Бенгала этими терминами, например, обозначаются руководитель гильдии городских торговцев (nagara-śreṣṭhin), “(главный) караванщик” (sārtthavāha), члены “городского присутствия” (adhiṣṭhān-ādhikaraṇa) – руководители соответствующих объединений. Как представляется (учитывая ценность отдельных дарений – земельных участков, пещерных храмов и пр.), часть дарителей были весьма состоятельными и скорее всего занимали важное положение в своих организациях.

Нельзя не упомянуть также случаи, когда фиксируется дарение, предоставленное главой такой организации или организацией в целом. Уже упоминалось дарение деревни “жителями Насика” (т.е. городской организацией, ASWI.IX.2). Примечательны также дарение “гильдии торговцев зерном” (Dharmikaseniya, ASWI.VIII.10), дарение “руководителя домохозяев” (gahapatimugha, т.е. mukhya, ASWI.VIII.4), который называет себя “добродетельным торговцем” (dharma-nigamasa), дарение старейшины деревни (gramika, ASWI.V.5).

Тексты дарений Шаков и Сатаваханов, впервые появляющиеся в их надписях перечисления “льгот” (или иммунитетов) и указания о регистрации дарений позволяют говорить и об иных особенностях отношений царей с местными негосударственными организациями.

Дарение Ушабхадатты, зарегистрированное 42 годом, включало предоставление монашеской организации пещерного храма (lepa) и денежных вкладов под проценты в различные “шрени” (корпорации) Говардханы. И оно, как говорится в тексте, “было заслушано на сходке нигамы”¹⁸ и лишь затем было зафиксировано на досках¹⁹ соответственно обычаям²⁰. Формула “phalakavāre charitrato ti” вновь присутствует в надписи после указания об ином, более раннем вкладе от 41 года. Е. Сенар в сходной ситуации, в примечании к надписи Готамипутры Сатакарни (EI., VIII, 74), дает весьма примечательный комментарий, показывающий, как мне представляется, одну из важных методологических ошибок санскритологов-эпиграфистов начала XX в., переведивших надписи I-III вв. из Западной Индии. Он пишет: “Мы должны, однако, помнить о реальной сущности этих надписей. Это были **не официальные документы**, а в ряде случаев **случайные напоминания** о дарении, записи о котором должным образом хранились среди грамот монастыря. Таким образом, **они могли быть сокращены и суммированы**. Поэтому они не упоминают многих деталей, которые не могли быть упущены в официальных документах” (выделено мной. – Д.Л.). Это один из немногих случаев, когда крупный санскритолог-эпиграфист фиксирует значительное несоответствие свидетельств эпиграфики общим представлениям о развитии государственности в древней Индии. И несоответствие это он вынужден объяснять за счет предположения о существовании каких-то иных, официальных документов, фиксирующих официальных лиц-чиновников, детали официального акта главы государства. Между тем сами тексты надписи Ушабхадатты 42 года и дарений Сатаваханов, на мой взгляд, вряд ли позволяют сомневаться в том, что именно они были официальными документами, фиксировавшими отношения правителя и монашеской организации. Так, например, одно из дарений Ушабхадатты дополнено информацией о дарении, совершенном на год раньше и, видимо, не зарегистрированном. Распоряжение правителя (часто устное), как следует из текста, заслушивалось и регистрировалось на месте – в организации, в ведении которой скорее всего и находилась подаренная земля, в которую входили шрени, куда были внесены вклады. И это

¹⁸ Вариант перевода Г. Бюлера, “guildhall” не кажется удачным, поскольку остается неясным, кто и почему слушал информацию о дарении. Здесь, конечно, идет речь о собрании, причем скорее всего городской общинной организации Говардханы, в которую были включены две корпорации ткачей, куда были сделаны вклады. Примечательно, что одновременно было “заслушано” и “зафиксировано” в той же надписи дарение денег, вложенных в третью организацию, размещавшуюся в иной области (Kāpurāhāre), в деревне Чикхалападра.

¹⁹ Здесь мы следуем переводу Г. Бюлера (ASWI, IV, 103). Толкование термина phalakavāre Е. Сенаром (“town’s hall, at the record office”) не выглядит обоснованным. В.В. Вертоградова, толкует эту фразу: “зарегистрировано в грамоте, как положено” (История и культура древней Индии. М., 1990, с.235)

²⁰ eta cha sarva srāvita nigamasabhāya nibadha cha phalakavāre charitrato ti

(фиксация и регистрация документов, исходящих от главы государства, в местных, очевидно, негосударственных организациях) считалось соответствующим обычаям.

Близки рассмотренному дарению Ушабхадатты по содержанию свидетельства о регистрации дарений Сатаваханов. Дарение от 18 года Готамипутры Сири Сатакарни, суть которого сводилась лишь к передаче льгот (парихара) монахам-владельцам поля, завершается указанием – “и эти льготы для поля должны быть зарегистрированы (eta chasa kheta parihāre cha nibadho lihi)²¹, (о чем) дано устное указание [царя] (aviyeṇa āṇataṁ)²². Одобрено amacha Шивагуптой (amachena Sivagutena chhato)²³. Принято на хранение махасваминами (mahasamiyehi uparakhito)²⁴. Грамота дана в год 18-й, в первый день второй пакиши дождливого сезона. Сделано (т.е. выбито на камне) Тапасой”. Дарение Готамипутры Сатакарни от 24 года²⁵, текст которого является продолжением рассмотренного выше и отделен только знаком свастики, завершается фразой: “и льготы для поля этого должны быть зарегистрированы, (о чем) дано устное указание [царя и царицы?]. Одобрено привратницей²⁶ Лотой. Зафиксировано в год 24-й, в десятый день второй пакиши

²¹ Г. Бюлер считал nibadha lihi искажением nibaddhā lipiḥ (ASWI, IV, с. 104). Хотя Д.Ч. Сиркар (как и Е. Сенар) читает эту фразу иначе (ete casa khetaparihāre ca etha nibadhāpehi), его толкование: etat ca asya kṣetraparihāraṁ (= kṣetrasya parihāraṁ) ca atra nibandhaya (śāsane ullekḥaya) по смыслу мало отличается от варианта Бюлера. Даже наоборот, появление множ. числа заставляет Е. Сенара задуматься – кто же “регистировал” царское дарение (вспомним, что о регистрации дарения Ушабхадатты говорится после того, как сказано, что оно было заслушано на сходке нигами). Мне представляется преувеличением перевод “nibadha” (установление, закрепление) как “грамоты” (charter). Важный в дарениях термин понимается здесь двояко. Он подразумевает одновременно и буквальную фиксацию текста на камне в храме, и признание местной властью прав получателя дарения, подтверждение местным “начальником” или вышестоящей общинной организацией устного распоряжения царя. Причем главным здесь является не форма (дарение могло быть зафиксированным и в грамоте, и иначе), а само признание (“закрепление, фиксация”) дарения.

²² Об интерпретации этой фразы см.: ASWI, IV, 105, note 2. Аналогично толкует ее Д.Ч. Сиркар.

²³ Бюлер (ASWI, IV, 105, note 2) справедливо, на мой взгляд, соотносит это слово с санскр. kṣānta, которое может иметь значение “approved of”, сходное со значением причастия matā, присутствующим на этом месте в иных надписях (ср.: kṣam, С.-Петербург. словарь, kham в Childers, Pali Dict., khamati в Rhys-Davis, Pali Dict.). Е. Сенар (“должно быть записано аматьей Шивагуптой”), Д.Ч. Сиркар (“= likhitaṁ śāsanam”), В.В. Вертоградова (История и культура древней Индии, с. 234) дают не перевод, а, по существу, уже свою интерпретацию указанной фразы, поскольку слово это не может иметь значение записывать. Кроме того, указание “записано аматьей” странно даже в рамках традиционных для историографии представлений о государстве Сатаваханов (аматья толкуется обычно как крупный чиновник, “губернатор”). Записывал текст, конечно, писец (как и наносил текст на камень или медь специалист-гравер, отдельно указываемый в ряде дарений). Скорее, устное распоряжение царя “одобрялось” (т.е. признавалось и фиксировалось) писанным текстом на местах, где и хранилось.

²⁴ Выглядит характерным неубедительное толкование Г. Бюлером (great lords – officials in charge of records) и Д.Ч. Сиркаром (= gājā parikṣitam) этого термина. Очевидно, термин характеризует не “чиновников”, а лиц, ответственных за хранение записей в монашеской общине, не связанных прямо с царским двором. Сам царь, кстати, в этой же надписи назван “Господин (svāmin) Беннакатаки”. В.В. Вертоградова справедливо указывает (Указ. соч., с. 234), что здесь идет речь, скорее, о “махавихарасвамилах” – мирянах, несших ответственность за попечительство над буддийским монастырем.

²⁵ См.: ASWI, IV, 106. Надпись выбита на стене храма, и полемика Г. Бюлера против исправления laṭṭha=lipi Р. Бхандаркар не отражается на возможной реконструкции текста, смысл которого все же сводится к указанию на необходимость сделать запись на камне (т.е. зафиксировать или зарегистрировать дарение царя).

²⁶ “Привратник” (пратихара) позже становится широко употребляемым в эпиграфике термином, обозначающим титул зависимого правителя. Обычно его понимают как придворный титул, хотя во многих случаях о связях таких лиц с двором судить трудно. Г. Бюлер соотносит paṭihāarakhiya с санскр. pratihāarakṣī. Возможность того, что документ был составлен “служащей”, отмечена Д.Ч. Сиркаром как “интересная” (Е. Сенар и В.В. Вертоградова читают титул и имя в муж. р.). Но характерными выглядят затруднения Г. Бюлера истолковать это свидетельство. “Привратница”, очевидный титул, толкуется как должность (chief lady-in-waiting), и далее идут предположения, что “главная придворная дама” действовала в данном случае аналогично “посланцу” (дутака) в большинстве иных, более поздних дарений, а выбор этот был обусловлен тем, что поле принадлежало царице-матери (в тексте, однако, царица упоминается только в преамбуле: “Со слов царя Гаутамипутры Сатакарни и великой царицы, имеющей здравствующего сына, следует пожелать здоровья аматье Говардханы Самаке и затем следует сказать ...”). Употребление титулатуры в ж. р. характерно именно для надписей времени Сатаваханов (I-III вв. н.э.). Часто встречаются здесь термины mahāsenāpatinī, mahābhajā и mahārāṭhīnī – так, очевидно, именуются жены обладавших этими титулами представителей местной власти, не царей. Это позволяет не связывать с Лотой порядок оформления дарения царя и считать ее супругой представителя местной власти, имеющего титул “пратихара” (или “пратихаракшин”, “защитник-привратник”).

летнего сезона. Сделано (т.е. выбито на камне) Судживином в году 24-м в пятый день четвертой пакши дождливого сезона²⁷. Сходным образом завершается и дарение Васиштхипутры Сири-Пулумаи от 22 года: “И эти льготы, данные для деревни Самалипада, должны быть зарегистрированы и для деревни Судисана, и должны быть сделаны дополнения о деревне Судисана²⁸, (о чем устное²⁹) указание дано [царем]. Одобрено великим военачальником³⁰ Медхуна. ....³¹ Грамота дана в год 22, 7 день ... пакши летнего сезона, исполнена (т.е. нанесена на стену храма) ...така. Ради благосостояния жителей Говардханы Вишнупала (?) провозглашает хвалу Владыке: “Почтение Всевышнему восхваляемому благодаря его величию и совершенству, великолепному Джине, Будде”. И, наконец, в дарении из Карле говорится: “И льготы, полагающиеся для земель брахманов в деревне Караджака, должны быть зарегистрированы, о чем сделано устное указание [царя], ...(часть текста далее не читается). Дана царем грамота в победоносном военном лагере в году 14(18) в 1 день 4 пакши дождливого сезона. Сделано Сивагудой.”

Рассмотренные тексты позволяют с определенной долей уверенности реконструировать механизм предоставления царского дарения. Распоряжение царя о дарении (в двух случаях – деревни, а в двух, как подчеркивается, царской земли) требует изначально извещения об этом местного начальника, именуемого “аматья”, “сподвижник царя”. В 3 случаях – это “аматья Говардханы”, поскольку дарение в области (“ахара”) Говардхана, в 1 – “аматья Мамалы”, т.к. речь об области (“ахара”) Мамала. Причем извещение вряд ли следует толковать как приказ по инстанции, это именно извещение (в том числе уважительное, с пожеланием здоровья) – царь явно был заинтересован, чтобы “областные начальники” одобрили, т.е. признали дарение, и не препятствовали его осуществлению. Устное (во всех случаях) распоряжение царя чаще всего требует также “одобрения” иных лиц. Факт сам по себе показательный, поскольку речь идет о распоряжении главы государства, причем в двух случаях – его собственным имуществом. Это, на мой взгляд, свидетельствует в пользу того, что никаких особых представителей царской власти (“чиновников”) на местах, даже в рамках крупной области (“ахара”), просто не существовало и дарение могло быть осуществлено только по признанию его местным руководством, представители которого именуются титулом “аматья” (можно даже говорить о двух уровнях местной власти, представители которых именовались аналогично). Как мне представляется, “одобрение” дарения фиксировалось и самим фактом записи указанными лицами (их писцами) распоряжения царя³². Такого рода запись подразумевала, что крайне важно, признание его со стороны местной власти.

Дополняя картину, следует здесь еще раз подчеркнуть отличие дарения Ушабхадатты – одобрению со стороны местных лидеров соответствует в нем “заслушивание” на сходке “нигамы” (городской общины). Только после этого происходит его фиксация (что, как подчеркнуто, соответствует обычаям).

²⁷ Lekhe savachhare 24 vasāna pakhe 4 divase pachame 5 pūjitinā kaṭā nibadho nibadho saṁvāchhare 24 gimhāṇa pakhe 2 divase 10. Lekhe (D.C. Sircar – lekhe) связано с nibadho nibadho на следующей строке, но не с предыдущей фразой (где речь идет об одобрении дарения). Выражение “Lekhe ...nibadho nibadho” (зафиксировано) соответствует фактически фразе datā raṭikā (дана грамота), присутствующей после указания о том, что дарение царя одобрено в дарениях Сатаваханов, где фиксируется процесс их оформления (в четырех из пяти грамотах, см. также: ASWI. IX.13,19,20). Это, естественно, происходило до нанесения текста на стену храма. Не раз обращалось внимание на то, что первая дата почти на два месяца позже последующей, что справедливо расценивалось как ошибка каменщика. Возможно, он, завершая работу, поспешил указать время фиксации дарения на камне (о том, что это делалось позже, собственно предоставления земли, видно хотя бы из упомянутого выше случая с дарением Ушабхадатты от 42 года, в конце которого имеется приписка о более раннем дарении того же правителя от 41 года).

²⁸ Т.е. о том, что подарена деревня Судасана, затем о том, что подарена деревня Самалипада, и о том, что последняя подарена взамен первой.

²⁹ Здесь явно выпущено (скорее всего тем, кто наносил надпись на стену храма) aviyeḍa, “устно”, присутствующее в иных (ASWI. IX.13,14,20) дарениях.

³⁰ Mahāsenāpati, как и в иных случаях выше, титул местного лидера, а не должность. Поэтому он может “одобрять” дарение царя.

³¹ Фраза далее ясно не читается. О содержании ее высказывают только предположения все эпиграфисты, публиковавшие надпись.

³² Смысл выражения “дано устное распоряжение” не в том, что царь сам не записывал текст дарения (это, конечно, делал писец), а в том, что оно было донесено до местной власти в устной форме. В этом отношении, не вступая в полемику о значении термина gājanito в ASWI. IX.14, отметим справедливость, по сути, догадки Г. Бюлера, что текст указанного дарения был оформлен при “аматье”, а не при дворе царя.

Все выше сказанное позволяет утверждать, что посредниками между царем и локальными организациями (монашескими общинами в данном случае) выступали не чиновники-администраторы, назначаемые царем, а лидеры местных негосударственных организаций, "начальствующие лица" (мукхья), если пользоваться довольно точно отражающей суть отношений терминологией КА, или организации общинного типа в целом. Возможно, надписи фиксируют определенного рода иерархию таких лиц (упоминая одновременно, например, областного "аматью" и *одобряющего* дарение иного "аматью"), которые выполняли, по существу, государственные функции, осуществляя и поддерживая принятые царем - главой государства решения о дарении. Столь же важно заметить, что фиксация дарений, выработка определенных штампов или традиционных для эпиграфики формулировок (о формульности дарений можно говорить уже на материалах надписей Сатаваханов) осуществлялась именно в рамках организаций, территорий, которыми руководили эти лица, а не в рамках царской канцелярии. Возможно, бюрократическая традиция (если можно говорить о таковой по сведениям индийских источников), основывалась, прежде всего, на местной традиции, на опыте проистекавшем из *административной* деятельности в рамках негосударственных организаций, в том числе в общинах и общинных объединениях.

Руководствуясь изложенными выше соображениями, можно, как представляется, по-иному взглянуть на возникающую впервые в надписях Сатаваханов традицию предоставления вместе с дарениями различного рода "налоговых льгот и иммунитетов". Следует напомнить, что в ряде исследований этот процесс (далее ставший массовым) толкуется как феодализация власти, политика передачи в частные руки *административных и налоговых прав государства*³³. Не вдаваясь в подробную дискуссию по указанной проблеме и по поводу интерпретации конкретной терминологии, отметим ряд характерных фактов. Анализ текстов четырех надписей Сатаваханов (IX.13,14,19, 20) убеждает, что здесь, как и в ряде других частей дарений, мы имеем дело с уже устоявшимся, сформированным списком (формулировки в надписях практически идентичны). И это, несмотря на то, что в двух случаях речь идет о поле, а в двух, очевидно, о доходах с деревни. На две из пяти присутствующих в текстах формул следует обратить особое внимание. Первая (apavesa=apraveśya) интерпретируется обычно как "освобождение от посещения (царскими служащими)"³⁴ подаренной земли или деревни. При этом остается неясным, о каких служащих в рамках общественной структуры, зафиксированной в надписях Сатаваханов, может идти речь. Термин этот позже включается в ставшую широко распространенной иммунитетную формулу "a-bhaṭa-cchātra-prāvesya"— "не посещение (территории дарения) chātra (или cāṭa) и bhaṭa". Долгую полемику о смысле последних терминов и формулы закрывают, на мой взгляд, найденные недавно грамоты времени Гуптов из Багха. Здесь эти термины присутствуют не только в списке тех, кто оповещался царем о дарении, но и в списке тех, кого царь просил не препятствовать осуществлению дарения, среди "сторонников царя" (pakṣa), вместе с его родоугодниками, правителями. Из этого следует, что указанные два термина подразумевали не чиновников, а представителей местной власти, не связанных с государственной администрацией. Соответственно смысл формулы в дарениях Сатаваханов следует интерпретировать скорее всего не как отказ главы государства от административной власти в деревне, передаваемой получателю дарения (которой он, скорее, просто не имел), а как подтверждение или признание власти получателя дарения в рамках подаренной территории, причем не только царем - верховным владыкой, но также и представителями местной власти, отказывающейся от "посещения" (цели которого очевидны— поборы) территории дарения. Связана с рассмотренной и другая формула, на которую следует обратить внимание— arathasavinayaka (arāṣṭra-sāṁ vinayika). Она обычно интерпретируется как "предоставление свободы от административного контроля со стороны чиновников областной администрации"³⁵. Как ни удивительно, но никто из издателей не отмечает того факта, что термин gāṣṭra, широко употребляемый в литературных текстах и эпиграфике и имеющий чаще всего обобщенное значение "область", в надписях времени Сатаваханов, за исключением одного особого случая, который будет рассмотрен ниже, просто не встречается. Территории, входящие в державу Сатаваханов, чаще всего называются āhara, "владение". Указанная, устоявшаяся иммунитетная формула, очевидно, не была связана с конкретной "провинциальной" структурой царства Сатаваханов (каковой просто не существовало). На мой взгляд, она могла подразумевать не административное подразделение, а областную территориальную общину (поэтому и обобщенное, не соотносимое с конкретной

³³ См. например: Шарма Р.Ш. Древнеиндийское общество, с. 385, 394-95.

³⁴ См. например: Sircar D.Ch. Indian Epigraphical Glossary, 1966, с.392.

³⁵ См. например: Sircar D.Ch. Там же, с.392.

структурой ее название в формуле). Последняя же, как и “местный начальник”, скорее могла обладать реальной признанной властью в деревне. Основой для такого нашего предположения служат не только свидетельства дарения Ушабхадатты от 42 года (см. выше), но и рассматриваемые ниже формулировки дарений Сатаваханов.

Перечисление иммунитетных формул во всех дарениях Сатаваханов завершается фразой: “и с этими льготами **вы** передавайте его” (etehi na pariḥārehi pariḥarāṭhi)³⁶. Сходную формулировку мы находим и в пракритских грамотах Паллавов (об этом см. ниже). Не комментируя ее подробно, отметим, что здесь говорится об осуществлении предоставления иными лицами льгот (или иммунитетов), которые, как декларируется в надписи выше, царь сам лично предоставил (vītaḡāma, “мы предоставили”) для поля или деревни, подаренных монашеской организации. Таким образом, осуществление решения царя о передаче монахам части его личной земельной собственности (полей) или передаче под управление монахам деревень, обладающих соответствующими иммунитетами, требует не только одобрения местной власти, но и специального указания последним об этом. Вопрос этот представляется существенным, поскольку предоставление иммунитетов, о которых говорится в надписях Сатаваханов, вне зависимости от толкования конкретных терминов, толкуется как передача новым владельцам административных, налоговых и судебных прав в рамках дарения, ранее принадлежавших государству³⁷. Между тем фраза, присутствующая в дарениях Сатаваханов, обращена отнюдь не к чиновникам. Рассмотренные выше ограничения заставляют сомневаться в реальности власти царя и его служащих на местах. Даже при дарении собственного имущества царь оповещает об этом *областное руководство*, дарение получает “одобрение” от руководства, в том числе, возможно, и от более низкой по статусу организации, регистрируется на месте. Как мне представляется, и иммунитеты несут здесь иной смысл: освобождение подаренных деревень и земель от традиционных обязанностей, вклада (труда и средств) в более широкие негосударственные объединения – территориальные общинные организации или освобождение от податей местным правителям.

Надписи Сатаваханов позволяют выделить ряд принципиально важных особенностей структуры их царства, предполагать их сходство с отмеченными нами при анализе КА. Оно, очевидно, представляло собой объединение различного рода крупных областей, в рамках которых власть была сосредоточена в руках знати – различного рода “махаратхинов”, “махабходжаков”, “махаматров” и “махасенапати”. В свою очередь, эти области являлись объединениями территорий, власть в которых находилась в руках более низкой по статусу знати, коллективных органов объединений общинного типа³⁸. Последние же территории также являлись объединениями более мелких организаций – деревенских общин, ремесленных организаций – шрени и иных. Царство в надписях представляется как результат естественной интеграции различных существующих социальных организаций, как высшая ступень в социально-политической иерархии общества того времени (при этом конкретные связи, место отдельных организаций в общественной структуре могли быть различными). Царская власть в эпиграфике не противопоставлена власти местных правителей. Административные функции на местах скорее всего осуществлялись руководством каждой конкретной организации, а разделение полномочий между ними отвечало, по-видимому, во многом традиционным нормам (т.е. не было навязано извне, было результатом делегирования определенных прав и обязанностей более высокой по положению организации со стороны более низкой³⁹). Наоборот,

³⁶ Так переводит эту фразу Е. Сенар и толкует (etaiḥ pariḥārāṭhi pariḥara, или pariḥarata) Д.Ч. Сиркар. Они также следуют точке зрения Г. Бюлера о том, что etahi na эквивалентно etaiḥ naiḥ. Лишь в одном, представляющемся сомнительным, случае (IX.20) Г. Бюлер предлагает читать pariḥarīha=pariḥarīmha.

³⁷ См. например: Шарма Р.Ш., Древнеиндийское общество, с. 385; EI, v. VIII, с.67-68. Так, по существу, толкует в переводах соответствующие термины и Г. Бюлер.

³⁸ Не случайно предоставление Ушабхадаттой денежного вклада в “объединение сборщиков кокосовых орехов” в деревне Чикхалападра, в области Kaṇṇurāḥāra *заслушивалось* на собрании городской общины (nigamasabha), скорее всего Говардханы, которая находилась в иной области (ахара), и было зарегистрировано именно здесь. Городская общинная организация Говардханы была, видимо, правомочна заслушивать и регистрировать дарения-вклады в организацию общинного типа (шрени), располагавшуюся в деревне в иной области, т.е. была более высокой инстанцией не только для “объединений” (шрени) Говардханы, но и “объединений” из иной области. Это могло означать только то, что именно эта организация обладала властью – не только, собственно, в Говардхане, но и, как минимум, в “областях” (ахара) Говардхана и Капура.

³⁹ Это, конечно, не исключало захвата, узурпации и закрепления за собой отдельных прав более высокой по положению организацией (ее правителем или коллективным органом управления).

в надписях подчеркивается уважение к местным традициям, которым следует и царь, распоряжаясь своей личной собственностью. И эта черта является характерной не только для эпиграфики, но и для литературной традиции. Ведь в рамках такой структуры царства единство последнего зависит исключительно от лояльности царю правителей крупнейших территорий, входящих в царство, устойчивости всей общественной иерархии. Обеспечение этого, как мы отмечали при анализе особенностей "государства КА", считалось основной задачей политики царя. Одним из путей решения указанной проблемы, возможно, было упрочение связей царя с отдельными представителями местной власти (в надписях Сатаваханов они поэтому, как и в КА, именуются титулом *amacha* – сподвижник), оказывавшее влияние на эволюцию общественной структуры. Выделяя отдельных местных лидеров, именуя их особыми титулами⁴⁰ и, вполне возможно, поддерживая их иными способами, в том числе "материально", не только обеспечивая таким образом их лояльность, но и подкрепляя царским авторитетом власть последних в пределах их территорий, даже возможно, расширяя зоны их влияния, царь следовал прежде всего собственным интересам – проще обеспечивать единство царства, контролируя лояльность и обеспечивая связь с ограниченным кругом лиц. Указанная тенденция, как это часто бывает, в конце концов, вела к противоположным результатам – усиление местных правителей вело к распаду и образованию новых царств. И тем не менее в их рамках вновь восстанавливалась аналогичная структура отношений. Возможно, уже во время Сатаваханов проявилась тенденция к упрочению царской власти на местах за счет создания более мелких, по сравнению с царством, объединений (включающих существующие социальные организации), во главе которых ставились лица из непосредственного окружения царя, его "слуги" (в широком смысле слова). Интересный пример, подкрепляющий возможность такого рода политики, мы имеем в надписи из Адони (дистрикт Беллари, Карнатака), где зафиксирована постройка водоема в деревне *Vēṇuraka*, которая находилась в области Сатавахана (!), принадлежавшей великому военачальнику Сканданага⁴¹. Однако и в этом случае вполне закономерным был, возможно, противоположный поставленной цели результат – при закреплении и усилении власти главы такого образования он превратился в местного правителя-царька, в конце концов основал новую династию. Любопытно, что отмеченное нами выше образование, "владение Сатаваханов", сохранилось как область (*raṣṭra*) с тем же названием. В надписи Шиваскандавармана Паллава из Хирагададалли (III в. н.э.)⁴² зафиксировано дарение деревни, находящейся именно в этой области – *sātāhani-ṛaṭṭhe*, в "области" Сатаваханов.

Государства в западной Индии в I–III вв. н.э. не знали иного типа администрации, кроме традиционной администрации организаций, включенных в их рамки. Знать, местные правители, представители коллективного руководства организаций общинного типа (где должности скорее всего уже были закреплены за представителями определенных родов⁴³) исполняли поручения царя-главы государства (как в случаях предоставления дарений последним), т.е. осуществляли государственные функции. Соответственно в качестве территориальных подразделений в государствах такого рода выступали территории, подвластные местной знати, правителям, местным общинным организациям. В таких условиях представляется естественным, что царь,

⁴⁰ Значение титулатуры, подразумевающей определенный общественный статус, уважение, как мне представляется, в обществе того времени было исключительно важным. Вспомним, например, отмеченные выше свидетельства надписей Ушабхадатты, который, упоминая постоянно о своей связи с царским родом Кшахаратов, руководствуясь в своей деятельности идеалом "добродетельного царя", значительную часть времени своего правления только претендовал на получение титула "царь" (*gājan*) совершил абхишеку только после удачного похода на Малаев.

⁴¹ V.S. Sukthankar. A new Andhra inscription of Siri-Pulumavi. EI, v.XIV, c.153-54. Об искусственности этого образования, принадлежавшего военачальнику Сканданаге (*Khaṇḍaniga-sātaka*, такого рода указание о принадлежности области необычно для ранних надписей), можно догадываться, исходя из ее названия – *S[ā]tavahani-hārē*, владение Сатаваханов (употребление здесь термина *ахара*, известного по иным надписям Сатаваханов, представляется для В.С. Суктханкара ясным примером того, что термином этим обозначалось царство или(?) дистрикт).

⁴² Тексты надписей Паллавов используются по изданию T.V. Mahalingam, Pallava Inscriptions. Delhi, 1988. Рассматривается также толкование их Д.Ч. Сиркаром.

⁴³ В обществе, особенности организации которого были зафиксированы в рассматриваемых надписях, видимо, огромное значение играл статус человека, передававшийся, нередко, по рождению. Поэтому, для надписей характерны многочисленные примеры, свидетельствующие о передаче по наследству как разнообразных титулов (например, махабходжака, махасенапати, которыми наделялись и жены таких лиц), так и профессий (также указывающих, прежде всего, на статус – лекарь, сын лекаря в ASWI. II.11, садовник, сын садовника в ASWI. II.14), общественного положения (к понятиям такого рода мы относим термины "гахапати", домохозяин, "сеттхи, шрештхин", уважаемый человек) и т.д.

даже распоряжаясь собственной землей, подарив ее монашеской организации, просит кого-то иного об осуществлении принятого им решения о предоставлении земли с определенными льготами и иммунитетами (в том числе административными и податными), а его решение требует одобрения и подтверждения со стороны местной власти. Причина этого скорее всего в том, что указанными в дарениях обязанностями жители подаренных царями деревень, земледельцы, обрабатывавшие землю, подаренную царем, были связаны не с администрацией, налоговым и иного рода чиновничеством, а с негосударственными организациями, их руководством.

Такое представление об особенностях социально-политической структуры Индии в I пол. I тыс. н.э. подтверждается анализом сведений ранних надписей Паллавов. В них мы встречаем уже более подробный, развитой список иммунитетов. Так, формула дарений Сатаваханов "a-pavesa" в грамоте ювамахараджи Шиваскандавармана присутствует, как a-bhaṭa-papesaṁ (SI=a-bhaṭa-praveśam). Не рассматривая подробно все детали ранних надписей Паллавов, остановимся только на списках лиц, которые оповещаются о дарении и отдельных деталях предоставления льгот, свидетельствующих о сходных чертах социальной структуры общества времени Паллавов (конец III-IV вв.) и времени Сатаваханов (I-III вв.)

Дарение Шиваскандавармана из Майдаволу является наиболее кратким по сравнению с иными грамотами— здесь нет даже перечисления лиц, которые должны быть оповещены о дарении. Но здесь, как и в дарениях Сатаваханов, после утверждения о том, что деревня подарена двум брахманам и перечисления льгот-иммунитетов, говорится о том, что наделенную всеми льготами соответствующими брахмадее (это связывается с решением царя) землю эту "вам следует наделять (видимо, указанными льготами) и побуждать наделять" (savaparihārehi parihārito [ ] pariharatha pariharāpetha ca [ ]]). Отсутствие обращения не дает возможность определить, кто в данном случае наделял деревню льготами (уже предоставленными царем), хотя указанная деталь выглядит важной. Ответ на этот и ряд иных вопросов дает грамота Шиваскандавармана из Хирахагададалли, текст которой построен сходным образом. Из анализа *извещения* о дарении⁴⁴ складывается впечатление, что зафиксированный в этой надписи (стк.3-7) его вариант обращен ко всему Миру— здесь дается как бы срез социально-политического устройства области во время Паллавов. Царь оповещает всех, имеющих отношение к этой **его области** (aṁham visaye savattha, ее можно отождествлять и со всей территорией царства Паллавов), а именно:

- царей, царевичей, военачальников, руководителей области (раштра), руководителей храмовых организаций⁴⁵ – руководителей областей (деша) и других;
- владельцев различных деревень, скотоводов – держателей коров и иного скота⁴⁶ – "сподвижников (царя)", руководящих защитой (своих держаний);
- gumike-tuthike-neyike⁴⁷ (руководителей различных военных отрядов) и, также, иных, используемых для выполнения "наших" (т.е., царя) поручений, передвигающихся воинов-людей (царя)⁴⁸.

⁴⁴ В более поздних дарственных грамотах эта часть становится обязательной.

⁴⁵ Г. Бюлер предлагает уточнение— maṇḍara в значении māṇḍavī, custom house. Д.Ч. Сиркар, Т. Махалингам ему следуют. Но смысл помещения этого термина в таком окружении (очевидно, правителей) остается неясным. Вряд ли, однако, для Индии времени Паллавов значение *таможни* было столь высоко, что руководителя ее помещали в списке рядом с правителями области. С другой стороны, я бы не стал отказываться от значений, связанных с термином *храм*, гораздо более часто встречающихся в эпиграфике – тогда помещение термина в данное место списка выглядит понятным – храмовая организация, уже во время ранних Паллавов, была скорее всего одной из важнейших социальных организаций, сопоставимой по влиянию в обществе с территориальными организациями (деша, раштра). Поэтому позже, в дарениях IV-V вв., мы встречаем оговорки: "кроме храмовой земли" (devabhogahalavarja, см., Mahalingam T.V., Pallava inscriptions, №5, l.12; №7, l.28-29; №8, l.21-22).

⁴⁶ Как и в случае с grāma-agrāma, противопоставление vallabha-govallabha, можно толковать, как обозначение "любых" владельцев, держателей (деревень, скота и пр.)

⁴⁷ Перевод конкретных терминов спорен, хотя содержание блока не вызывает сомнения (что определяется значением neyike=nāyaka).

⁴⁸ Saṁcaraṁtaka и bhaḍamanuṣāṇa (=bhaṭa-manuṣya) – суммируют особенности лиц, перечисленных в третьей группе (ср. l. 43 в той же грамоте). И хотя говорится, что царь использовал их в собственных делах, вряд ли, однако, выполнение царских поручений было их основным делом. Скорее, как мне представляется, так именовалась служилая знать или главы (вожди) различного рода отрядов, объединений, живущих воинским делом. Для первой и второй группы обобщающими выглядят термины deśadhikṛta (в неопределенном значении "правитель", поэтому здесь стоит ādi) и ārakṣādihikṛta (главы-защитники). Примечательным выглядит контекст употребления термина "аматя". В данном случае – владельцы

Иначе говоря, обращение отражает структуру общественного устройства: цари-правители (крупная знать) - владельцы (мелкая знать и, возможно, общинное руководство) - военная, служилая знать. И в ней вновь нет места для "государственного аппарата". Административные функции в таком обществе выполняли по большей части сами представители местной власти. Последний вывод подкрепляется содержанием указанного дарения.

Оно сводится к наделению различными льготами (*parihāraṃ dāṇi*) сада в деревне Cillarekakoḍuṃka, подаренного ранее (*puvvaḍattaiṃ*) брахманам (поэтому до осуществления указанного дарения, они уже толкуются как владельцы деревни, Cillarekakoḍuṃka-bhojaka), живущим в Āpiṭṭi. Часть льгот (или иммунитетов), без сомнения, предусматривают освобождение от различных сборов, податей (сюда мы включаем не только встречающиеся во многих дарениях термины *a-kara-viṣṭi*, освобождение от сбора "кара" и принудительного труда, но и иные⁴⁹). И наделение этими льготами брахманов, как **прямо сказано**⁵⁰ в тексте грамоты, осуществлялось жителями области, жителями деревни Апитти, где они проживали, и жителями деревни, где находилось дарение, т.е., очевидно, областной территориальной (вишая) и местной деревенской общиной – по месту проживания получателей дарения и по месту нахождения самого дарения. Возможность для последних осуществлять освобождение от податей не оставляет сомнения, что сбор указанных здесь "податей" (рис, молоко, сборы на соль, сахар, и т.д., то, что обычно привязывается к "государственным податям"), осуществлялся и был прерогативой местных, в данном случае общинных организаций. Последние, выполняя также поручения царя-главы государства, включались, таким образом, как организации в структуру государства, выполняли государственные функции.

Последняя из известных нам ранних грамот Паллавов (дарение царицы Чарудевы), хотя и значительно более лаконична, также не оставляет сомнения, что здесь предполагается аналогичный смысл. Здесь говорится, что, узнав о дарении, деревенским старостам и (различными иным) слугам (*gameyika ayutta*) предлагается "наделять указанное дарение всеми льготами и побуждать (иных) делать это".⁵¹

Анализ содержания надписей времени Шаков и Сатаваханов из западной Индии и ранних ("пракритских") грамот Паллавов свидетельствует, на мой взгляд, о достоверности многих деталей модели "идеального царства" в КА. Структура царств правителей из указанных династий также строилась за счет объединения существующих местных территориальных организаций – владений знати, территориальных общинных объединений и пр., сохранявших в рамках таких объединений всю полноту власти на местах. Очевидно, руководство таких организаций, территории которых были "подразделениями царства", выполняло административные функции в пределах своей компетенции. Политика же царей в рамках такого объединения, как ее можно представить на основе анализа надписей, сводилась не только к расширению своих владений, но и к упорядочиванию, стабилизации отношений с руководством территорий и организаций, включенных в рамки царства, что согласуется и с рекомендациями КА (вполне возможно, отразившей реальный опыт в развитии общественной структуры), за счет выделения отдельных представителей общественной иерархии с целью опоры на них для обеспечения лояльности и покорности иных "господ-правителей".

деревень и скота могут, конечно, "служить" (в широком смысле) царю, являясь его "сподвижниками", но называть их "чиновниками" или "министрами", конечно, нельзя.

⁴⁹ См. например: *apāraṃ parabalivadda-gahaṇaṃ, ataṇakaṭṭha-gahaṇaṃ, aharitaka sākapupha-gahaṇaṃ*.

⁵⁰ *Evamādikēha aṭṭhārasajāti parihārehi visayavāsīhi (=viṣayavāsibhiḥ) apiṭṭivāsīhi (=Āpiṭṭivāsibhiḥ) cillereka koḍuṃkavāsīhi (=Cillereka Koḍuṃkavāsibhiḥ) ca pariharitavam harihāpetavya ca tte*

⁵¹ *taṇ nātūṇa gameyika ayutta savva[pa]riharehi pariharatha pariharapetha ca*. Нет сомнения, что термин "аюктака", более широко встречающийся в надписях времени Гуптов, как и термин "аматья", не имел специального административного значения, подразумевая "слугу" в самом широком значении (здесь, скорее, имеется в виду общинное руководство). Еще более любопытный контекст дает надпись V в. Паллавов из Весанты (№ 8), заменяя формулу обращения, где присутствуют такие "аюктаки". Наделять и побуждать наделить предоставленному царем для брахманов деревню 18 видами льгот (парихар) предлагается всем *передвигающимся царским людям* – адхьякшам (надзирателям) и махаматрам (сановникам), *tadāsmiṇ-rājye sarvva-mahāmātr-ādhyakṣa-rājapuruṣāḥ sañcarantaśca*.

3. Социально политическая структура индийского общества по сведениям эпиграфики времени Гуптов.

3.1. История формирования державы Гуптов. Провинциальная структура и центральная администрация.

Держава Гуптов, существовавшая в IV – VI вв. н.э. и объединявшая большую часть северной Индии, всегда считалась одним из крупнейших государств в древности. Большинство исследователей считали это государство централизованной монархией, обладавшей обширным административным аппаратом¹, по могуществу уступавшим только Маурийской империи, а некоторые даже отмечали большую, по сравнению с Маурьями, централизацию державы Гуптов². Между тем целый ряд событий истории складывания этой державы, о которых свидетельствуют надписи первых правителей Гуптов, позволяет сомневаться в подобных выводах.

Первый из царей Гуптов, о котором мы имеем конкретные свидетельства, Чандрагупта I, объединив, видимо, в результате матримониального союза свои владения с территорией подвластной *немонархическому* объединению Личчхавов, заложил основы для будущей державы. Сам по себе факт объединения двух разных по форме правления государств исключительно важен для оценки характера государства Гуптов на самом раннем этапе его существования. Об этом событии свидетельствуют монеты Чандрагупты I, на обороте которых имеется легенда *Чандрагупта* и *Шри - Кумарадеви*, изображен царь с царицей из рода Личчхавов, а на реверсе – богиня Шри рядом со львом и легенда *Личчхавы*. Следует иметь в виду, что это *единственный* тип (при наличии нескольких разновидностей, что не позволяет считать их памятными медалями) золотых монет Чандрагупты I³, и легенда на реверсе всегда упоминает Личчхавов во множественном числе. Это можно считать свидетельством о сохранении ими немонархической формы правления не только к моменту объединения, но и в течение определенного промежутка времени (хотя бы пока осуществлялся выпуск этой монеты, ибо детали изображений и легенды свидетельствуют о том, что было несколько ее выпусков). Факт включения⁴ немонархического объединения Личчхавов с центром в Вайшали в рамки монархии Гуптов, скорее всего изменивший баланс сил в восточной Индии и послуживший началом объединения под властью Гуптов большей части северной Индии, как представляется, должен был стать и стал моделью для формирования структуры державы. С включения в рамки державы Гуптов территории Личчхавов (следуя традиционной для санскритских литературных памятников, и, видимо, достаточно актуальной для того времени рекомендации – “*покорять, не завоевывая*”) начинается формирование их *державы-мандалы*.

Сын Чандрагупты Самудрагупта, один из наиболее известных царей древней Индии. Большая часть сведений о событиях во время его правления содержится в одном источнике – знаменитом панегирике на *Аллахабадской колонне*. Достоверность этих сведений и характер их интерпретации (как свидетельство о формировании могущественной централизованной *империи*) обычно не подвергались сомнению – споры чаще всего сводились к попыткам идентификации упоминаемых в надписи городов и царств. Между тем ярко выраженный панегирический характер памятника требует соответствующего подхода к оценке его сведений, а однообразная в большинстве случаев их интерпретация – ряда уточнений.

Очевидно, воцарение Самудрагупты было далеко не простым. Возможно, одновременно царю пришлось *усмирять* ранее подчиненных правителей. Подобная ситуация была характерной для

¹ См., например: Bhattacharjee A. History of Ancient India. New Delhi, 1979, с. 275-280; Dikshitar V.R. The Gupta Polity. Madras, 1952, с. 97-103; Ruben W. Die Entwicklung von Staat und Recht im Alten Indien. Berlin, 1968, с. 202.

² См., например; Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности. М., 1985, с.424.

³ См.: Altekar A.S. The coinage of the Gupta Empire. Banaras, 1957.

⁴ Именно включения, завоевания или покорения силой, как представляется, просто не было – сын Чандрагупты и Кумарадеви, знаменитый Самудрагупта, вступает на трон и имя его матери, *Кумарадеви, дочь Личчхавов*, в такой форме становится обычным элементом в изложении генеалогии Гуптов. При этом именно с Кумарадеви в генеалогию Гуптов включаются матери царей (мать Чандрагупты, например, никогда не упоминается) и она, единственная, сохраняет родовое имя в генеалогии Гуптов.

смены правителей в древней Индии. С ней сталкивались и знаменитый Ашока Маурья, и последующие правители Гуптов (Чандрагупта II, Кумарагупта, Скандагупта), ряд иных царей⁵. Схожая ситуация является предметом специального рассмотрения и в КА V.6. Причиной этого, возможно, было не только отсутствие непреложного порядка наследования престола, но и структура царства, состоявшего во многом из полунезависимых или автономных областей. Смена правителя, естественно, была одним из наиболее удобных поводов для выступлений, пока наследник или иной, более удачливый царь не *собирал* государство вновь. Самудрагупта, как указано в панегирике, “*силой одних своих рук, стремительный, подобно разливу*”, быстро расправился со своими противниками, победив троих царей (Ачьюту, Нагасену и Ганапати) и отправив войско против четвертого (правителя города Пушпа из рода Кота⁶). Общий контекст панегирика позволяет утверждать, что все это было совершено царем до или буквально сразу же после восшествия на престол.

Основное содержание панегирика, привлекаемое исследователями, – информация о “завоеваниях” Самудрагупты. Следует, однако, отметить, что сам текст не располагает событиями, о которых он повествует, в хронологической последовательности – речь здесь идет, скорее, о различных *типах* политики царя, только в связи с которыми упоминаются названия царств или имена их правителей (всего упомянуто 26 царей и 26 названий царств).

Политика Самудрагупты в отношениях с царями юга (*Дакининапатхи*) формулируется как *оказание милости посредством освобождения после захвата*⁷. Суть ее заключалась в том, что южные царства формально признали суверенитет Гуптов, не будучи включены в рамки державы. Поход (или походы) Самудрагупты на юг, имел место, хотя индологи интерпретируют сведения панегирика о нем по-разному. Вместе с тем большинство исследователей признают, что южный поход Самудрагупты не привел к включению южных царств в державу Гуптов⁸, надписи Гуптов их более не упоминают, и здесь продолжают царствовать местные династии.

Далее в панегирике говорится об *устранении* Самудрагуптой 9 царей *Арьяварты* (т.е. областей между Гималаями и Виндхья), *благодаря которому возросло его могущество* (строка 21). При этом вряд ли *устраненных* царей было больше – Харишена, автор панегирика, даже вынужден повторить здесь (в обратной последовательности) имена уже упоминавшихся отдельно в строках 13-14 царей, побежденных Самудрагуптой при воцарении. Однако, как представляется, даже в этом случае аннексии и включения территорий, которыми правили побежденные, в рамки личных владений Гуптов не произошло. Это противоречило общему духу политики царя, как его интерпретирует Харишена. Ее характерной особенностью было, скорее, сохранение царств и даже восстановление на троне прежних правителей (о чем говорится прямо). Поэтому в заключение рассматриваемого фрагмента автор панегирика говорит о том, что Самудрагупта *сделал слугами вождей всех лесных племен*⁹. Анализ структуры и логики панегирика в данном случае позволяет следовать, скорее, переводам Р.Г. Бхандаркара и Дж. Флита (единые по смыслу фразы при перечислении царей в панегирике обычно завершаются словом в род. падеже) и связывать его с предшествующим, а не с последующим фрагментом содержания. Смысл каждого из таких фрагментов сводится к характеристике определенного *типа* политики царя, в связи с чем здесь приводятся конкретные примеры ее осуществления. Политика царя, видимо, имела цель превратить покоренных царей в “слуг”, и “устранение” сводилось лишь к замене конкретных правителей, т.е. речь в этой фразе идет о группе царств и племен, ставших в наибольшей степени (по сравнению с иными) зависимыми от Самудрагупты.

Политика царя по отношению к последующей группе царей формулируется автором панегирика как [*осуществление*] *приезда (ко двору) для земного поклона (и для выражения подчинения), исполнение (его, т.е. царя) приказов и передачу всех податей (кара)*¹⁰. По сути, здесь говорится об определенной форме выражения покорности¹¹. Примечательно и то, что

⁵ См., Corpus Inscriptionum Indicarum, v.III, Inscriptions of the Early Gupta Kings. New Delhi, 1981 (далее – CII, III), с. 8-12, 50-53, 80-82.

⁶ CII, III, с. 212, l. 13-14. В процессе подготовки настоящей работы мы использовали все имевшиеся в нашем распоряжении издания эпиграфики Гуптов. Но, чтобы не загружать текст, мы будем ссылаться на одно из них, указывая, одновременно строку текста.

⁷ Sarvva-dakṣiṇāpatha-rāja-grahaṇa-mokṣ-ānugraha (CII, III, с. 213, стк.20).

⁸ Одно из исключений здесь – Р. Дикшитар, см., Dikshitar V.R., The Gupta Polity. Madras, 1952, с. 84, 88.

⁹ Pañcārakī kṛta-sarvva-āṭavika-rājasya. Такая фразеология характерна для КА и ряда иных текстов. *Слугами* называют широкий круг лиц, от двора до зависимых царей.

¹⁰ Sarvva-kara-dān-ājñā-karaṇa-praṇāmā-gamana

¹¹ Выполнение приказов и выплата податей – естественная форма взаимосвязей с доминирующим правителем на любом уровне. Эта норма, как увидим ниже, присутствует в *грамотах* Самудрагупты и

перечисленные здесь области разделены на две группы, и если в первом случае говорится о **царях** “окраинных” царств, то во втором – перечисляются Āṅgīnāyana, Yaudheya, Mādraka, Ābhīra, Rṅgīna, Sanakāṇika, Kāka, Kharapaṇika известные по иным источникам воинственные кланы, так называемые *немонархические объединения*. Включение в державу областей с иной формой правления – важная характеристика государства¹² Самудрагупты.

Еще более примечательна следующая фраза панегирика: “Прославленного (установлением) спокойствия (и) вниманием всего мира, растущим (благодаря) восстановлению (на престоле) многочисленных свергнутых (и) лишенных царства царских родов”.¹³ Важность этого тезиса подкрепляется его повторением – ниже говорится о том, что *слуги* Самудрагупты **“пекутся”**¹⁴ постоянно о восстановлении богатства многочисленных царей, побежденных силой его собственных рук¹⁵. Смысл его сводится к тому, что автор панегирика (и, очевидно, сам царь) основным приоритетом в политике считал формирование структуры зависимых от Гуптов царств. И это представляется логичным исходя из того, что нам известно о структуре древнеиндийского общества. Хотя при устранении царя-противника (врага) задача по интеграции подчиненной последнему территории могла решаться различными путями, организация собственного управления данной территорией, новой местной администрации вряд ли соответствовала интересам Гуптов. Ломка местных связей, структур, власть которых была освящена традицией, безусловно, противопоставила бы Гуптам все население подчиненных областей. Это потребовало бы значительно больших усилий и средств, поскольку новую власть надо было бы постоянно поддерживать. Формирование структуры зависимых царств – включение их в державу целиком – можно считать важной чертой политики Гуптов. Возможно, следствием такого рода политики было окончательное исчезновение с политической карты Индии государств с *немонархической формой правления*. Вряд ли отличия их от монархий были столь велики, а поддержка Гуптами одного из господствующих родов привела к естественной и окончательной их эволюции к форме единоличного правления¹⁶.

Последняя группа правителей, упомянутых в панегирике (строка 23) – *Сын неба, Шах Шахиншах* (возможно, правитель Кушан), *Шака-Мурунда* (два этнонима, которые обычно интерпретируют как указание на Западных Кшатрапов) и *Синхалака* (правитель Цейлона), а также иные, *проживающие на всех континентах*. Они, по мнению автора, признали свою покорность Самудрагупте, используя следующие *способы* (“упая”) политики – *личным визитом ко двору, предложением дочерей в жены, [устанавливая] знак Гаруды* (возможно, в своем дворце)¹⁷ и *просьбой о предоставлении грамот с признанием права пользования этим царем своей областью*¹⁸. В большинстве случаев это, видимо, было просто взаимное дипломатическое признание (которое каждый царь мог толковать как форму “зависимости”). Одновременно такая форма связей могла предполагать и дарения земли Самудрагуптой – во всяком случае, именно так объясняют появление в этом списке Цейлона, правитель которого отправлял посольство к Гуптам с дарами, чтобы получить разрешение на постройку монастыря и жилья для цейлонских пилигримов в Бодх-Гае.¹⁹

царей Уччакалпы. Именно так определялись также взаимоотношения деревни, земля которой была *предоставлена* в качестве дара, и получателя дарения.

¹² Вспомним, что еще в эдиктах Ашоки перечисляются ряд племен, очевидно, включенных в его державу целиком.

¹³ aneka-bhraṣṭa-rājyotsanna-rājavarāṇā-śa-pratiṣṭhāpan-odbhūta-nikhila-bhū[va]na-[vicaraṇa-śā]nta-yaśasaḥ (CII, III, c. 213, st. 22).

¹⁴ Тот же глагол *пекутся* (vyāpṛta) употребляется в эдиктах Ашоки, когда говорится о деятельности *дхармамахатров* и слуг (āyukta-puruṣa) царя. Следует подчеркнуть, что панегирик высечен на колонне, где уже находился эдикт Ашоки.

¹⁵ sva-bhūja-bala-vijit-āneka-narapati-vibhava-pratyarppaṇā-nitya-vyāpṛt-āyukta-puruṣasya (CII, III, p. 214, st. 26).

¹⁶ Так, в надписи Чандрагупты II из Удайгири говорится о царе Санакаников (упомянутых и в Аллахабадском панегирике), сыне царя Вишнудаса, внуке царя Чхагалага. Тенденции к переходу к единоличным формам правления в рамках таких объединений существовали и до Гуптов – в одной из надписей, датируемой III в. н.э., например, упоминается царь Абхиров (упомянутых в Аллахабадском панегирике) Ишварасена, сын Абхира Шивадатты (Archaeological Survey of Western India, v.IV, c.103).

¹⁷ Знак Гаруды – символ Гуптов. В данном случае, скорее, речь идет о подарках самих Гуптов (с их символикой), которые цари увозили с собой. В надписи же Скандгупты из Джунагадха (CII, III, c. 299, st. 3) речь идет уже о штандарте царя. С. Гай (CII, III, c. 302) связывает его упоминание с победой царя над Нагами.

¹⁸ ātmanivedana-kanyopāyanadāna-garutmad-aṅka-svaviṣaya-bhukti-śāsana-[y]ācan-ādy-upāya - CII, III, c. 213, st. 24.

¹⁹ CII, III, c. 88, 30-31.

Сведения Аллахабадского панегирика позволяют судить о том, что лишь небольшая часть из упомянутых здесь территорий подчинялась непосредственно царю (скорее всего только в бассейне Ганга от Ахичхатры до Магадхи)²⁰. Основные же территории, о которых говорится в тексте, находились в различной степени зависимости от Гуптов или только рассматривались как подчиненные. Не преуменьшая значения и масштабов завоевательной политики Самудрагупты, вряд ли стоит говорить о значительном росте владений царя²¹ – для этого нет никаких оснований. Держава Гуптов, как представляется, состояла из двух частей – небольшого *ядра* государства (в политической литературе оно обозначается термином *мула*, *основная территория*) и большого количества подчиненных территорий – царств, племен и пр. Подобная структура соответствует концепции “идеального царства” в КА. Государство Гуптов можно назвать *мандалой*, *кругом царств*, подчиненных одному доминирующему. Не случайно это одно из важнейших понятий в КА еще более детально характеризуется в *Нитисаре* Камандаки²², что свидетельствует о его возросшей важности и значении для времени Гуптов.

Особенности структуры державы Гуптов позволяют объяснить развитие событий при наследнике Самудрагупты, Рамагупте. Согласно легенде²³ (возможно, сохранившей свидетельства о реальных событиях), Рамагупта неожиданно потерпел поражение от царя Шаков²⁴ и был вынужден заключить с ним позорный мир, лишившись многих территорий и обязавшись отдать Шакам Дхрувасвами, невесту своего брата Чандрагупты. Последний, сопровождая ее к врагу, убил царя Шаков и затем с помощью интриг устранил брата и занял престол Гуптов.

Новому царю, Чандрагупте II, очевидно, пришлось заново покорять царства северо-восточной и центральной Индии. Надпись царя Чандры, высеченная на знаменитой железной колонне из Мехраули (если верно отождествление Чандры и Чандрагупты), свидетельствует о его победе в сражении с врагами в области Ванга и победоносном походе против *бахликов* (или *вахликов*)²⁵, когда ему пришлось переправиться через 7 притоков Инда. Возможно, восстановление власти Гуптов над иными областями, покоренными прежде Самудрагуптой, произошло относительно быстро и без длительной борьбы. Во всяком случае, источники не сохранили никаких иных сведений об этом²⁶.

Важнейшими политическими событиями времени царствования Чандрагупты II были завоевание Гуджарата и установление прочных связей с сильным государством Вакатаков. Представители этой династии правили в областях центральной Индии к югу от Нармады. Единственный факт, свидетельствующий о существовании тесных связей между ними, относится ко времени Чандрагупты II. Его дочь Прабхаватигупта, выданная за Рудрасену I Вакатака, после внезапной смерти супруга надолго становится регентшей при правлении своих двух сыновей. Дочь Чандрагупты II, находясь на престоле царства Вакатаков в начале каждой грамоты упоминает о своей принадлежности к роду Гуптов²⁷, называя себя *украшением обеих семей* (т.е. Вакатаков и Гуптов). При ее правлении государство Вакатаков скорее всего подчиняет свою политику интересам державы Гуптов. Чандрагупта II получает возможность, не страшась угрозы со стороны Вакатаков, продолжить завоевания на Западе.

²⁰ Надписи Самудрагупты расположены как раз в пределах этого района.

²¹ См. например: A Comprehensive History of India. V.3, pt.1-2, New Delhi, 1981-1982, с. 28; Dikshitar V.R. The Gupta Polity, Madras, 1952, с. 76-77.

²² Текст, следующий традиции артхашастры и развивающий ряд понятий политической литературы. Его обычно датируют временем Гуптов.

²³ Эта история постоянно обсуждается в исследованиях касающихся времени Гуптов – см., например, СII, III, с. 54-60; Majumdar R.C., Altekar A.S. The Vakataka-Gupta Age. Banaras, 1954, с. 155-156.

²⁴ Факт поражения от Шаков, царство которых в то время уже находилось в упадке и позже, было подчинено Чандрагуптой II, заставляет задуматься о естественной непрочности индийских царств. Хотя это и отмечается как одно из слабых мест в реконструкции событий истории Рамагупты (см. например: A Comprehensive History of India. V.3, pt.1-2, New Delhi, 1981-1982, с. 50-51,54), на наш взгляд, в этом нет ничего удивительного. При поражении доминирующего царя конгломерат территорий, объединенных им, легко рассыпался.

²⁵ Видимо, речь идет о покорении Кушан-Кидаритов.

²⁶ Мы имеем информацию о покорении Чандрагуптой II только областей, ранее не включавшихся в державу Гуптов. Это представляется не случайным.

²⁷ Факт крайне интересный сам по себе – *первые грамоты* царской династии Вакатаков выпущены Прабхаватигуптой и в них прославляется *иной род*, Гуптов – акцентируется внимание на ее принадлежности к династии соседнего царства, “естественного противника”, если пользоваться терминологией КА.

Хотя мы не имеем подробных сведений о борьбе Гуптов с государством Шаков в Гуджарате, очевидно, при Чандрагупте II прекращается правление в этой области шакской династии Кардамака. Их последние монеты датированы концом IV в. н.э., а началом V в. н.э. (90 год эры Гупта) датированы первые гуптские имитации серебряных монет Шаков²⁸. Тот факт, что Гупты, имея развитую технику чекана, свои традиции (проявлявшиеся в изображениях на монетах, соответствующих легендах и пр.), в выпускаемых для покоренных территорий монетах²⁹ предпочитают имитировать шакские монеты, представляется весьма примечательным и свидетельствует о естественных, с нашей точки зрения, попытках Гуптов приспособиться к местным условиям.

Принимая характерный титул, *царь царей*, правители Гуптов подразумевали, что основой их империи были подчиненные царства, в рамках которых сохранялись не только привычная иерархия властей, но и традиционные нормы, обычаи, язык, верования и т.д. Поэтому естественным выглядит их стремление показать, что, за исключением смены верховной власти, в той или иной области ничего не изменилось. Это выражалось в принятии сходной титулатуры, использовании местного языка и типа письма³⁰, выпуске схожих монет и миролюбивом отношении ко всем культам. Следует подчеркнуть, что и в данном случае царь мог руководствоваться нормами традиционной политики, изложенными в политических трактатах³¹.

Практика включения царств в структуру более крупных государственных объединений не являлась следствием децентрализации структуры государства, вызванной феодализацией общества. Вряд ли есть основания поэтому говорить о *переходе власти на местах к действовавшим независимо от центральной власти чиновникам*³². В древности не существовало централизованной администрации, и государство Гуптов, подобно многим иным индийским государствам, строилось как объединение значительного количества находившихся в той или иной степени зависимости от Магадхи территорий. Практику включения царств, сохраняющих своего правителя, в более крупные государственные структуры нельзя считать и чисто *феодалным* явлением. Подобного рода структура государства была характерной и распространенной в древней Индии³³. Положительно расценивалась она и в политической литературе.

История формирования державы Гуптов в IV - V вв. н.э. – пример построения такого государства. При Чандрагупте II, когда держава достигла наибольшего, как считают большинство индологов, расширения и могущества, значительная ее часть управлялась зависимыми царями. В надписи из Удаягири³⁴ от 401/402 гг. н.э. упоминается *великий царь Санакаников* (покорение их произошло при Самудрагупте), ...dhala (имя его утеряно), сын *великого царя* Viṣṇudāsa, внук *великого царя* Chagalaga. Известны несколько надписей *великого царя* Мандасора Наравармана, сына царя Симхавармана и внука царя Джаявармана из рода Оликара, правившего в Мальве, датированных началом V в. н.э. Недавно обнаруженные грамоты царей Валкха, датированные 47-134 годами эры Гупта (369/370 - 453/4 гг. н.э.), свидетельствуют о существовании в районах сев. Хандеша-Дхара-Алираджпура целой династии,

²⁸ Altekar A.S. The coinage of the Gupta Empire. Banaras, 1957, p., 150-151; СII, III, с., 53-54.

²⁹ Их находки сосредоточены главным образом в западной Индии. Одновременно продолжался выпуск монет иного типа, оформленных в традиционном для Гуптов стиле и использовавшихся, видимо, в иных частях державы.

³⁰ Так, например, колонная надпись из Матхуры от 61 г. эры Гупта выполнена шрифтом брахми имеющим сходство с кушанским типом письма II в. до н.э. (Sircar D.Ch., Selected Inscriptions, v.I, Calcutta, 1942 (далее SI), с. 269), а надписи из Удаягири и Санчи – южным вариантом брахми.

³¹ Или наоборот, можно говорить о достоверности рекомендаций трактатов, основывавшихся на сложившейся наиболее употребительной практике решения проблемы присоединения новых территорий. Наиболее приемлемый для КА, например, вариант – сохранение традиционной царской власти с заменой побежденного правителя на его родственника, более лояльного к победителю. Устранение царского рода – одна из крайних мер, но и в этом случае победитель рассматривался как наследник побежденного, вступивший на трон завоеванного царства. В этих условиях, чтобы обеспечить свою власть и порядок в новой области, ему рекомендуется следовать политике, весьма точно сформулированной в КА XIII.5.7-8: *“Следует стараться быть близким к [своим подданным] в отношении нравов, одежды, языка и поведения. При народных собраниях, празднествах и увеселениях следует вести себя так, чтобы показать свою преданность [местным божествам]”*.

³² Шарма Р.Ш. Древнеиндийское общество. М., 1987, с. 402.

³³ В этом отношении можно признать справедливой критику концепции феодализма Р.Ш. Шармы со стороны Д.Ч. Сиркара – см.: Sircar D.Ch., The Emperor and Subordinate Rulers. Santiniketan, 1982, с. 5-44.

³⁴ SI, с. 271.

правившей здесь во время расцвета Гуптского государства³⁵. Хотя грамота великого царя Хастина, сына царя Дамодара, внука царя Прабханджана и правнука царя Девадхья, первая из известных надписей царей из семьи Паривраджака, датирована 156 годом эры Гупта (475/476 г. н.э.), нельзя не учитывать, что он перечисляет три поколения своих предков, уже носивших титул великого царя³⁶. Соседями Паривраджаков, правившими в это же время в районах Бунделкханда и Багхелкханда, были цари Уччакальпы. Согласно сведениям³⁷ первой из дошедших до нас грамот великого царя Джаянатхи, датированной 174 годом эры Гупта (494 г. н.э.), он был пятым представителем династии, носившим титул великого царя³⁸. Если принять во внимание географическое расположение указанных царств, то можно с достаточной долей уверенности утверждать, что во время правления Чандрагупты II в районе Чамбала-Нармады существовал сплошной фронт зависимых от Гуптов царств. Это подтверждает справедливость нашей оценки статуса главного завоевания Чандрагупты - Гуджарата. Учитывая все сказанное выше, мы вправе предполагать, что положение новой территории вряд ли особо отличалось от положения окружающих ее зависимых царств. В определенной степени это подтверждают и сведения надписи Скандагупты из Джунагадха.

Текст надписи особо интересен в связи с тем, что здесь мы как бы встречаемся с тремя правителями разного уровня, каждый из которых характеризуется сходным образом. Сын Парнадатты, "назначенного" Скандагуптой правителем Сураштры, Чакрапалита был "назначен" своим отцом и *правил* подданными (*prakṛti*) – горожанами (*paura-vargān*) *как отец детьми*³⁹, оказывая им должное почтение с использованием *подарков и почестей* (*mānadāna*)⁴⁰. Надпись, несмотря на то, что ее авторство приписывается Скандагупте, по существу, посвящена увековечению памяти именно Чакрапалиты в связи с восстановлением им дамбы на озере Сударшана (аналогичным подвигом, как известно, хвалился и наиболее могущественный из шакских царей – Рудрадаман I) и построением храма (чему посвящена вторая часть надписи). Для этого были необходимы *значительные затраты*⁴¹ и Чакрапалита, как царь-защитник, посчитал необходимым совершить это. Характеристика этого правителя, его взаимоотношений с подданными и в немалой степени его деятельности по восстановлению дамбы позволяет утверждать, что положение и статус Чакрапалиты и его отца вряд ли отличались от царского. Возможно, именно о них говорят ранние мусульманские легенды, сохранившие имена двух царей (отца и сына), правление которых в Сураштре предшествовало установлению там власти Майтраков⁴².

При интерпретации содержания надписи следует учитывать, что она была высечена, очевидно, для прославления правителей Парнадатты и Чакрапалиты, о деятельности которых идет речь в 40 из 48 стихов. Это позволяет уточнить их статус в рамках державы Гуптов, смысл первых фраз текста. В первых строках его говорится, что после многочисленных побед, приведших к *покорению всей земли*, перед Скандагуптой стояла задача организации управления подчиненными территориями, которую он решил, назначив *защитников* (*goptṛn*)⁴³ во всех *областях* (*sarveṣu deśeṣu*). Как бы размышляя об этом, он задает себе вопрос – *кто среди всех моих слуг* (*bhṛtya*) *обладает должным количеством достоинств* (в перечислении которых мы

³⁵ A copper-plate hoard of the Gupta period from Bagh, Madhya Pradesh. Ed. by K.V. Ramesh and S.P. Tewari. New Delhi, 1990.

³⁶ Corpus Inscriptionum Indicarum, v. III, Inscriptions of the Early Gupta Kings and their successors. Ed. by J.F. Fleet. London, 1878, с. 95-100.

³⁷ Там же, р. 117

³⁸ Возможно, если справедливо отождествление Вьягхра с Вьягхрадевой, имя которого упоминается в кратких надписях из Ganj и Nachne-kī-talāi (Corpus Inscriptionum Indicarum, v. V, Inscriptions of the Vakatakas. Ed. by V.V. Mirashi, Ootacamund, 1963, с. 91-92), отец этого царя признавал свою зависимость одновременно и от Вакатаков.

³⁹ В тексте = = *putrān*, что восстанавливается в СII, III, р., 300 как *piteva* – аналогичную фразеологию можно встретить в эдиктах Ашоки. Реконструкция Д. Флита (Corpus Inscriptionum Indicarum, v.III. Ed. by J.F. Fleet. London, 1878, с. 63) выглядит менее удачной.

⁴⁰ Термин часто встречается в политических трактатах, где предлагается, таким образом, привлекать к себе лучших людей, т.е. знать.

⁴¹ В тексте прямо говорится, что он *совершил большие траты богатств* – было бы очень странным, если бы этим хвалился *управляющий-чиновник*.

⁴² A Comprehensive History of India. V.3, pt.1, New Delhi, 1981.

⁴³ Характерно, что здесь говорится о неопределенных *защитниках и территориях*. *Защитниками* часто называли себя цари (ср., например, SI, 1942, с. 293, стр.16, где так именуется царь Мандасора Бандхуварман).

встречаем ряд терминов, характерных для политических трактатов⁴⁴), *чтобы править всей Сураштрой*, и отвечает – *только один Парнадатта* (строка 8). Это *назначение*, как говорится в надписи, *освободило царя от забот по охране страны*. Примечательна здесь терминология памятника – и с Парнадаттой, и позже с Чакрапалитой связывается функция по защите (обозначаемая словом *rālana* или производными от глагола *rakṣ*), издревле считавшаяся обязанностью и прерогативой царей (в ответ на это подданные были обязаны платить подати). Вряд ли можно предполагать, что структура державы Гуптов при Скандагупте претерпела значительные изменения. Защитниками областей (*деша*), включенных в державу и признавших верховную власть Гуптов (став их слугами), были местные правители. Причем в данном случае, как мне представляется, основной смысл первых фраз надписи сводится не к описанию действий царя Гуптов. Начало панегирика, где речь идет о Скандагупте, органично связано с последующим содержанием – смысл его сводится главным образом к прославлению Парнадатты и Чакрапалиты. Царь Гуптов не сомневался при *выборе*⁴⁵ защитника для Сураштры – таковым мог стать (благодаря своим достоинствам) только Парнадатта, отец Чакрапалиты. Именно он освободил царя (занятого борьбой с внешними противниками) от забот по *охране* страны (обеспечивая порядок и соблюдение традиционных норм).

Изложенные свидетельства эпиграфики позволяют утверждать, что и при наследниках Самудрагупты держава Гуптов объединяла в своих рамках сохранявшие своих правителей и значительную степень автономии территории, царства. С этой точки зрения следует рассматривать корректность интерпретации ряда терминов считающихся обозначениями административно-территориальных подразделений, утверждений о существовании провинциальной структуры державы Гуптов⁴⁶, где каждая из "провинций" управлялась *губернатором* (*упарика*).

Термины, производные от глагола *бхудж* (поедать, пользоваться), в разных формах часто встречаются и в эпиграфике и в литературных памятниках. Чаще всего они подразумевают пользование (или право пользования) определенными *плодами* имущества, владение (право владения) и используются в определенных контекстах, когда говорится о царстве и его частях, о владении земель, территорией. *Пользуется* землей как исконно своего, так и завоеванного царства государь, *извлекая доход* (КА XIII.5.10). Слуги царя, управляя областями царства, *пользуются* определенными землями, полученными от царя в качестве платы за это (см. например: Ману VII.119; Мбх. XII. 88.7-8). К группе понятий такого рода, как представляется, следует относить и термин "*бхукти*" в гуптских надписях. Он употребляется и в Аллахабадском панегирике (строка 24), в контексте не позволяющем толковать его как обозначение *провинции* (*свавишьябхукти*, безусловно, здесь подразумеваются владения упомянутых царей). И в первых двух Дамодарпурских надписях, где говорится о сделках с землей при правлении *главы* (*упарика*⁴⁷) владения (*бхукти*) Пундравардхана, Чирадатты⁴⁸, нет никаких оснований толковать этот термин иначе. Не случайно в трех последующих грамотах из Дамодарпура такие главы (их имена – Брахмадатта, Джаядатта – позволяют предполагать, даже, что здесь говорится о династии правителей) одновременно именуются уже *великими царями*⁴⁹. Термин *упарика* (*упари* – над, наверху) подразумевает только то, что указанные лица были правителями-главами "*бхукти*". Интерпретировать этот термин как обозначение "наместника" или "губернатора" нет никаких оснований. Ср., например, титулатуру посланца (дутака) Вайньягупты в грамоте из Гунайгхара (SI, p. 333, stk.15-16), который именуется "главой совета пяти" (*pañcādhikaraṇa=oparika*), "главой правителей" (*pāty=uparika*), "главой защитников городов" (*purapāl=oparika*, скорее всего,

⁴⁴ Например, *прошедший испытания всеми способами* (*sarvvopadhābhiś-cha viśuddha*). Подробно эти испытания рассматриваются в КА I.10.

⁴⁵ Конечно, возможность такого выбора была для Скандагупты весьма условной и определялась соотношением сил на местах. Толкование этой фразы как свидетельства о назначении Скандагуптой губернаторов в провинции, имеющее место в историографии, выглядит крайне вольным.

⁴⁶ Некоторые исследователи считают, что провинции именуются в надписях "*бхукти*" (см. например: The History and Culture of Indian People. V. 3, Bombay, 1951, с.344; СII, III, с., 93-94), другие толкуют как обозначение провинций термин "*деша*", располагая затем "*бхукти*" и "*вишья*".

⁴⁷ Р. Дикшитар, например, называл *упарику* не только *главой провинции*, но и одним из *министров кабинета*, *главой департамента местной информации*, Р. Аянгар – *руководителем совета министров* (Dikshitar V.R. The Gupta Polity. Madras, 1952, с. 158-159). Авторы второго издания корпуса гуптских надписей называют *упарику* – *вице-королем* (СII, III, с., 93).

⁴⁸ Puṇḍravardhana-bhuktāv=uparika-cirāḍattasya, см., например, SI, с. 290, стк. 2-3.

⁴⁹ SI, p. 324, стк. 2, p. 328, стк. 2, p. 338, стк. 2.

таких же правителей). "Главами" (урагика) именуются также посланцы (дутака) царей Уччакальпы.

Принципиально важно, что в гуптской эпиграфике упоминается только одна⁵⁰ такая провинция-бхукти (еще одна, Тира-бхукти, встречается в надписях на печатях). Теряя свое унифицированное значение для всего государства, термин, по существу, лишается смысла. Если только одна (или две) небольшие области в огромном царстве именуются бхукти, мы вправе сомневаться в справедливости толкования этого термина как обозначения провинции. Поэтому, видимо, не обнаруживают своего знакомства с бхукти надписи того же времени, найденные недалеко от Дамодарпура (SI, с. 280-282, 346-349), одна из которых даже начинается со слов: "Приветствие из Пундравардханы!"⁵¹.

Термины вишья, деша и бхуми часто встречаются в литературных текстах и в эпиграфике, имея там чаще всего крайне неопределенное, обобщенное значение (область, территория, земля). В общем контексте гуптских надписей они также скорее всего не являлись обозначениями определенных административно-территориальных единиц. Термин деша нередко служил обозначением территории царства (mlecchadeśa, paryantadeśa, SI, с. 301, стк. 3-4), в надписи из Мандасора говорится о достоинствах правителя области (deśa-pārthiva), правившего в области (viṣaya) Лата. Видимо, этими неопределенными терминами обозначались различные территории (или царства), входившие в державу Гуптов. Поэтому, например, в надписи из Джунагадха говорится о назначении Скандагуптой во всех областях защитников (т.е. правителей)⁵²; см.: 16, с.301, стр.6). Упоминается термин деша и для обозначения значительно более мелких областей (см. например: SI, с.273, стк. 4, с. 285, стк. 11). Сходным образом нет единства и в употреблении термина вишья. Так именуются мелкие области при уточнении адреса дарения (SI, с. 281, стк. 7, с. 284, стк. 3), однако в SI, с. 258, стк. 24 речь уже идет, очевидно, о царствах. Царь Бандхуварман, как упоминалось выше, правил в области (вишья) Лата. Все выше сказанное позволяет считать наиболее предпочтительным сохранение за указанными терминами их традиционно неопределенного значения (область, территория).

Изложенные нами сведения позволяют утверждать, что держава Гуптов, вопреки сложившемуся в исследованиях стереотипу, не имела сложившейся административно-территориальной структуры. Надписи не позволяют толковать термины бхукти, вишья, и др. как обозначения территориально-административных подразделений державы Гуптов.

Обычно подход к интерпретации административной терминологии надписей определялся комплексом общих традиционных представлений о государстве и государственном аппарате в древней Индии⁵³. Несмотря на различные оговорки (появление вассальных царств, феодализация общества), существование при Гуптах централизованного бюрократического аппарата не подвергалось сомнению⁵⁴. Между тем сами источники периода Гуптов оснований для таких выводов не дают.

⁵⁰ Примечательно, что в грамотах Вакатаков мы, также, встречаем только одну бхукти (СИ, III, с. 19, стк. 13) при наличии множества иных терминов толкуемых как обозначение административных подразделений.

⁵¹ Грамота, найденная в Пахарпуре, датирована 159 г. эры Гупта (грамоты из Дамодарпура – 124, 128, 163, 224 годами эры Гупта), т.е. они выпущены в одно время.

⁵² Здесь опять смешиваются два термина – viṣaya-gorṭṭṇ (защитники области) назначаются во все области sarveṣu deśeṣu.

⁵³ Поэтому нередко на государство Гуптов механически переносились особенности, отмечавшиеся при анализе свидетельств о государстве КА и державы Маурьев. Р. Дикшитар (Dikshitar V.R. The Gupta Polity. Madras, 1952, с.112), например, утверждал, что акты правителей Гуптов так же, как и Маурьев, контролировались советом министров (имея в виду мантрипаришад, в гуптской эпиграфике не упоминающийся). Общий подход можно характеризовать фразой Р. Дандекара: Гупты имели высокоэффективную администрацию, сферами ее деятельности считались многие отрасли жизни народа, ... но ... мы имеем очень мало свидетельств об этом (Dandekar R.N., The Age of the Guptas. Selected writings. Pt.4, Delhi, 1982, с.10). См., также, СИ, III, с., 90; Sharma L.P., Ancient History of India. New Delhi, 1981, с. 204 и др. Некоторые индологи, говоря о децентрализации управления государством, пытаются, одновременно, утверждать, что Гупты обладали сильной бюрократической администрацией, связывавшей империю в одно целое (см., например, Bhattacharjee A. History of Ancient India. New Delhi, 1979, с.275-279).

⁵⁴ У.Н. Гхошал, например, считал основным достижением Гуптов в административной сфере – усиление высших слоев чиновничества, создание большого количества должностей (Ghoshal U.N. Studies in Indian History and Culture. Calcutta, 1957, с. 444, см. также: Gokhale B.C. The Story of Ancient India. Baroda, 1948, с. 69-70; Sharma R.Sh. Light on Early Indian Society and Economy. Bombay, 1966, с. 84,89; Sinha H.N. The Development of Indian Polity. Bombay, 1963, с. 206-207; Thapar R. History of India. Baltimore, 1966, с. 136 и др.). Некоторые индологи считали, что при Гуптах был достигнут более высокий уровень централизации, чем при Маурьях (Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности. М., 1985, с.424).

Целый ряд терминов, встречающихся в эпиграфике, обычно толкуются как обозначение соответствующих должностей в администрации Гуптов, хотя иногда это не подкрепляется не только значением самого термина, но и сведениями о лице, которое им наделяется. При этом вопрос о том, является ли термин обозначением должности или титула (актуальный для многих источников по истории древности и средневековья на Востоке), совсем не затрагивается⁵⁵. Между тем вопрос о соотношении санскритской терминологии с широко употребляемыми в исследованиях применительно к древнему или средневековому обществу концептуальными по характеру терминами *чиновник*, *администрация*, *ведомство* и пр., имеющими весьма конкретный смысл и подтекст, представляется для нас особо важным. Обычное их понимание (за которым стоит целый комплекс представлений о государстве и организации управления обществом) требует значительных оговорок.

Структура отношений в рамках державы Гуптов, как мне представляется, была принципиально иной. Хотя близость к царю и его двору, бывшая источником *пожалований*, *титулов* и *новых должностей*, была важным фактором, скорее всего, административные функции (прежде всего по сбору даней или податей) передавались отдельным представителям знати, местным правителям, главам крупных организаций общинного типа и пр. (это позволяет предполагать характер структуры державы и особенности политики самих Гуптов, о которых говорилось выше). В связи с этим указанные лица именовались придворными титулами⁵⁶, передаваемыми нередко по наследству, и включались, таким образом, в *придворную иерархию*. При этом наделение *титулом* далеко не всегда подразумевало исполнение ими соответствующих буквальному значению самого титула обязанностей, определенного рода царской службы и, возможно, вело только к закреплению их связей с государем. Для гуптской эпиграфики нередки случаи, когда за отдельными лицами закрепляется по несколько различных титулов, традиционно расплывчатых, передаваемых по наследству.

Знаменитый Харишена, автор поэтического панегирика Самудрагупте, называет себя (*наделенный правом подтверждать*) *соглашения (и решать) споры*⁵⁷ (*sandhivigrahika*), *великий военачальник* (*mahadaṇḍanāyaka*)⁵⁸, *kumārāmatya* (букв. – *сподвижник-царевич*)⁵⁹ и *раб у ног верховного правителя*, сын Dhruvabhūti, великого военачальника (*mahadaṇḍanāyaka*), *khādyatāpākika* (некоторые индологи толкуют этот титул, как *начальник царской кухни*)⁶⁰. При этом сам панегирик был высечен, как говорится в тексте, Тилабхаттакой, *великим военачальником*, склоненным перед ногами верховного правителя (*parama-bhaṭṭāraka-pād-ānudyātena*). Притхивишена, упомянутый в надписи из Каранданды (SI, p. 282), *советник-сподвижник-царевич* (*mantri-kumārāmatya*)⁶¹, *великий военачальник* (*mahābalādhikṛta*) *великого царя царей Шри Кумарагупты*, был сыном Шикхарасвамины, *советника-сподвижника-царевича* (*mantri-*

⁵⁵ Впервые по отношению к терминологии КА, насколько мне известно, этот вопрос рассматривал А.А. Вигасин (Вигасин А.А., Самозванцев А.М. Артахаштра. Проблемы социальной структуры и права. М., 1984, с. 151). По его мнению, отдельные *должности* в трактате были, скорее, *почетными титулами*, обеспечивавшими известный уровень дохода.

⁵⁶ См. об этом: Sircar D.Ch. The Emperor and Subordinate Rulers. Santiniketan, 1982, с. 35-40.

⁵⁷ Обычно при интерпретации этого термина исследователи следуют привычному для санскритских текстов и КА значению терминов *sandhi-vigraha*, модернизируя его значение и толкуя его как *министр войны и мира*, *глава дипломатического ведомства* и пр. Речи о дипломатической деятельности как здесь, так и в иных случаях (особенно в *дарственных грамотах*, где он, также, употребляется) нет. Ср. например: SI, с. 331, стк. 17, где упомянут писец *присутствия по соглашениям и спорам* (*sandhivigrah-ādhikaraṇa-kāyastha*), подробно записавший акт дарения, никакого отношения к *войне и миру* не имеющий. В КА есть сходные контексты, когда *внешнеполитическая* терминология используется для характеристики отношений принципиально иного рода (хотя одновременно *sandhi*, мир, и *vigraha*, война – основные элементы *śāḍgūṇam*, *шести методов внешней политики*, концепции, положенной в основу 7 книги КА и широко использовавшейся во многих санскритских текстах). Так, например, в КА II.9.5. рекомендуется, чтобы *адхьякши* действовали не связанные друг с другом (*asaṁhata*), и не враждующие (*avighṛita*).

⁵⁸ Это, как представляется, проясняет значение предыдущего термина. Харишена, получивший некоторые титулы по наследству, очевидно, знатный воин, аристократ.

⁵⁹ О значении этого термина см. ниже. Его, как и некоторые иные санскритские термины, на мой взгляд, не следует переводить однозначно – при общем буквальном значении (*сподвижник-царевич*), в разных контекстах статус лиц, которых он характеризует, их место в обществе и иерархии гуптского двора существенно различались.

⁶⁰ См. например: Gokhale B.C. The Story of Ancient India. Baroda, 1948, с. 60. И это, очевидно, чисто придворный титул.

⁶¹ Вполне возможно, титул этот был получен по наследству.

kumārāmatya) *великого царя царей Шри Чандрагупты, внуком господина* (bhaṭṭa, т.е. bhartṛ⁶²) *Вишнупалита, правнуком господина* (bhaṭṭa) *Курамаранья, учителя из готры Āśvavāji*. О передаче титулов по наследству, вполне естественной для того времени практике, можно говорить, исходя из сведений надписи из Удаягири (SI, с. 272), где говорится о Вирасене, который, достигнув положения *спутника (или советника)* царя **по рождению** (anvaya-grāpta-sācivya), (*оформляя*) *соглашения и (решая) споры, пекся о невообразимо величественных свершениях того царя-риши (Чандрагупты)*. В дарственных грамотах Самудрагупты Гопасвамина, по приказу которого они были изготовлены, именуется *глава (отряда) слонов* (mahāpīlūpati), *великий военачальник* (mahābalādhikṛta) и одновременно *глава архива деревень*⁶³.

Процесс консолидации *должностей и титулов* в одних руках, передачу их по наследству вряд ли стоит отождествлять с феодализацией администрации⁶⁴. Отмеченные нами факты относятся ко времени наибольшего могущества Гуптов, аналогичная практика (передачи титула или права на исполнение определенных функций по наследству) предполагается и в КА V.1.55-56; XII.2.31-32, более ранних надписях. Обилие *воинских* титулов⁶⁵ позволяет предполагать, что именно военачальники, имеющие собственные "военные отряды", *господа, лучшие люди*, т.е. *знать, правители* той или иной территории, главы кланов, служащие в том числе и со своей дружиной царю, в первую очередь наделялись титулами, говорящими о принадлежности ко двору Гуптов.

Наиболее распространенным в эпиграфике Гуптов из считающихся административными является термин кумараматья⁶⁶. Он состоит из двух частей – *кумара* (царевич) и *аматья* (*министр*). Последний часто встречается в текстах, более ранних и более поздних надписях. Наш анализ его употребления в КА и надписях Сатаваханов показал, что термин этот, фиксирующий связь знатного придворного или местного лидера с царем, скорее, следует переводить *соратник, сподвижник*. Термин "кумараматья" также не может считаться обозначением конкретной должности, поскольку так именуются не только приближенные царя (например, упоминавшиеся выше Харишена, Притхивишена, Шикхарасвамин), главы областей (например, *упарика* в надписи Скандагупты из Бихара, SI, с. 319, стк. 27), но и *областное начальство* (например, возглавляющий adhiṣṭhāṇādhikaraṇa Ветраварман, упоминающийся в Дамодарпурских грамотах⁶⁷). Не может он считаться и обобщенным обозначением *чиновников*.

⁶² *Господин, правитель, кормилец* – термин, часто встречающийся в литературе и употребляющийся по отношению к правителям. Хотя он, как свидетельствует Моньер-Вильямс, употреблялся и вместе с именем ученых брахманов, и общий предок перечисленных здесь лиц действительно был учителем, сын последнего уже учителем не был (оставаясь *господином*). Сомнительно, чтобы сын простого ученого брахмана смог бы получить титул советника действительно могущественного царя царей Чандрагупты II.

⁶³ anugṛāmākṣapaṭala (SI, с. 264, стк. 11) и anyagṛāmākṣapaṭala (SI, с. 266, стк. 15), видимо, архив, где хранились акты о дарениях и др. документы соседних деревень.

⁶⁴ См., например, Шарма Р.Ш. Древнеиндийское общество. М., 1987, с.393-395, 401-403.

⁶⁵ Именно титулов, ряд аргументов в пользу этого приведен в СII, III, с. 95-99. Отметим подтверждающие такой вывод примечательные случаи употребления уже в надписях Сатаваханов некоторых титулов как в муж. р., так и в ж. р.

⁶⁶ Н. Шастри (Sastri N. History of India. V.1, Madras, 1950, с. 149) переводил этот термин *молодой аматья*, Р. Банерджи и Р. Дандекар (Banerji P.N. Public Administration in Ancient India. Delhi, 1973, с. 112; Dandekar R.N. The Age of the Guptas. Selected writings. Pt.4, Delhi, 1982, с. 18) – *министр царевичей*, Р. Дикшитар считал *кумараматьев* *целым классом чиновников имперского секретариата*, дифференцировал их, относя одних к *вышним*, а других к *средним* слоям чиновничества, отмечая *кумараматьев из ведомства наследника* и даже *прикрепленных к императору*. Он отмечал как удивительный факт, что данным термином обозначались и *представители местной власти* (Dikshitar V.R. The Gupta Polity. Madras, 1952, с.152-159). Б. Гокхале (Gokhale B.C. The Story of Ancient India. Baroda, 1948, с. 66-67) и Р. Маджумдар (Majumdar R.C. The History of Bengal. V.1, Lohanipur, 1971, с. 265) считали их областными чиновниками или правителями, последний (A Comprehensive History of India. V.3, pt.1-2, New Delhi, 1981-1982, с. 751-753) высказывал мнение, что таким термином обобщенно именовался *класс чиновников*. В СII, III, с. 90-91 термин толкуется как *министр, провозглашенный в дворцовом этикете с честью, аналогичной царевичу* (!), здесь же упомянут случай, когда в надписи VI в. так именуется *царь* (СII, III, с. 92). У.Н. Гхошал (The History and Culture of Indian People. V.3, Bombay, 1954, с. 344) считал их *новым рангом* в гуптской администрации, так, по его мнению, именовалось и *местное чиновничество*. Лишь О. Штейн (Stein O. Kleine Schriften. Stuttgart, 1985, с. 428) справедливо отмечал, что этот термин следует понимать, как *титул*, аналогичное мнение, применительно к эпохе Харши, высказывала Д. Девахути (Devahuti D. Harsha. A Political study. Oxford, 1970, с. 175). Столь пестрый калейдоскоп мнений объясняется, на мой взгляд, прежде всего неточностью общих представлений о структуре государства Гуптов.

⁶⁷ См., SI, с. 284, стк. 3, с. 286, стк. 3.

Фраза *kumārāmātyādhikaraṇa* встречается в надписях на печатях и обычно переводится как ведомство кумараматьи. Находки таких печатей, относящихся ко II - V вв. н.э., добавили немало путаницы в характеристику гуптской *администрации*⁶⁸.

Термин *кумараматья* в надписях на печатях обычно толкуется, как и в грамотах, либо как обозначение должности, либо как обобщенное обозначение чиновника. И то, и другое толкование выглядит сомнительным – лицо, приближенное к верховному правителю, его наследнику (*Śrī-paramabhaṭṭāraka-pādīya-kumārāmātyādhikaraṇasya*, *Yuvārāja-pādīya-kumārāmātyādhikaraṇasya*), и руководитель городского совета Пундравардханы вряд ли могли занимать одну и ту же должность (SI, с. 284, стк. 4, с. 286, стк. 3). Не мог этот термин служить и обобщенным обозначением *чиновников*. Тогда мы будем вынуждены признать бессмысленность таких надписей, как *Kumārāmātyādhikaraṇasya*, *Tīra-kumārāmātyādhikaraṇasya*, *Sāmāhaṣa-viṣayādhikaraṇasya*⁶⁹. Все выше сказанное позволяет сделать вывод, что термин *кумараматья* являлся, скорее, титулом, который могли иметь любые представители власти.

Представляется важным заметить, что в древнеиндийских эпиграфических источниках различных периодов всегда присутствует определенный общий термин, которым обозначается правитель (или представитель власти) любого уровня. "Махаматры" (сановники), как свидетельствуют эдикты Ашоки, играли важную роль при дворе Маурьев, вместе с "царевичем-кумарой" правили в крупных областях державы, были основными представителями власти в крупных и мелких городах, областях. В эпиграфике Сатаваханов термином "аматья" обозначались связанные с царем личными служебными отношениями представители находившейся при дворе царя знати так же, как и местные лидеры разного уровня. Для державы же Гуптов в качестве термина, которым мог быть обозначен любой представитель власти от занимавшего важное место при дворе аристократа до правителя мелкой области, выступает прежде всего термин "кумараматья". Это, возможно, указывает на важную общую особенность эволюции социально-политических отношений в древней Индии. Для Маурьев, видимо, была характерна наибольшая степень автономии местной власти, возможно лишь формально подчиненной царю Магадхи. При Сатаваханах можно говорить об упорядочивании отношений верховного царя с местными лидерами, которые получают титул "аматья" (соратник, сподвижник). Имеющий сходное значение в КА он подразумевает не только сотрудничество или службу царю, но и некоторые ограничения⁷⁰ местной власти, подчеркивает ее лояльность верховному правителю, постоянство связей лица, которым он наделен, с царем. Именно с ним, как мне представляется, можно связывать происхождение характерного для эпиграфики Гуптов термина "кумараматья", отражающего эволюцию социально-политического устройства древнеиндийского общества.

В догуптской эпиграфике титул "царь" (раджан) употреблялся по отношению к довольно ограниченному кругу правителей. Даже правитель огромной державы Ашока скромно именовал себя в эдиктах "царь Магадхи." Как мне представляется, подобная "скромность" правителей была связана с комплексом представлений о социально-политическом устройстве общества и царской власти, т.е. правитель получал титул "раджан" обычно не столько по своему желанию, сколько по мере признания его таковым со стороны всей общественной иерархии. Для осуществления этого, например, было необходимо следовать определенным традиционным нормам поведения, исполнить определенные обряды и церемонии, обладать царской сущностью по рождению и многое другое. Появление и оформление института царской власти в Индии – тема особого исследования. Отметим здесь только, безусловно, исключительную его важность в индийской традиции на самых ранних этапах ее развития, о чем позволяет судить комплекс "царских" жертвоприношений детально разработанный уже в поздневедической литературе. Вспомним в связи с этим что Ушабхадатта, правитель значительной части державы Шаков, следуя в своей деятельности нормам поведения "дхармараджи", в своих надписях никогда не именуется "царем" (подчеркивая только свою принадлежность к царскому роду Кшахаратов), хотя и упоминает о совершении "абхишеки" после целого ряда "добродетельных поступков". По

⁶⁸ Следует подчеркнуть, что в процентном отношении печатей *администрации и правителей* найдено сравнительно немного (10-15 %), часто это только оттиски печатей и, в ряде случаев, тексты надписей повторяются.

⁶⁹ Тексты приводятся здесь по: Choudhary R. Selected Inscriptions of Bihar. Patna, 1958, с. 8-9; Marshall J.H. Excavations at Bhita. In: – Annual Reports of the Archaeological Survey of India, 1911/1912, с. 29-94; СII, III, с. 90-91.

⁷⁰ Напомним, что в грихьясутрах термином "аматья" называли домашних слуг царя. Комментарий Шанкарадаи IX в. на Нитисару Камандаки (V в.), где говорится о таком толковании термина "аматья" ("от слова дом"), показывает, что значение это не было забыто.

сведениям эпиграфики времени Шаков и Сатаваханов, можно судить о существовании в этот период, одновременно с "царями", широкого круга правителей, не имевших титул "раджан", крупной владетельной знати, обладавшей титулами "царевич" (кумара), "великий воин" (махаратхин), "великий владелец" (махабходжака). Упрочение связей в рамках царства и поддержка царями отдельных представителей местной власти (именуемых в связи с этим "аматья", сподвижник), естественно, вела не только к их усилению, но и к возрастанию их социального статуса. Возможно, это было одной из причин того, что ко времени Гуптов в надписях с титулом царь ("раджан") мы встречаемся уже значительно чаще. Соответственно каждый из таких царей был заинтересован в формировании и упрочении в рамках своей территории связей с более мелкими правителями, знатью, в превращении их в "сподвижников" (аматья), "группу сторонников" (пакша). Увеличение круга лиц, получивших возможность именовать себя царь ("раджан"), естественно, вело к снижению достоинства этого титула. Поэтому для гуптской эпохи характерно не только представление о множестве имеющих разный статус (и соответственно разные титулы⁷¹) царей, но и снижение достоинства иных зафиксированных в традиции титулов. Это, на мой взгляд, относится и к титулу "кумара", которым в эпиграфике Ашоки наделяется правитель значительной части державы Маурьев (эдикты упоминают всего пять таких "царевичей"), а в эпиграфике времени Сатаваханов лишь отдельные местные династы. Во время Гуптов, вероятно, уже каждый из "сподвижников" царей (круг которых также увеличился), будучи связан с царем и получая от него поддержку (повышая таким образом свой статус в обществе), считался причастным соответственным образом к "царской сущности", достойным титула "царевич". Гуптская эпоха, как мне представляется, была своеобразным переломным этапом в развитии социально-политического устройства Индии. Количественные изменения – резко возросшие претензии на "царскую" власть массы местных правителей, знати, каждый из которых теперь получал право именовать себя "царевич", – к концу эпохи Гуптов, и особенно в послегуптскую эпоху (VI-IX вв.), когда "царевичи" (кумара) закономерно превращаются в "царей" (раджан), привели к качественным изменениям. Эволюция традиционных представлений об исключительности царской власти ("раджья"), ставшей доступной для многих правителей, возможно, стала одной из причин того, что политическая история Индии вплоть до эпохи мусульманских государств уже не знала таких крупных и относительно долгое время существовавших объединений, как державы Маурьев, Сатаваханов и Гуптов.

Аналогичные сложности возникают при интерпретации присутствующего в гуптской эпиграфике термина *адхикарана*. Р. Басак, издатель Дамодарпурских грамот, переводил его как *правление*⁷², хотя одно из обычных значений этого термина *суд, судебная инстанция* (и оба перевода могут считаться приемлемыми⁷³). В иных переводах указанных грамот термин чаще всего переводился как *office*⁷⁴ для исполнения общественных дел, а в исследованиях – как *ведомство, орган управления любого характера* (см. например: СII, III, с. 286). Последнее, однако, уже выглядит сомнительным. Оно (как, впрочем, и ассоциации, к которым ведет употребление термина *office*) основывается на убеждении, что управление (прежде всего на местах) в рамках державы Гуптов могло осуществляться только через посредство государственного аппарата, специальные административные органы и является очевидной модернизацией особенностей государственного устройства державы Гуптов. Вспомним, в связи с этим что и на Руси *службы* далеко не всегда можно назвать *ведомствами*, а *двор – царским или княжеским*.

Все выше изложенное позволяет сделать ряд выводов, касающихся структуры государства Гуптов и их "администрации". Эта держава строилась главным образом как объединение различных зависимых и полузависимых территорий, созданию структуры которых была

⁷¹ Например, "великий царь царей" (махараджадхираджа), "царь царей" ("раджадхираджа"). Подобная титулатура появляется раньше, считается заимствованием, принесенным в Индию Кушанами, и присутствует уже в отдельных случаях в эпиграфике времени Сатаваханов (I-III вв.). Однако важным здесь является не само заимствование (весьма условное), а складывание общественных условий, создавших возможность ее употребления. Только ко времени Гуптов поэтому употребление такого рода титулатуры, отражающей особенности социально-политического устройства общества того времени, становится постоянным.

⁷² Epigraphia Indica, v. XV, с. 113-145.

⁷³ И это представляется естественным, поскольку суд, решение спорных вопросов – одна из важнейших задач на любом уровне управления.

⁷⁴ Этот английский термин, благодаря своей двусмысленности, кажется удачным, аналогов в русском языке ему нет.

подчинена вся политика Гуптов. Именно этим можно объяснить впечатляющие масштабы их завоевательной политики и одновременную слабость, более точно понять особенности их внутренней политики и объяснить ряд деталей политической истории северной Индии в IV-VI вв. н.э. Основными элементами, из которых складывалось государство Гуптов, были зависимые территории (главным образом, царства). Их объединение было нестабильным. В таких условиях ослабление военного могущества Гуптов (одной из причин которого был рост военной экспансии при сохранении аморфной структуры государства), вело к постоянным смутам, борьбе за власть и, в конце концов, привело государство к распаду. Не создали Гупты и единой административно-территориальной структуры, провинций – зависимые территории, сохранявшиеся, как целое в рамках державы, имели свою, традиционную организацию, правителей, администрацию, нормы и традиции.

Характер структуры державы Гуптов определял и особенности их *государственного аппарата*. Организация взаимосвязей с подчиненными царю территориями и их правителями, как и немногочисленные функции по управлению личными владениями царя были сосредоточены в руках представителей различных слоев знати, составлявших *двор царя* и получавших в связи с этим различные титулы – *советник, великий военачальник, царевич-сподвижник* и т.д.

3.2. Социально-политическое устройство древнеиндийского общества по сведениям надписей времени Гуптов. Местное управление.

Анализируя гуптскую эпиграфику, важно учитывать, что большинство дошедших до нас дарственных грамот IV-VI вв. фиксируют дарения царей, находившихся в той или иной степени зависимости от Гуптов и частных лиц. Собственно гуптских дарений до нас дошло только три. Две грамоты из них, найденные в Гае и Наланде,⁷⁵ считаются подделками VI - VII вв. И хотя аргументация такой точки зрения основывается на анализе палеографии и языка грамот, на мой взгляд вполне корректным является и мнение Д.Ч. Сиркара, считавшего, что они являются копиями VI в. утерянных оригинальных дарений Самудрагупты. В этом убеждает не только наличие характерных для надписей последнего деталей его титулатуры, отсутствующих в более поздних надписях⁷⁶, но и структура текста самих дарений, отличающихся от грамот VI в. Вместе с тем, даже если эти грамоты – подделка VI в., они не могли не учитывать существовавших в то время реальных прецедентов и отражали скорее всего представления о структуре власти и земельных отношениях того времени. Важны они и тем, что это единственные дарения, найденные скорее всего на исконно принадлежавшей Гуптам территории.

Самудрагупта, как здесь говорится, лично обращается к жителям деревни: "Обращенный (лицом) к деревне (возглавляемой) брахманами и деревенским руководством, сказал (им), обладающим запасами" (brāhmaṇa-puroga-grāma-valat-kaṣa-bhyām-āha). Перевод этой фразы обычно вызывал полемику⁷⁷. Если следовать интерпретации термина valat-kaṣa как обозначения деревенского казначея или чиновника, связанного с казной, то странным выглядит то, что в обоих случаях форма одинакова (дв. ч.), хотя в одном случае говорится об одной, а в другом о двух деревнях. Кроме того, возникает вопрос – можно ли считать чиновником, очевидно, деревенского казначея и почему в обоих случаях их два? Предлагаемый нами вариант чтения объясняет это: ~valat kaṣabhyām не является специальным административным термином и используется в дв. ч. в обоих случаях только потому, что обращение адресовано брахманам и руководству деревни.

Важно, что в качестве инициатора оформления обеих грамот назван не царь, а иной человек – Gopasvāmin (в грамоте из Гаи – Dyūta-Gopasvāmin), наделяемый в обоих случаях сходным

⁷⁵ SI, с. 262-266.

⁷⁶ Например, "подобный Дханада, Варуне и Антаке, топор [бога] Кританта".

⁷⁷ Дж. Флит высказывал мнение, что valat-kaṣa *явно служебный технический термин*, и, не объясняя его, переводил: "...сказал valatkaushans двух деревень вместе с брахманами" – Corpus Inscriptionum Indicarum, v.III, Ed. by J.F. Fleet. (далее, Fleet.) London, 1878, с. 257). Д.Ч. Сиркар в *Эпиграфическом словаре* оставляет его без интерпретации, высказывая предположение, что это ошибка от bala-koṣṭhika=officer in charge of the treasury of the military department (Sircar D.Ch. Indian Epigraphical Glossary. Delhi, 1966, с. 360). И в новом издании надписей Гуптов (СИ, III, с. 228,231) термин этот толкуется как обозначение *служащего, связанного с сокровищницей деревни*. Причем одна и та же фраза переводится в двух грамотах по-разному – в одном случае "...к (служащим) двух деревень, связанным с сокровищницей деревни" (авторы упускают, что обращение направлено и брахманам), а во втором – "...к (служащим), связанным с сокровищницей деревни и брахманам" (в обоих случаях также пропускается термин puroga).

титолом. В грамоте из Гаи он назван *anagrām-ākṣapaṭal-ādhiḥkṛta* ("глава архива"⁷⁸ окрестных деревень"), а в грамоте из Наланды он именуется не только *anagrām-ākṣapaṭal-ādhiḥkṛta* (это скорее то же, что и в первом случае), но и "глава (отряда) слонов (*mahāpīlūpati*), великий военачальник (*mahābalādhiḥkṛta*)". Единственный титул, присутствующий в обоих случаях, позволяет считать его скорее представителем местной территориальной организации, получившим придворный титул. Организация эта была, видимо, достаточно крупной (в грамоте из Наланды фиксируется дарение двух деревень, находившихся в разных областях - "вишая", видимо, включенных в эту организацию, дарение из Гаи называет иную, третью, область). Роль Гопасвами, по приказу которого были оформлены грамоты Самудрагупты, можно объяснять по аналогии с грамотами Сатаваханов – дарение царя было вторжением в компетенцию местной территориальной организации. И оформление грамоты по приказу одного из ее руководителей означало прежде всего признание этого дарения. Однако, распоряжаясь здесь, Гопасвамин не именует себя "правителем" или "главой". Соответственно можно судить о том, что власть в рамках данной организации не была единоличной.

Примечательными также являются отношения деревенской организации с получателями дарения, фиксируемые в грамотах сходным образом. Здесь коротко говорится об *установлении uparikara*⁷⁹, подати, которую деревня обязывалась выплачивать, очевидно, получателю дарения, брахману. Такое толкование подкреплено последующей фразой, буквально повторяющейся и в грамотах иных царей: "Вами его приказы должны быть выслушаны и должны быть выполнены. И должны быть отданы (ему) все должные (подати) золотом, измеряемыми (товарами) и другими, (сбор которых находится) в ведении"⁸⁰ деревни"⁸¹. Отмеченная норма, очевидно, была универсальна для взаимосвязи более низкой структуры с более высокой (по свидетельствам же Аллахабадского панегирика, значительная группа зависимых от Самудрагупты царств именно таким способом выказывала свою покорность). Целью составления рассматриваемых дарений, судя по их содержанию, было оповещение руководства указанных деревень о том, что эти деревни переходят во владение брахмана. При этом изменения в положении деревенских жителей (как и зависимых правителей, выказывавших покорность Самудрагупте, используя аналогичную формулировку) вряд ли были значительными. Скорее всего в грамотах идет речь о части податей, которые деревня платила более высоким по уровню структурам, прежде всего территориальному объединению, одним из руководителей которого был Гопасвамин, по приказу которого были оформлены грамоты.

Грамоты Самудрагупты позволяют судить о том, что в качестве исполнителя решений "великого царя" - главы государства о дарении доходов от деревни выступает не представитель административного аппарата, чиновник, а один из руководителей местной, скорее всего территориальной междеревенской (учитывая постоянный его титул – "глава архива окрестных деревень") организации. Важно, что распоряжение об оформлении дарственной грамоты дано именно им, а не самим Самудрагуптой. Это было обусловлено, на мой взгляд тем, что управление на местах осуществлялось не через гуптских чиновников, а через местные территориальные структуры. Дарение сводилось скорее всего к изменению структуры местной власти – брахман становился (если воспользоваться языком КА) одним из "господ" деревни. И

⁷⁸ Скорее всего объединения деревень, т.е. межобщинной территориальной организации – поэтому основным его титулом является в тексте руководитель *хранилища документов окрестных деревень*.

⁷⁹ Трудно согласиться с толкованием этого выражения Д.Ч. Сиркаром (во втором издании *Selected inscriptions* он предлагает толковать *uparikara*, как: *tax, paid by temporary tenants*, а *uddeśa* – *space above the surface of the land often specifically mentioned as tala*). Примечательно, что в первом издании он более осторожен (см.: SI, с. 266). Смысл термина, исходя из его этимологии, не дает основания считать его обозначением государственной подати – [часть] произведенного [выплачиваемая] главе, руководителю более высокой ступени в социальной иерархии, в качестве которой здесь выступает брахман. Ср. термин *uparika*, обозначающий главу или правителя области в Дамодарпурских грамотах.

⁸⁰ Д.Ч. Сиркар ошибочно истолковывает замечание Дж. Ф. Флита (Fleet, с. 170, прим. 5), приравнивая значения *pratyaya* и *pratyāya*; (SI, с. 266, прим. 6). Если второй термин можно понимать условно, как обозначение подати (даже обобщенно – податей; см. например: Fleet, с. 118, стк. 9 – *bhāga-bhogakapratyāya*), то первый (Дж. Флит и Д.Ч. Сиркар в словаре, ему следуя, толкуют термин как *держанье, holding*) предполагает передачу функции (скорее всего, сбора податей), *трат* и обычно связан с лицом, осуществляющим эту функцию (в этом смысле, кстати, он употреблен и в тексте, на примечание к которому ссылается Д.Ч. Сиркар – *Vikidīna-mahattara-pratyaya, kuṭumbi-Boṭaka-pratyaya* и др., аналогичное значение встречается в грамотах из Багха). В данном случае владельца упоминаемых деревень, видимо, просто не было и в качестве держателя земли указывается сама деревня, деревенская организация.

⁸¹ См. например: грамоты из Уччакальпы (Fleet, с. 118, стк. 9-10)

для этого, естественно, требовалось подтверждение решения царя Гуптов со стороны местного руководства.

Более значительна в эпиграфике гуптского времени группа надписей на медных таблицах, датированных по эре Гупта и фиксирующих частные дарения или сделки с землей (имеются в виду грамоты, найденные в Дханайдаха, Индоре, Дамодарпуре, Пахарпуре и Байграме). Основываясь на их сведениях, можно судить об особенностях социально-политического устройства общества в гуптское время (главным образом в областях Бенгала и Магадхи).

Некоторые свидетельства грамоты времени Кумарагупты из Dhānāidaha представляются очень важными. Целью ее составления является прежде всего оповещение брахманов⁸² (читаются два имени – Шивашарман и Нагашарман) и махаттаров⁸³ (читаются 16 имен), входивших в междеревенскую организацию āṣṭakul-ādhikarāṇa⁸⁴, о дарении земли неким Вишну (строки, содержащие сведения о нем, повреждены). Из дальнейшего содержания, сохранившегося лишь отрывками, можно судить о прямом участии соседей и иных членов деревенской общины в согласовании и проведении границ дарения ("...всё, таким образом, обустроив, с домохозяевами (и) соседями, обрабатывающими землю ...⁸⁵, ..."это установлено", – так (сказав), – "хорошо", – с этим (так) согласившись – "пусть (будет) отдана одна кульвапа земли, отделенная 8-9 нала")⁸⁶. Примечательно, что лишь после этого⁸⁷, согласно грамоте, служащий (āyuktaka)⁸⁸ передает отмеренный соседями участок земли получателю дарения.

Это, очевидно, частное дарение, механизм осуществления которого (типичный и для иных дарений) свидетельствует об активном участии межобщинных структур в управлении. Даритель Вишну оповещает **междеревенский совет и соседей** – брахманов, которые *устанавливают* сообща **правила** (видимо, использования земли) и *границы участка, одобряют* факт дарения. Только после этого *служащий* (представитель деревенской администрации, осуществляющий *исполнительную власть при общинном органе*) *передает* участок земли брахману.

Типом дарения обусловлены отличия индорской грамоты времени Скандрагупты от иных дарений – он сводится к тому, что брахман Девавишну, связанный с брахманской общиной из города Индрапура, делает взнос в ремесленную организацию (*шрени*) давитьщиков масла⁸⁹, размещенную в городе. Эта организация на сумму процентов от взноса по неизменной цене должна поставлять храму масло для наполнения лампы даже в случае, если она переселится в иное место. Индорская грамота, как и рассмотренные выше, не фиксирует никакой особой государственной *администрации* в городе. Текст, оформленный в областной территориальной организации Антарведи, возможно прямо подчиненной царю Гуптов, фиксирует посредническую роль этой организации, ее руководителя в отношениях между брахманской общиной (в лице ее представителя) и ремесленной организацией общинного типа.

При этом вряд ли Антарведи-вишная из индорской грамоты – организация аналогичная упоминаемым, например *областям* в грамотах Самудрагупты, рассмотренных выше. Как представляется, обобщенным термином *вишная* в этих грамотах обозначаются территориальные организации **разного типа**. Если в грамотах Самудрагупты это мелкая территория (в одном тексте из Наланды фиксируется дарение двух деревень в разных *областях* одному брахману), входящая в более крупное объединение, здесь вишная, скорее, похожа на мелкое царство. Поэтому его правитель (patī), подобно правителям владения (бхукти) Пундравардхана (см.,

⁸² Возможно, имеются в виду соседи-домохозяева. В тексте –kuṭu[mbi]..brāhmaṇa-Śivaśarmma-Nāgaśarmma.(SI, с. 280, стк. 3)

⁸³ В тексте maha.....(SI, с. 280, стк. 3)

⁸⁴ Скорее всего так именуется межобщинный деревенский совет (речь идет о делах внутри одного из домохозяйств деревни). По мнению Д.Ч. Сиркара, – āṣṭakulā like pañcamāṇḍalī (modern pañcāyat) may indicate the pañcayat board (SI, с. 281).

⁸⁵ sarvvameva * * kara (D.Ch.Sircar восстанавливает – kṣetrakara) prativeśi(?)–kuṭumbibhir-avasthāpya (SI, с. 281, стк. 9).

⁸⁶ tad-avadh=tam-iti yatas-tath-eti pratipādyā... ..[aṣṭaka-na*]vaka-nalā[bhya]m-apavimchya kṣetra-kulyavāpa(h*)m-ekaṁ(ekaḥ)-dattaṁ(ttaḥ) (SI, с. 281, стк. 10-11). *Нала* – мера длины, встречается в иных надписях. Букв. – тростник.

⁸⁷ В тексте – tataḥ āyuktaka .... (**затем служащий**...., SI, с. 281, стк. 11).

⁸⁸ Нет никаких оснований считать его государственным чиновником.

⁸⁹ В тексте tailika-śreṇī. Взнос был сделан ее руководителю (pravara), проживающему в городе. Сведения об этой организации крайне любопытны – в тексте оговаривается даже возможность ее ухода из города (apakramaṇa) и переселение (saṁpraveśa) в другое место.

например, SI, с. 283, стк. 2, с. 285, стк. 2), характеризуется как "склоненный перед ногами царя царей"⁹⁰.

Содержательная часть грамот из Дамодарпура⁹¹ всегда начинается с упоминания об обращении в *адхиштханадхикарану*⁹². В тексте от 124 г. эры Гупта читаем: "Так, по обращению брахмана Карпатика – вы соизвольте дать поле-пустошь, не обработанное и (прежде) не даримое, по три динара за кульявану, (в соответствии) с *nīvi-dharma*⁹³, навсегда, (пока я) могу наслаждаться солнцем, луной и звездами для использования (доходов от него) в моем жертвоприношении огню" (SI, с. 284, стк. 6-9). Сходные обращения присутствуют во всех пяти грамотах⁹⁴. Далее обычно говорится о подтверждении сделки указанной организацией, ее фиксации с участием "хранителей записей" и собственно о предоставлении земли. Схема эта воспроизводится во всех грамотах, различаясь лишь отдельными деталями.

Только учитывая частный характер земельных актов из Дамодарпура, можно комментировать содержание их начальных формулировок, сохранивших сведения о структуре местного управления. Важнейшей здесь представляется завершающая вступление фраза, занимающая место обычной для большинства дарений формулировки оповещения – "при главе⁹⁵ [входящих] в городской совет (адхиштханадхикарана)" руководителей ведущих городских организаций, "поддерживающем отношения"⁹⁶ (видимо не только с указанными организациями, но и с правителем *бхукти*), "следующем в области Котиварша"⁹⁷ (этому правителю или его выгоде, *bhogena*), его слуге (*tan-niyuktaka*).

"Городской совет" (адхиштханадхикарана), от имени которого выступал его руководитель⁹⁸, очевидно, был коллегиальным межобщинным органом. Возглавляемый местным правителем он выполнял как административные, так и судебные функции в пределах области Котиварша. Среди его членов во всех четырех случаях перечисляются руководитель гильдии городских торговцев (*nagara-śreṣṭhin*), (главный) караванщик (*sārthavāha*), старейшина ремесленников⁹⁹ (*prathamakulika*) и главный писец (*prathamakāyastha*).¹⁰⁰ Такой состав позволяет предполагать, что уже в то время в

⁹⁰ Формула аналогичная иной (*pād-ānuddhyāta*), встречающейся в надписях гуптского времени, фиксирует скорее покорность зависимого правителя, подобную покорности сына по отношению к отцу, чем какие-либо взаимоотношения административного характера.

⁹¹ В данном случае речь идет только о взаимодействии и функциях местной администрации в связи с оформлением документа о земле. Особенности земельных отношений, фиксируемые здесь, требуют специального внимания. Это важно подчеркнуть, поскольку не всегда выглядит обоснованным сведение смысла грамот только к фиксации продажи земли (основываясь на котором, исследователи, например, обсуждают цену на землю в Бенгалии во время Гуптов, см. например: SI, pt.II, с. 343, 352 прим.)

⁹² В одном из пяти случаев – в *аштакуладхикарану*, что не меняет сути. На мой взгляд, это были межобщинные организации, призванные осуществлять регулирование отношений, выходящих за пределы отдельной деревни. Появление нового землевладельца – именно такой случай.

⁹³ *nīvi-dharma* толкуется обычно как обычай, предусматривающий *постоянное пользование*. (См. например: Sircar D.Ch. Indian Epigraphical Glossary. Delhi, 1966, с. 220).

⁹⁴ Это было скорее всего связано с тем, что получатели (в двух случаях) и покупатели (в трех случаях – член межобщинного совета шрештхин Рибхупала, знатный житель Айодхьи и грамика Набхака) не принадлежали к местной земельной общине. Решения о распоряжении землей в таких случаях фиксировались, видимо, межобщинной территориальной организацией.

⁹⁵ Определения *аюктака* и др. (указывающие на связь с более высоким по положению *главой бхукти*) и *глава (пурога)* руководителей различных организаций общинного типа (входивших) в *адхиштханадхикарану* (что характеризует связь с организациями более низкими по уровню) относятся к одному лицу. В этом убеждает ед. число причастия *sañvyavahara*, всегда заключающего вступление.

⁹⁶ Букв. – при имеющем (или поддерживающем) отношения, связь, дело.

⁹⁷ Букв., *следующий за, проходящий на*. Суффикс *ka*, скорее не меняет смысла причастия *anuvahamāna*. Этот термин указывает на связь с правителем *бхукти* и может интерпретироваться как указание на то, что область была подвластна *главе бхукти*.

⁹⁸ Поэтому собственно в тексте грамот всегда употребляется мн. число.

⁹⁹ Термин этот толкуют по-разному. Бхандаркар, например, предлагал считать его *главой домохозяев* (СИ, III, с. 102-3), Д.Ч. Сиркар – *главным среди руководителей гильдий* (Sircar D.Ch. Indian Epigraphical Glossary. Delhi, 1966, с. 165), *главным ремесленником – представителем ремесленников в администрации города* (Sircar D.Ch. Indian Epigraphical Glossary. Delhi, 1966, с. 258).

¹⁰⁰ Это выглядит закономерно – правитель области входит в *городской совет* центрального города области, принимающий, кстати, решения по земельным вопросам, касающимся прежде всего области. Именно он, глава этого совета (*puroge* согласуется с *Vetravarmani* и *sañvyavaharati*), скорее всего автор грамот.

Бенгалии существовала целая иерархия¹⁰¹ негосударственных по происхождению, межобщинных административных органов. Этот "совет" возглавлял скорее всего местный правитель – не случайно, наряду с титулами "царевич-сподвижник" (кумараматъя) и "служащий" (аюктака), в грамоте от 224 г. он именуется правителем области-вишья (вишьяпати). Общий процесс постепенного повышения статуса местной власти (отмеченный нами на уровне державы Гуптов), безусловно, касался и указанных районов. Сосуществование же коллективной и единоличной форм правления не выглядит для Индии необычным – вспомним, например, что уже в малом наскальном эдикте Ашоки (версии Брахмагири, Сиддхапуры и Джатинга-Рамешвары) обращение царя Маурьев передается "махаматрам" Исилы "со слов *царевича и махаматров* Суварнагири."

Особенностью Дамодарпурских грамот является более сложная организация власти. Правитель области Котиварша, руководитель "городского совета", как следует из текстов, подчинялся "главе владения Пундравардхана", который был, видимо, зависимым от Гуптов правителем. Грамоты фиксируют изменение статуса и этого правителя – в период между 478 и 513 гг. н.э. к титулу "упарика" добавляется титул "великий царь" (mahājāja).

Отклонения от общей для грамот из Дамодарпура формы земельного акта, присутствующие в тексте от 163 г. эры Гупта, выглядят скорее результатом совмещения особой, присущей для данного района практики оформления грамот, с обычной. Здесь вступление распадается на две части. Первая, следуя общей форме, обрывается после упоминания царя-упарики. Затем текст как бы начинается сначала, и мы видим характерные для многих иных дарений грамот фразы: "*Приветствие! Из Палашиавриндака с уважением*¹⁰² – *аштакуладхикарана* – (а именно входящие в нее) *махаттары и другие* – *старосты-домохозяева-кутумбины*¹⁰³, (в деревне) *Чандаграмака брахманам и иным высоким*¹⁰⁴ *жителям-домохозяевам-кутумбинам, пожелав здоровья, говорят...*".

Сведения грамот гуптского времени из Бенгала (найденных в Байграме, Пахарпуре и Гунайгхаре, датированных 128, 159 и 188 эры Гупта) привлекаются в исследованиях намного реже. Между тем анализ этих грамот, сравнение их с грамотами из Дамодарпура может существенно дополнить наши представления о структуре общества того времени. Наиболее ранняя из них, найденная в Байграме (28 км от Дамодарпура в сторону Паталипутры), хотя и следует, по сути, структуре грамот из Дамодарпура, имеет ряд особенностей. Здесь не упоминается "бхукти" Пундравардхана и правитель - "упарика" (хотя расстояние между Дамодарпуром и Байграмом, местами нахождение грамот, минимальное), грамота оформлена от лица *кумараматьи-правителя области*¹⁰⁵ и "областного совета" (viśayādhikaraṇa)¹⁰⁶. Последний, как и "aṣṭakulādhikarāṇa" в грамоте из Dhanāidaha, "adhiṣṭhānādhikaraṇa" в грамотах из Дамодарпура, скорее всего также был местным коллегиальным межобщинным органом. И в данном случае правитель не являлся, видимо, одновременно его руководителем.

Согласно тексту этой грамоты, домохозяева, внеся сумму в 6 динаров и 8 рупака, "получают" наделы земли, которые они предполагают *подарить* храму. Но дарение храму не сводится только к передаче "трех кульявап необработанной земли". Передаются также два участка *собственной земли* каждого из них вместе с домом. Это (как и то, что текст грамоты сформулирован как указание совета отмеченным домохозяевам совершить дарение, в том числе их собственной земли) позволяет предполагать, что здесь воссоздается ситуация известного нам по иным грамотам типа дарения "по поручению". Домохозяева, выразив желание совершить благой поступок, подарив храму участок купленной и два участка их личной земли, обращаются в межобщинный совет, который фиксирует их дарение как свое поручение им.

Обращение в совет, чтобы получить возможность подарить собственную землю, свидетельствует и о существовании ограничений в распоряжении землей. Об одной из его

¹⁰¹ Сомнительно, чтобы каждый из обозначенных членов совета представлял одну конкретную организацию, а не их объединение, например "нагашрештхин" – только городское объединение торговцев.

¹⁰² Сиркар – (в соответствии) с официальным (указанием). (Sircar D.Ch. Indian Epigraphical Glossary. Delhi, 1966, с. 379); Бхандаркар – вместе с деревенским писцом (СII, III, с. 337).

¹⁰³ mahattar-ādy-aṣṭakulādhikarāṇa[kara]ṇa(ṇaṇ) - grāmika-kuṭumbinaś-ca

¹⁰⁴ Не низким, a-kṣudra .

¹⁰⁵ Он, как и правители "бхукти" Пундравардханы, иные цари, употребляя традиционную для грамот формулу (bhaṭṭāraka-pād-ānudyātaḥ), говорит о своей покорности Гуптам.

¹⁰⁶ Хотя в области Котиварша, наряду с правителем, существовал межобщинный совет ("адхистханадхикарана"), в грамотах из Дамодарпура предполагается иной баланс отношений – они оформлены только от лица правителя, возглавлявшего "адхистханадхикарану".

причин говорится в тексте – *кумараматья*, информируя (очевидно, домохозяев деревни) о том, что *хранители записей* (*записи* в данном случае скорее всего хранились в областном центре) подтверждают правила использования и цену земли, говорит, что подобная продажа *не создает противоречия царской выгоде* (na kaścid-rājārtha-virodha), (ибо) таким образом достигается плод дхармы государя и *шадбхага*, т.е. подати¹⁰⁷. *Кумараматья* здесь выступает посредником между местной организацией (которой предлагается "защитить это дарение") и правителем державы, как бы соблюдая интересы обоих – одновременно он предлагает домохозяевам определить границы выделяемого участка в месте, *не противоречащем (осуществлению ими) собственного земледелия* (svakarṣa-ñāvirodhi-sthāne).

Текст грамоты из Пахарпура (114 км к югу от Дамодарпура и 132 км от Байграма), относящийся к 159 г. эры Гупта, как и Дамодарпурские грамоты, связывается с Пундравардханой (здесь это уже не *бхукти*, *владение*, а город). Не упоминаются в нем ни царь Гуптов, ни иные правители более низкие по статусу. Даже об авторах грамоты говорится кратко – *Приветствие! Из Пундравардханы. Аюктака и городской совет, возглавляемый благородным главой городских купцов (и другими?)... лучших из брахманов, махаттаров и других оповещают*¹⁰⁸, *пожелав (им) здоровья*. Вместе с тем много места в грамоте уделено перечислению участков, располагавшихся в разных деревнях (список этот повторяется **трижды**). И участки подаренной земли располагаются на территориях подвластных, видимо, разным местным правителям – как *по соседству*¹⁰⁹ [с владениями?] Palāśātta, правителя–*мандалики*¹¹⁰ в Nāgiraṭṭa¹¹¹, в "dakṣiṇām śakavīthī" (букв., на пути,¹¹² связывающем с южной частью [царства]), так и в деревне Nitvagoḥālī, входящей в *основные* (земли правителя) Nāgiraṭṭa, в деревне Pṛṣṭhimapottaka, входящей¹¹³ (во владения) Jambudeva.¹¹⁴

Содержательная часть грамоты начинается с обращения брахмана Натхашармана и его супруги Рами в *адхиштханадхикарану* с просьбой о предоставлении земли для осуществления, очевидно, частного дарения. *Хранители записей подтверждают цену земли*¹¹⁵ и дается указание на то, что в продаже этой *нет противоречия* (очевидно, интересам государя), *поскольку таким образом достигается возрастание выгоды для государя, выражающейся в накоплении дхармы и достижении шадбхаги* (т.е. податей). Таким образом, с некоторыми особенностями здесь воспроизводится общий для грамот гуптского времени из Бенгала механизм оформления сделок с землей.

В отличие от рассмотренных грамот, *дарение* Вайньягупты из Гунайгхара (следует подчеркнуть, что это дарение царя Гуптов) следует особой форме. Структура первой части грамоты Вайньягупты выглядит аналогичной большинству документов такого рода, состоит из вступления, приветствия и обращения царя, обозначения цели дарения, его получателей – учителя Шантидевы и общины монахов, проживающих в вихаре Авалокитешвара-ашрама. Примечательна здесь лишь формула оповещения – правитель державы из военного лагеря в

¹⁰⁷ Как мне представляется, "царские интересы" – формулировка скорее идеологического характера, основывающаяся на традиционных представлениях. Определяющим здесь было то, что подати шли скорее всего в областную организацию, и в том числе для "кормления" самого "кумараматии".

¹⁰⁸ Здесь, как и в грамоте из Байграма, мн. ч., что позволяет предполагать обращение от аюктаки и городского совета.

¹⁰⁹ Такое значение приводит Д.Ч. Сиркар в *Эпиграфическом словаре*, что отлично от его же мнения в SI, с. 346

¹¹⁰ Термин не может переводиться, как круг государств. Д.Ч. Сиркар в SI, с. 346 противоречит сам себе (ср. Sircar D.Ch. Indian Epigraphical Glossary. Delhi, 1966, с. 195).

¹¹¹ Возможно, = nāgi-raṣṭra

¹¹² *Административная* интерпретация термина vīthī вызывает значительные сомнения, не только исходя из общего контекста этой и иных грамот из Бенгала времени Гуптов, но также исходя из того, что сюда включаются владения *мандалики*, считать которого *чиновником* нельзя.

¹¹³ prāveśya = praveśya. Ср. значение одной из наиболее часто встречающихся т. наз. *иммунитетных* формул (a-bhaṭa-chatra-prāveśya). Смысл этого термина, как представляется, не в физическом включении деревни в то или иное объединение, а в обозначении, под чьей юрисдикцией она находилась. Запрет доступа в деревню слугам царя – льгота как фискального, так и судебного характера. Исходя из такого толкования, можно объяснить конструкцию jambudevapraveśya, где Jambudeva скорее всего имя владельца (аналогично мнению Д.Ч. Сиркара – SI, с. 346).

¹¹⁴ Естественно, предполагается, что вихара и учитель будут получать доход от этого поля. Владение этого Джамбудевы скорее всего также сводились к праву на часть податей деревни.

¹¹⁵ В отличие от Дамодарпурских грамот, здесь, как и в грамоте из Байграма, говорится о *продаже земель свободных от податей без какого-либо возмещения* (samudaya-bāhyā-apratikara, SI, с. 347-348, стк. 4, 5, 11), ср. samudaya-bāhyā.... akīñcit-pratikarāñām, SI, с. 343-344, стк. 5, 6, 11, 12

Крипуре, склоненный перед *божественным Махадевой*¹¹⁶, *оповещает о дарении своих слуг* (svapāḍorajīvināḥ), *брахманов и других домохозяев*¹¹⁷, желая всем здоровья. "Слуги" здесь, конечно, не дворня, а *знать, сторонники* царя, различные местные правители. Один из них, махараджа Рудрадатта, по уведомлению которого подготовлено дарение, в стр.3 даже именуется pādādāsa (*раб у ног [царя Гуптов]*).

Во второй части говорится, что посланец (дутака) *царя, великий царь* (mahārāja), *великий сосед* (Śrī-mahāsāmanta)¹¹⁸ Виджаясена, *великий привратник* (mahāpratīhāra), *великий предводитель отряда слонов* (mahāpīlupati), *глава совета пяти* (pañcādhikarāṇoparika)¹¹⁹, *глава правителей* (pātyuparika)¹²⁰ и *глава защитников городов* (puraṇāloparika)¹²¹ осуществил ритуал дарения 11 участков в присутствии *кумараматхи* Реваджасвамина и двух *владельцев* (bhogika). Наличие такой титулатуры (где дутака, видимо, не только зависимый от Гуптов царь, но и одновременно руководитель межобщинного совета) позволяет сомневаться в возможности существования в то время в Бенгале иной "государственной" администрации. Основное содержание второй части грамоты (14 строк из 31), записанное Нарадаттой, писцом "совета" по соглашениям и спорам (sandhivigrahādhikarāṇakāyastha=naradattena)¹²², фиксирует границы пяти подаренных монахам участков земли.

Изложенные выше сведения позволяют сделать ряд предварительных выводов. Государство Гуптов, по сведениям грамот, представляется как объединение *царств, владений (бхукти), областей (вишая)*, образование которых вряд ли было связано с самими Гуптами. И это соответствует общим сведениям о формировании державы последних, представлявшей собой объединение различных царств и территорий, сохранявших значительную степень автономии, своих правителей, администрацию и т.д. Грамоты из Бенгала по большей части фиксируют действия *областной администрации*. Решения на этом уровне принимали *коллективные органы* – *совет областной межобщинной организации* (viṣayādhikaraṇa), *городской совет* (adhiṣṭhānādhikaraṇa)¹²³, состоявший из представителей (или глав) ведущих городских (и скорее всего областных) *профессиональных объединений* – торговцев, караванщиков, ремесленников и писцов, *междеревенский совет восьми родов* (aṣṭakulādhikaraṇa), состоявший, видимо, из землевладельцев, брахманов и старейшин (*грамика, махаттара*). Существование такого *коллективного органа* было связано с задачей решения и подтверждения вопросов, выходящих за пределы компетенции деревенской общины, спорных проблем, в том числе связанных с передачей земли в деревне лицам, не принадлежащим к общине, храмам. Исходя из основных своих задач, такой *совет* мог именоваться *присутствием по спорам и соглашениям* (sandhivigrahādhikaraṇa)¹²⁴.

¹¹⁶ Эта формула (~pādānāddhyatho=~pādānuddhyataḥ) обычно интерпретируется как обозначение отношений сына и отца, зависимого государя и сюзерена. В данном случае царь Гуптов говорит о своем преклонении перед богом.

¹¹⁷ Около 8 знаков здесь утеряно. Д.Ч. Сиркар предлагает восстанавливать их – brāhmaṇāḍīnkuṭumbinaḥ или samavetānkuṭumbinaḥ. Второй вариант выглядит странным.

¹¹⁸ Распространенный в средневековье титул, обозначающий зависимого царя.

¹¹⁹ Термин, встречающийся в эпиграфике (см. например: Sircar D.Ch. Indian Epigraphical Glossary. Delhi, 1966, с. 229), интересен тем, что подтверждает нашу интерпретацию термина "упарика" (см. выше) и фиксирует еще одну "*адхикарану*", возможно аналогичную упоминавшимся выше межобщинным организациям (в том числе и по числу участников, ср. состав "адхиштханадхикараны" в грамотах из Дамодарпура, возглавляемой правителем области, по существу, прообраз "панчаята"), существующую *наряду* с царской властью. Толкование Д.Ч. Сиркара *глава пяти департаментов* выглядит явно ошибочным, тем более, что лицо, обозначаемое таким термином, очевидно, зависимый царь.

¹²⁰ Трудно согласиться с Д.Ч.Сиркаром, который, отталкиваясь от значения rāṭi, арифметика, интерпретирует термин как *руководитель счетного департамента*. Скорее, здесь имеет место ошибка от rāṭi.

¹²¹ Интерпретация термина Д.Ч. Сиркаром в SI, с. 333 (*руководитель полиции в царском городе*), как и в выше указанных случаях, представляется нам искусственной.

¹²² Представляется возможным соотносить этот "совет" с упомянутым выше "советом пяти", которым руководил царь Виджаясена, выполнявший функции "посланца" Вайнягупты при осуществлении рассматриваемого дарения. Так, на мой взгляд, могли именоваться все органы, именуемые "*адхикарана*", осуществлявшие прежде всего медиативные функции (выражавшиеся в решении споров и оформлении соглашений) по отношению к организациям и структурам более низкого по сравнению с ними уровня.

¹²³ Возможно, это одно и то же. Термин adhiṣṭhānādhikaraṇa можно переводить и как "*центральный совет*", поскольку решения его касались проблем землепользования в деревнях, входящих в область. Кроме того, в ряде случаев говорится, что этот орган возглавлял правитель области (вишаяпати).

¹²⁴ Или термином sandhivigrahika мог именовать себя его *глава* – в ряде случаев правитель области.

Наряду с принимавшим решения *коллективным межобщинным органом* (который представляется неким прообразом "законодательной" власти), в грамотах всегда присутствует (в том числе нередко и как *глава* последнего) исполнитель этого решения. В его компетенции было не только оформление грамоты и оповещение деревенских жителей о дарении (от своего лица и от имени "совета"), но и *осуществление* дарения (т.е. передача земельного участка получателю скорее всего с совершением специального ритуала). В рассмотренных грамотах он именуется различными терминами. Однако нет никаких оснований считать его представителем гуптской администрации, *чиновником*. Возглавлявший "межобщинный совет" Пундравардханы "кумараматья", по сведениям уже наиболее ранних грамот из Дамодарпура, был скорее, по существу, местным правителем. Не случайно поэтому в более поздних грамотах он именуется не только "служащим" (аюктака) и "царевичем-сподвижником", но и "правителем области" (вишяпати) и даже позже – "великим царем".

Сведения грамот из Бенгала позволяют судить лишь об одной, хотя и важнейшей сфере, подконтрольной областному совету – сфере землевладения. Эта организация, видимо, обладала правом контролировать перераспределение земли, ее покупку и продажу (участия ее не требовалось, возможно, лишь в тех случаях, когда передел происходил между членами деревенской общины). Именно в *областной совет* следовало обращение с просьбой о покупке земли, здесь, видимо, оплачивалась покупаемая земля, составлялся документ о продаже или дарении, и после принятия решения члены областного совета могли участвовать, наряду со своим руководителем – правителем области, в определении границ передаваемого участка. Грамоты, составленные от имени правителя области, фиксирующие решение этого *совета*, позволяют судить о том, что на уровне области (в Бенгале) административные функции исполнялись межобщинной организацией, в рамки которой включался (нередко как ее руководитель) и правитель области.

* * *

Важной частью источников гуптского времени являются надписи зависимых от Гуптов царей, территории которых, как считается, были включены в державу Гуптов. Формальной причиной нашего выделения комплексов грамот царей Уччакальпы, Багха и династии Паривраджаков является то, что их авторы – представители царских династий. Для настоящей работы сведения этих источников представляют особый интерес, поскольку позволяют не только характеризовать особенности социально-политического устройства соответствующих районов, но и судить о месте царства в структуре державы Гуптов.

Комплекс дарений царей династии Паривраджаков и правителей Уччакальпы относительно невелик – все тексты, 11 грамот, датированные 156-214 годами эры Гупта (476/477 – 534/535 гг. н.э.), были опубликованы еще Дж. Флитом (Fleet, с. 95-139). Указанным царствам были подвластны территории между р. Соном и Кеном в их среднем течении – в этом убеждают места находок грамот, а также то, что упоминаемые в грамотах деревни, если справедлива их идентификация, локализуются в непосредственной близости от этих пунктов.

Хотя грамоты царей Уччакальпы и династии Паривраджаков датированы концом V–началом VI вв., царства эти существовали уже, как минимум при ранних Гуптах, в конце IV в. Паривраджаки, кроме основателя рода, аскета Сушармана, перечисляют пять поколений царей, цари Уччакальпы – шесть. В грамотах последних (в отличие от Паривраджаков, не заявлявших прямо о своей покорности Гуптам) в значительно большей степени ощущается влияние Гуптов и гуптской эпиграфики. Так, например, изложение генеалогии царей (где, как следует подчеркнуть, упоминаются не только цари, но и, как у Гуптов, их главные царицы, матери будущих царей)¹²⁵ построено с использованием характерной для гуптской эпиграфики фразеологии.

Хотя указанные царства и были ко времени составления грамот скорее всего включены в державу Гуптов, правители их вели, видимо, вполне самостоятельную политику, стремясь к расширению своих владений. В этом убеждает свидетельство грамоты Самкшобхи Паривраджака, который характеризуется как *"...стремившийся защищать перешедшее ему по наследству царство Дабхала, вместе с 18 лесными царствами..."*.

Закljučают все грамоты обычные для такого рода текстов приписки, упоминающие лиц, оформивших эти дарения. Основываясь на информации этой части грамот, можно судить о том, что *двор* царя и круг лиц исполнявших его поручения (т.е. *административные функции*)

¹²⁵ В эпиграфике того времени это характерно прежде всего для Гуптов.

формировался, по-видимому, также прежде всего из *владельческой знати*. Грамоты Хастина Паривраджака от 156 и 163 гг. были оформлены (likhitañ) Сурьядаттой, а от 191 г. – его сыном Вибхуадаттой. Они именуют себя mahāsāndhivigrahika, [*наделенный правом подтверждать/соглашения [и решать] споры*, перечисляя, **как цари** трех или четырех своих предков¹²⁶, по отношению к которым употребляются весьма распространенные в литературе и эпиграфике термины *бхогика* (*владелец бхоги*, крупный землевладелец) и *аматья*, *сподвижник царя*, не оставляющие сомнения для определения их статуса. Указанные в грамотах царей Уччакальпы как "*записавшие*" грамоты (в одном случае bhogika, в двух sāndhivigrahika и в двух – mahāsāndhivigrahika) приводят также три-четыре имени своих предков, именуемых bhogika и amātya. Но здесь упоминаются уже две династии таких исполнителей.¹²⁷ В грамотах от 174 и 177 гг. посланец (обязанностью "дутаки", как считается, было доставить текст дарения) Шарвадатта имеет титулы "uparika" ("*глава*"), dikṣiṭ (брахман или *прошедший обряд посвящения*), gṛharatī (*домовладелец*) – sthapati-samrāt (возможно, *глава архитекторов, строителей*)¹²⁸. Титул "глава" (упарика) имеет в грамоте от 197 г. посланец Матришива, а в дарении от 193 г. посланец Шивагупта назван великий военачальник-кшатрий (mahābalādhikṛta-kṣattriya). Присутствие термина samrāt (в текстах он обычно выступает как титул *верховного царя, императора*) выглядит особо значимо, подтверждая не только влияние на эпиграфику литературной традиции, но и условность значения многих специальных, толкуемых как "административные" терминов, которые можно понять, как в данном контексте, только исходя из их буквального значения. Также следует, видимо, подходить и к истолкованию термина "упарика" ("глава", руководитель на любом уровне – так в грамотах из Дамодарпура и Гунайгхара именуются цари), часто употребляющегося и в более поздних дарениях термина "mahāsāndhivigrahika" ("*наделенный правом подтверждать/соглашения [и решать] споры*")¹²⁹.

Присутствующая во всех дарениях царей Уччакальпы формула обращения к жителям подаренных деревень: "Вы же будете осуществлять привоз податей – бхагабхога, кара (и других), и будете покорными, выслушивая его (т.е. получателя дарения) приказы"¹³⁰, имеющаяся, кстати, и в дарениях Самудрагупты, позволяет судить о сути отношений, фиксируемых в грамотах – брахманам или храмам передавалась власть над деревней. Цари в грамотах гарантировали власть новым владельцам, призывая "будущих царей", своих родственников и "слуг"¹³¹ (kulottha, upajivinaḥ) не нарушать права получателей дарения: "Не должны быть захвачены подати, не должны для царей"¹³².

Отдельные свидетельства грамот Паривраджаков и царей Уччакальпы позволяют, на мой взгляд, судить о важных особенностях социально-политического устройства данного региона и выходят за пределы существующего представления о структуре царства как политического образования. Прежде всего, следует упомянуть надпись на пограничной колонне из **Bhumara**, установленной Шивадасой, сыном старосты (grāmika) по имени Васу, внуком Инданы в Амблode, *во владениях великого царя Шарванатхи в царстве великого царя Хастина*.¹³³ Складывается впечатление, что деревня эта была одновременно подвластна царям двух различных династий. Сходную информацию дает нам дарение Самкшобхи Паривраджака (от 209 г.). Здесь фиксируется дарение половины деревни Oraṇi в Maṇināga-peṭha (peṭha – небольшое

¹²⁶ Таким образом, говорится о целой династии – mahāsāndhivigrahika-Suryadata, отец mahāsāndhivigrahika Vibhudatta был сыном bhogika-Ravidatta, внуком, bhogika-Naradatta (в грамоте от 156 г. – bhogik-āmātya), правнуком Vakkr-āmātya (примечательно, что в последнем случае термин помещен после имени как его часть). В грамоте Самкшобхи (209 г.) говорится об иной "династии" исполнителей – здесь называется Eśvaradāsa, сын Bhujaṅgādasa, внук Jivita.

¹²⁷ bhogika-Guṇjakīrtin, сын bhogika-Dhruvadatta, внук Rājyil-āmātya а, также братья sāndhivigrahika-Gallunā и mahāsāndhivigrahika-Manoratha внуки bhogika-Phālgudatt-āmātya, сыновья bhogika-Varāhadinna и сын Manoratha - sāndhivigrahika Natha.

¹²⁸ Дж. Флит, предлагая такое толкование, отмечает в примечании, что термин неясен и предлагает иное – superintendent of the attendants of the women's apartments (Fleet, с. 120).

¹²⁹ Так мог быть обозначен руководитель любой организации, осуществлявшей медиативные функции (в том числе и подтверждение факта дарения, передачи земли).

¹³⁰ Te uṇyam=asya samuchita-bhāgabhogā-kara-pratyāy-ōpanayaṇ ka(ri)ṣyatha ājñā-śravaṇa-vidheyāś=cha bhaviṣyatha. В грамоте от 177 г. перечисление податей выглядит как *шулка, бхагабхога, кара, золото и иные* (śu[ī*]ka-bhāgabhogā-kara-hiraṇy-ādi-pratyāy-ōpanayaṇ).

¹³¹ Под которыми, как и во многих иных случаях, в эпиграфике и текстах понимаются знать, "слуги" царя в широком смысле слова.

¹³² samuchita-rāj-ābhāya-kara-pratyāyā na grāhyāḥ[ī*].

¹³³ mahārāja-Hastirājye Āmblode mahārāja-Śarvanātha-bhoge (Fleet, с. 111).

территориальное объединение, **группа деревень**). Но, согласно грамоте Шарванатхи, царя Уччакальпы, оформленной по просьбе Pulindabhaṭa (bhaṭa=bharṭr), датированной 214 г., две подаренные для поддержки храма Пиштапурика-дева деревни – Vyāghrapallika и Kācharapallika – находились в рамках того же объединения (Maṇināga-peṭha), т.е. получается, что одно и то же объединение деревень было подвластно царям разных династий. Обе эти грамоты, как и дарение Шарванатхи без даты, фиксируют дарения одному и тому же храму Пиштапури в городе Манапура. При этом грамота Самкшобхи Паривраджака оформлена по просьбе Choḍugomin, а грамота Шарванатхи Уччакальпы, возможно, фиксирует дарение этому же лицу (Choḍugomika). К отмеченным выше свидетельствам грамот можно добавить и то, что большая часть перечисленных дарений двух династий (8 из 11) были найдены в одной деревне Khoh, в 3 милях от Uchahara. Причина этого, возможно, в том, что здесь находилось хранилище такого рода актов.

Все эти свидетельства не могут быть объяснены только отсутствием понятия "граница" как в литературной традиции, так и скорее всего в непосредственной политической практике того времени. Подобного рода отношения, когда власть над одним и тем же объединением деревень одновременно осуществляли два царя, т.е. два руководителя различных государств, когда один царь, глава государства правил в области, расположенной во владениях иного царя (о чем говорится прямо), не будучи подчиненным последнего, побуждают сомневаться в справедливости признаков, руководствуясь которыми мы отличаем государство от не государства – для "административно-территориальной структуры" такая ситуация выглядит странной. Здесь скорее имело место условное подчинение двум царям территориальной общины, продолжавшей существовать как целостная организация.

Однако для социально-политической структуры, как она зафиксирована в литературной традиции, в КА и иных памятниках, такая ситуация выглядит вполне приемлемой. Царство здесь понимается как объединение разного рода правителей и коллективов, осуществлявших власть в пределах относительно более мелких территорий. Политическая теория, следуя традиции и, возможно, обычной практике¹³⁴, выработала понятие чакра или **мандала** (круг царей), достаточно четко характеризующее весьма условный, персонализированный характер таких объединений, не затрагивающих внутренней структуры. Власть царя, наиболее сильная в центре его державы (*мула, основа*), на окраинах, очевидно, не могла быть таковой – в таких условиях территория могла *принадлежать* (выражение покорности скорее всего не очень обременяло местных правителей) одновременно, даже нескольким крупным царствам. Таким же образом, возможно, были организованы и владения подчиненных царю правителей, знати, т.е. о территории царства можно говорить скорее как о сфере влияния того или иного царя. Поэтому не случайно в качестве одного из "7 элементов царства (*саптанга*)" всегда называется митра (царь - союзник, а не подвластная ему территория, в Махабхарате он даже называется вторым по значимости элементом после царя). Такого рода отношения, как мне представляется, были широко распространены в индийском обществе того времени. Они позволяли авторам политических трактатов учитывать возможность существования в пределах одного царства разделения знати на группы "сторонников" и "противников" царя. В рамках таких отношений существовала возможность для любого представителя знати, не только зависимого царя-союзника, но и сподвижника царя ("аматья") и даже вождя лесного племени вести двойственную политику, например для вида выказывая вражду царю, а втайне способствуя его победе над противником. КА даже употребляет характерный для такой ситуации термин "*вьянджана*" (выглядящий как). В реальности это могло означать также и возможность подчинения одной областной организации (продолжавшей жить по своим законам и управляться своей администрацией) двум царям, одного царя – двум "верховным правителям". Во всяком случае так можно объяснять тот факт, что царь Вьягхра, надписи которого найдены в Ganj и Nachne-ki-Talai, рядом с местом находок грамот царей Уччакальпы (если верно его отождествление с царем Вьягхрадева) заявлял уже о своей покорности Вакатакам, правителям второй по могуществу державы того времени.

* * *

---

¹³⁴ Так, например, при осуществлении важнейших царских церемоний – раджасуи и ашвамедхи, предполагалось завоевание именно такого рода, достаточным считалось выражение покорности совершающему ритуал царю.

В 1982 году в 1 км от Багха (дистрикт Дхар, Мадхья Прадеш), рядом с храмом Bagheśvarī в одном контейнере было найдено 27 медных табличек, относящихся ко времени Гуптов с дарственными грамотами *царей Валкха* (до этого открытия были известны только 5 грамот царей этой династии). Открытие настоящего клада не только внесло большую ясность в представления о политической истории западной Индии в 1 пол. I тысячелетия н.э. Исследователи получили уникальный по объему комплекс (32 грамоты) прекрасно сохранившихся дарений гуптского времени (напомним, что иной крупный комплекс того времени – Вакатаков насчитывает 32 грамоты). Все они состоят из 8-11 строк и представляют собой в значительной степени унифицированные тексты, имеющие аналогичную структуру, использующие сходные формулировки, терминологию. Уникальность клада состоит и в том, что аналогичной по объему (27 грамот в одном контейнере) находки более не известно. На всех грамотах отсутствует отверстие для кольца¹³⁵, печати, и на краю каждой содержится вертикальная строка с именем царя и его титулом в род. падеже. Смысл последней не связан с содержанием грамот (такое упоминание лишнее, поскольку все они оформлены от лица именно этого царя). Скорее надпись свидетельствует о принадлежности имеющих в нашем распоряжении копий грамот, что в свою очередь объясняет тот факт, что все они были найдены в одном месте. Возможно, мы имеем дело с остатком архива (akṣapaṭala)¹³⁶, в котором хранились царские копии предоставленных пожалований.

В грамотах прямо не говорится о включении этого царства в рамки державы Гуптов – они лишь датированы по эре Гупта и здесь используется характерная для надписей времени Гуптов формула Paramabhaṭṭāraka-rād-ānudyāta ("склоненный перед ногами великого правителя"), которую обычно расценивают как указание на зависимость от Гуптов, именуемых в эпиграфике указанным титулом. Эти свидетельства, учитывая географическое расположение области, подвластной царям Валкха (районы сев. Хандеша-Дхара-Алираджпура, по обоим берегам Нармады), через которую проходили наиболее удобные пути из долины Ганга в Катхиавар и Гуджарат, подчиненные Чандрагуптой II, позволяют с достаточной долей уверенности судить о том, что Гупты скорее всего должны были включить это царство в зону своего влияния, подчинить их правителей. Это царство, как и области, подвластные Паривраджакам, царям из династий Уччакальпа, Оликара (правившим в Мандасоре), царям Санакаников из Удайгири, представляли собой сплошной фронт зависимых государств, располагавшихся по южной границе державы Гуптов. Важно отметить, что оно существовало в эпоху наибольшего расширения державы, как минимум с 38 по 134 гг. эры Гупта.

Хотя тексты грамот в значительной степени унифицированы, их свидетельства позволяют уточнить отдельные представления об особенностях устройства современного царям Валкха общества. Наибольший интерес здесь представляет сопоставление обычных для дарений формул оповещения (именно в этой части грамот нередко приводятся списки терминов, которые толкуются исследователями, как обозначения "чиновников") с запретительными формулами, призывающими не чинить препятствий получателям дарения (обычно в грамотах, обращенных к "царям будущего"). Примечательны здесь различия, связанные с дополнением выражения – "оповещает всех слуг"¹³⁷. В грамотах Бхулунда (13.2¹³⁸ и 7.2) текст обращен к *слугам и их подчиненным* (āyuktaka-viniyuktakān) и *главным (или лучшим) слугам* (pradhān-āyuktakān). В грамотах Бхаттараки (29.3; 31.2) обращение царя направлено *ко всем его слугам и деревенским жителям, собравшимся в деревне* (samupagatān svān-āyuktakān grāma-prativāsinas=[cha] - Бхаттарака, 102 г., стр. 2-3). И, наконец, в грамоте Бхулунды (2.1-2) оно неожиданно дополняется: "оповещает всех своих слуг – сторожей, сподвижников, исполнителей, правителей-владельцев, bhaṭa-chchhatr и других"¹³⁹. Сходным образом формулируется обращение и в грамоте Нагабхаты (32.2-3)¹⁴⁰.

Сопоставление формул оповещения с запретительными формулами позволяет сделать вывод, что обе части текста дарения обращены **к одним и тем же лицам**. Здесь перечисляется целый ряд терминов, ранее обычно интерпретировавшихся как *административные*, как обозначения

¹³⁵ Возможно, это объясняется и тем, что каждая грамота нанесена только на одну пластину.

¹³⁶ Ср. упоминающиеся в надписях Самудрагупты anugrāmākṣapaṭala (SI, с. 272, стк. 11, с. 274, стк. 15).

¹³⁷ santakān-āyuktakān. Ср., например, встречающееся в большинстве грамот Вакатаков выражение yatasmāt-santakāḥ sarvāddhyakṣa-niyoga-niyuktāḥ.

¹³⁸ Все ссылки на тексты грамот даны по: A copper-plate hoard of the Gupta period from Bagh, Madhya Pradesh. Ed. by K.V. Ramesh and S.P. Tewari. New Delhi, 1990. Первая цифра – номер надписи в этом издании, вторая – строки.

¹³⁹ asmat-santakān=ārakṣik-āmātya-kṛtyakara-bhojaka-bhaṭa-chchhatr-ādīn-āyuktakān.

¹⁴⁰ asmat-āyuktakān ś-chāṭa-bhaṭa-preṣanik-ādīn.

чиновников. Царь, однако, вряд ли бы обращался с просьбой *не препятствовать* дарению к своим служащим-чиновникам, поскольку они обязаны были следовать его грамотам по долгу службы. Все упоминаемые лица могут именоваться обобщенно āyuktaka (слуга, см., например: 2.1-2; 32.2-3 и 1.7-8; 2.6-7; 7.7), что необходимо подчеркнуть, учитывая традиционно неточную "административную" интерпретацию этого термина. При этом среди них есть *главные* (pradhān-āyuktakān 7.2, ср. употребление термина "прадхана" в КА) и занимающие более низкое положение (viniyuktakān). Одновременно термином āyuktaka, судя по контексту 2.6-7, именовали и храмовых слуг (в столь же широком значении), никак не связанных с царем¹⁴¹. В качестве *слуг* в грамотах перечисляются лица, имеющие титулы āraṣṣika (*охранник*, присутствует в запретительной части в 14 грамотах), preṣaṇika (*отправитель посланцев*, присутствует в 15 грамотах), amātya (*сподвижник*), bhojaka (*владелец, правитель*), bhaṭa-chchhatr¹⁴² (букв., *воин и носитель зонты*, присутствует в 15 грамотах), kṛtyakara (*исполнитель*) и другие. Запретительная часть грамоты Бхулунда от 54 г. формулируется так: "Таким образом, это должно быть признано всеми (нашими) слугами (āyuktaka, 7.7-8)". Наряду с указанными лицами, в запретительной части обычно упоминаются родственники царя (tat-kulīna в 14 грамотах и tat-kulya в шести иных). И все они в большинстве случаев (в 25 грамотах) именуется **(представителями) группы сторонников [царя]** (rakṣa или rakṣīya)¹⁴³. Список *сторонников* царя – приводимые здесь крайне неопределенные титулы немного говорят об их носителях. *Охранником (или защитником), сподвижником (царя), исполнителем, владельцем* мог считаться правитель и глава организации любого уровня, в том числе, клана и деревни. *Привратник, выпускающий приказы, камердинер и писец* вряд ли были простыми слугами, как и "дутака", посланец царя, который иногда наделяется популярным в более поздних надписях термином *пратихара* (*привратник*), со слов которого, видимо, фиксировалось дарение¹⁴⁴. Одновременно "владельцем" именуется и инициатор дарения *правитель Бандхула*, и *поручитель Бхута* (2.4). Появление в надписях из Багха важного в КА термина "пакша" особо примечательно – оно не только свидетельствует о знакомстве авторов грамот с политической литературой, но и позволяет с достаточной долей уверенности судить о достоверности представлений о социально-политическом устройстве общества, отраженных в КА. Последнее в представлениях авторов Багхских грамот строилось, как и в КА, на основе взаимодействия царя со знатью, правителями более мелких областей, главами территориальных и иных организаций.

Указанные различия в формулировке обращения и запретительной части вряд ли можно считать ошибками. Они органично встроены в текст дарения, являясь следствием желания автора истолковать определенные общие термины, обозначить круг лиц, к которым обращена грамота. Особая конструкция содержания в большинстве Багхских грамот (обусловленная формулой "Мы оказываем расположение", в большинстве случаев заменяющей обычное для грамот указание на акт дарения) позволяет утверждать, что оповещение и запретительная часть обращены, очевидно, не к слугам-чиновникам, а к местной знати, руководству и являлись по смыслу в данном случае **основной задачей дарственных грамот из Багха**. Суть отношений, фиксируемых в отдельных грамотах (например, в дарениях знатного bhojaka-bhaṭṭa¹⁴⁵ – Bandhulā), не сводится ни к правовой стороне (Бандхула сам владелец и даритель), ни к ритуальной (участие царя в дарении сомнительно, оно не несет ему духовной заслуги). Царь выступает

¹⁴¹ mahāmātṛīṇā[m*] santak-āyuktaka-devakarṁmiṇaś=cha (2.5-6).

¹⁴² В ряде грамот гуптского времени в качестве второго термина в этой паре присутствует chāṭa, который обычно толкуется как синоним термина schatr. Букв. перевод – носители зонты и воины-наемники. Эпиграфисты нередко уделяли значительное внимание толкованию этих терминов, употреблявшихся уже в грамотах Сатаваханов (см.: Sircar D.Ch. Indian Epigraphical Glossary. Delhi, 1966, с. 51, 67-68, 73). Обычно их считали "полицейскими", исходя из отдельных контекстов (например, запрет вступать на территорию дарения, *кроме случаев поимки воров и пр.*, EI VIII, с.287). Однако, чтобы выполнять судебные функции, как впрочем и фискальные (при этом специальной администрации в то время, видимо, не существовало), было необходимо обладать как соответствующим статусом, так и материальными ресурсами. Поэтому они скорее напоминают махматров из КА или махматров Ашоки, занятых объездами.

¹⁴³ В шести случаях говорится просто – *должно быть признано всеми представителями нашей rakṣa*, в 7 случаях, когда этот термин отсутствует, можно предполагать, что он просто пропущен (например, в грамотах от 54, 56, 69 гг.), либо заменен (грамота от 54 г.). В двух случаях (грамоты 102 и 129 гг.) запретительная часть отсутствует.

¹⁴⁴ Это четко прослеживается в Багхских грамотах – либо в тексте говорится *из (собственных) уст* (samukhaṁ, в 11 случаях), либо обозначен *дутака*.

¹⁴⁵ Возможно = Bhojakā, Bhaṭṭa (bhartṛ) – титул владельца, правителя. Bhaṭṭi, видимо, имеет аналогичное значение.

формально только как верховный правитель (подчеркивая в первой же строке, что идея дарения исходит от правителя еще более высокого уровня, от "*Парамабхаттары*"). Одобряя действия Бандхулы, призывая своих *слуг* (которые в обществе, видимо, занимали аналогичное указанному *бходжике* положение¹⁴⁶) признать их, царь выступает как политик в духе рекомендаций и концепции, отраженных в Артхашастре, получая взамен лояльность могущественного *бходжика*, других лиц, принадлежащих к его паке и всего иерархически организованного общества. Возможно, аналогичная ситуация подразумевается и в некоторых иных грамотах (№13, 14, 19, 26), где указывается только прежний владелец.

4. Заключение. Социально-политическая структура древнеиндийского государства и проблема критериев государства.

Полученные нами при рассмотрении концепции “идеального царства” КА, свидетельств надписей I-V вв. н.э. о структуре общества современного Сатаваханам, Паллавам и Гуптов выводы позволяют несколько по иному взглянуть на общий процесс формирования и эволюции государства в древней Индии. При осмыслении этих выводов, однако, было бы значительным упрощением, на мой взгляд, сводить их к тезису о “безгосударственности” или “неразвитости государственности” в древней Индии. Нет никаких оснований также считать отмеченные общие особенности “идеального” государства КА и конкретных царств I пол. I тыс. н.э. свидетельствами об уникальности пути Индии в построении государства. Основанием для такой точки зрения может служить соотнесение полученных в настоящей работе выводов с общепризнанными, перечисленными выше “признаками государства”, анализ логики их формирования. Предлагаемая ниже попытка такого соотнесения не претендует на полноту, скорее ее следует расценивать как предложение к обсуждению проблемы формирования государства с учетом постепенности эволюции социально-политического устройства общества, преемственности в развитии форм социальной интеграции.

Одной из важнейших особенностей “государства КА”, царств I пол. I тыс. н.э., как мы отмечали, являлась “естественность”¹⁴⁷ их сложения, следующая, на мой взгляд, общей логике эволюции традиционного общества. Отдавая себе отчет о противоречивости и разнотенненности этого процесса, движение общества к созданию все более и более широких объединений, позволяющих выполнять все более и более сложные задачи (естественно, по мере их возникновения), вполне можно считать одной из общих тенденций развития. В таком направлении постепенно эволюционируют “традиционные” социальные организации, разделяясь и создавая объединения на основе присущих им родственных или территориальных (племя, объединение племен, соседская община, объединение общин) отношений, расширяясь и “воспроизводя” себя в более крупном масштабе. Ограниченность создания объединений на такой основе, при сохранении эволюции в этом направлении, вела, как представляется, к их видоизменению, к складыванию особых отношений – государственных, к появлению надлокальных объединений иного типа – государств.

Безусловно, рассмотрение проблемы генезиса государства, формирования государственных отношений должно основываться на определении того принципиально нового, чем они стали для человеческого общества, принципиальных их отличий (признаков, критериев). Однако столь же важно, на мой взгляд, учитывать при определении предмета нашего исследования, что государство является прежде всего продуктом эволюции общества. И соответственно при анализе государственных отношений, особенностей государства как института, наряду с рассмотрением того нового, чем они стали в процессе социальной эволюции, не может не приниматься во внимание их происхождение, их диалектическая взаимосвязь с отношениями и социальными организациями иного рода. Анализ свидетельств наших источников, на мой взгляд, позволяет говорить о том, что в *постепенном* сложном процессе складывания той универсальной формы¹⁴⁸ социальной организации, которую называют государство, при

¹⁴⁶ Поскольку *могли не признать* факт дарения частного лица и препятствовать ему. Поэтому в перечне слуг мы встречаем и термин *бходжака* (2.2).

¹⁴⁷ Этим термином мы подчеркиваем, что структура государства формировалась из существовавших до его образования и независимо от него организаций. Собственно “государство” в нашем понимании – тип социальной организации.

¹⁴⁸ Без этого признанного в историографии допущения, на мой взгляд, проблему государства и его критериев рассматривать невозможно.

формировании государственных отношений существовавшие в “догосударственном” обществе институты и отношения не исчезают. Эволюционируя, встраиваясь в новые структуры, они одновременно оказывают огромное влияние на формирование государства, государственных отношений, длительное время (как, например, в случае Индии), по существу, определяя основные их особенности.

Уже на довольно раннем этапе общественного развития можно, очевидно, говорить о существовании неравноправия – каждая из традиционных организаций: семья, род, племя, община изначально содержала в себе тенденцию к эволюции в этом направлении. Но если в рамках таких “традиционных” организаций баланс в соотношении “общих” (это, естественно, понятие относительное, касающееся далеко не всех членов рода, племени, общины) и “частных” (значительно более узкого круга лиц – родоплеменной верхушки, общинного руководства, “больших” людей) интересов сдерживался наличием коллективных органов управления (собрание, сходка), добровольностью объединения и подчинения, основанной на комплексе традиционных норм (покорность детей отцу, главе рода, старейшинам и т.д.), экономическими и многими иными причинами, самым смыслом и формой организации, с течением времени и при создании более широких объединений он закономерно изменялся. В немалой степени это проявлялось не только в естественной “экономической” и “социальной” стратификации, постепенном расслоении среди членов организации (или организаций в рамках их объединения), в результате которого появлялись “сильные” и “слабые” семьи, роды, домохозяйства, но и в ее “политической” стратификации, в складывании и эволюции публичной власти.

Даже на уровне небольшого коллектива неминуемым является его разделение на управляющих и управляемых, что определяется отчасти практически невозможностью учета интересов всех членов такого коллектива при принятии того или иного решения. Поэтому, например, деревенскую общину уже на довольно раннем этапе ее развития вполне можно считать объединением прежде всего полноправных общинников-домохозяев, каждый из которых олицетворял субколлектив (семью, домохозяйство), обладая в его рамках признанной властью и правом принятия решений при обсуждении вопросов, касающихся всего такого коллектива (например, определение долей взносов на общие нужды). Таким же образом можно рассматривать, как показало наше исследование, и структуру многих царств древней и раннесредневековой Индии.

Добровольное объединение социальных организаций, вызванное необходимостью кооперации в освоении прежде всего природных ресурсов и противостоянием внешним угрозам, уже на довольно раннем этапе социального развития вполне органично соседствует с неравноправием таких объединений и насилием. Неравноправие, в том числе и в отношениях между различными социальными организациями, обусловленное средой обитания, уровнем доступа к ресурсам и иными, не зависящими от человека факторами, развивается одновременно и за счет эволюции собственно социальных отношений, когда появляются грабеж и патриархальное рабство, войны и данничество. Парадигма объединения, которая, на мой взгляд, была присуща большинству древних и раннесредневековых индийских государств, была, по-видимому, найдена задолго до их появления. Так, например, еще племя, победив в столкновении соседнее племя, сталкивалось с проблемой присвоения подчиненного коллектива. И хотя вариантов решения этой проблемы имелось, очевидно, несколько¹⁴⁹, одним из возможных и, видимо, наиболее оптимальным был путь присвоения такого коллектива целиком, с сохранением у побежденных традиционной организации, руководства и взиманием с помощью последних совокупной дани¹⁵⁰. Среди достоинств такого пути, не создававшего, в отличие от ряда иных, неразрешимых противоречий между победителями и побежденными, можно назвать значительно меньшие затраты материальных и людских ресурсов, сохранение во многом традиционного уклада жизни и традиционных органов власти у побежденных (что в свою очередь определяло слабость и недолговечность таких объединений), возможность регулярного присвоения победителями результатов их труда. Как представляется, такой “мягкий” способ интеграции, способствовавший дальнейшей эволюции взаимоотношений, активно использовался в начальный период становления государств, создавая условия для становления политического общества, превращению в итоге традиционных органов власти в политические и

¹⁴⁹ Известно достаточно много исторических примеров иных вариантов решения этой проблемы, например убийство взрослых членов племени и включение детей и женщин в состав племени-победителя и т.п.

¹⁵⁰ Надо признать, что такой вариант мог быть приемлемым для относительно высокой степени общественного развития, а также то, что он, безусловно, был найден в процессе социальной эволюции. Подробное рассмотрение данного вопроса выходит за пределы нашей работы.

администрацию, оказывая существенное влияние на весь ход социальной эволюции. Не лишним будет подчеркнуть, что источники сохранили немало примеров активного использования такого метода интеграции, в том числе и развитыми государствами, вплоть до XX в. Причем значение его, на мой взгляд, совсем не исчерпывается тем, что он создавал возможность коллективной эксплуатации.

Появлявшиеся различного рода объединения “традиционных” организаций, такие, как союз племен, объединение территориальных соседских общин и иные, имели одну важную особенность – центр тяжести власти в их рамках находился в нижнем или среднем их звене (племя, соседская община). Дальнейшая их эволюция сдерживалась границами среды обитания, непостоянством “общих” задач (за исключением некоторых – охраны от внешних угроз, от природных катаклизмов – наводнений, неурожаев и т.п.), комплексом традиционных норм каждой из составных частей такого объединения. Чем выше был уровень объединения, тем меньше, даже чисто количественно, имелось общих задач, общих потребностей и точек постоянного соприкосновения, причин для вовлеченности такого объединения в повседневные дела каждого включенного в него коллектива. Одновременно, естественно, увеличивалась разнонаправленность интересов и соответственно возрастала необходимость во все большем ограничении круга лиц, причастных к осуществлению публичной власти, лиц, олицетворяющих эти интересы, облеченных правом решать общие для того или иного коллектива вопросы, а также иерархизация органов публичной власти.

Приобретающая при естественной эволюции общественной структуры все большее значение публичная (т.е. признанная) власть, присутствующая на любом уровне общественной иерархии, довольно рано приобретает и собственные тенденции в развитии. Так, в частности, она была закономерно озабочена самовоспроизводством, сохранением и возрастанием своей роли. Такого рода потребность реализовывалась в постепенной эволюции сбалансированности органов управления (вождь/руководитель – совет старейшин – общая сходка) в сторону усиления роли единоличного руководства, сужения и ограничения (в традиционном коллективе относительно, хотя бы внешне, добровольном) роли коллективных органов, тенденции к устранению от дел управления общего собрания равноправных членов коллективов, включенных в такое объединение. Выполняя значимые для объединения коллективов дела (имеющие соответственно большее значение, ценность для каждого коллектива, поскольку это были **Общие** дела), представители такой власти вполне резонно пытались активно участвовать не только в реализации, но и в *определении* таких общих целей, естественно не забывая своей личной (своей семьи, рода, коллектива) выгоды. Ведь даже для того, чтобы принять решение о копке канала, например, надо определить – где, через чьи земли он должен пройти. Такие общие задачи надолго ассоциируются с персональными целями, обязанностями высших представителей публичной власти, выполнение их становится их обязанностью и заслугой перед обществом. В связи с этим можно отметить, что мы имеем довольно много примеров из индийской истории, когда цари, в том числе правители крупных держав (как, например, Ашока, Рудрадаман, Кхаравела), с гордостью, как о самых важных своих заслугах, сообщают о ремонте дамбы¹⁵¹, копке колодцев и посадке деревьев вдоль дорог¹⁵², иных делах – заботе о бедных, кормлении брахманов и т.д., суть которых была понятна и, очевидно, важна для многих жителей их государств. Фиксируя такие свои действия в надписях, цари действительно придавали им огромное значение. И ценность таких поступков, “дел” далеко не исчерпывалась их идеологической направленностью, религиозностью или “добродетельностью” конкретных царей. Царство было результатом объединения традиционных организаций и соответственно брало на себя определенные обязанности, гарантируя обеспечение защиты подданных от военной угрозы, нападений соседей, от природных катаклизмов и т.д.

В особой степени, на мой взгляд, способствовало повышению роли публичной власти создание неравноправных объединений на основании отношений господства-подчинения между различными коллективами (как территориальными, так и родовыми). При появлении такого рода объединений, изначально очень непрочных, возникали отношения нового типа между коллективами и их руководством (коллектив победителей – руководство коллектива

¹⁵¹ В надписях из Джунагадха шакский царь из династии Кардамака Рудрадаман I (II в. н.э.) и Чакрапалита, правитель Сураштры во время Скандагупты (V в. н.э.) Гуптов, вполне оправданно пространно хвалятся здесь своими действиями по восстановлению дамбы на озере Сударшана, которые рассматриваются наравне с их воинскими подвигами.

¹⁵² Во II Большом наскальном эдикте, например – см.: Хрестоматия по истории древнего Востока. М., 1997, с.330-331.

победителей – руководство коллектива побежденных – коллектив побежденных), в которых ключевую позицию занимали лица, осуществляющие публичную власть. Как мне представляется, именно с момента создания таких объединений можно говорить о первых тенденциях превращения публичной власти в администрацию, о складывании государства. Создание таких объединений поставило перед коллективами целый ряд новых сложных проблем, постоянную заботу о решении которых (контакты с подчиненными, разрешение спорных вопросов, сохранение неравноправия, получение с подчиненных “дани” и пр.) могли взять на себя только специально делегированные для этой цели члены коллектива, т.е. представители руководства объединенных организаций. Последние, хотя и выполняли общезначимую функцию (для собственного коллектива), в данном случае уже в большей степени дистанцировались от основного населения, получая одновременно иной статус и значительно больше прав, особенно по распределению получаемого прибавочного продукта. Выполнение указанной функции, как мне представляется, надолго стало одной из основных функций складывающегося государства, представляющего собой на этом этапе, прежде всего единый иерархизированный комплекс организаций с общим руководством, предназначенный для регулирования социальных отношений в обществе. В связи с этим следует отметить также, что нам представляется не случайным определение сущности “данданити” (обычная интерпретация этого термина – “наука о политике”) в КА, как “приобретение не приобретенного, сохранение приобретенного, увеличение сохраненного для раздачи увеличенного лицам, достойным уважения”¹⁵³. Оно может интерпретироваться, в частности, и как отражение такой функции.

Появление неравноправных объединений и значительное повышение роли органов публичной власти в связи с этим, наряду со столь же противоречивым процессом социальной стратификации при сохранении определяющей роли общинных структур и общинной идеологии, как мне представляется, оказало решающее влияние на развитие общественной структуры и государства в Индии. Рассмотренная выше модель интеграции (подчинение при сохранении традиционной организации, ее администрации и присвоение коллектива целиком), эволюционировав в форму “добровольного” подчинения, стала важнейшим алгоритмом для формирования любого царства в древней и раннесредневековой Индии. Такая форма интеграции, очевидно, была выгодна для руководства не только доминирующей, но и подчиненной организации. Последнее сохраняло во многом свое положение, усиливалось, в том числе и за счет доминирующей стороны, в складывающемся его противостоянии коллективным органам власти. Указанная форма интеграции способствовала также развитию иерархизации социально-политической структуры, была, как мне представляется, единственно возможной (здесь скорее можно говорить лишь об исключениях) и достаточной для индийского общества, где основное население жило в рамках общин и организаций общинного типа. Следы такой формы интеграции можно искать в деталях описания знаменитых царских жертвоприношений Раджасуя и Ашвамедха как в поздневедической литературе, так и в эпосе, в распространенном в классической санскритской, в том числе в “политической” литературе отношении к войне как к последнему средству решения конфликтов. О популярности такого метода интеграции свидетельствует не только анализ структуры ряда индийских царств, но и нормы, отражающие “идеал” поведения “добродетельного” царя – ряд важнейших, значимых, как свидетельствуют источники, норм, сформулированных в санскритской литературе, как, например: “покорять, не завоевывая”, “война – последнее средство” и т.п. В последнем случае, как мне представляется, смысл нормы не исчерпывается миролюбием, не агрессивностью населения Индостана (сохраняющейся и поныне важной особенностью менталитета индийцев). Она выглядит прежде всего вполне прагматичной, учитывающей особенности структуры общества в древности и раннем средневековье.

Анализ КА и эпиграфики позволяет отметить некоторые тенденции в развитии государственности в древности и средневековье. Для большинства древних царств было характерным непрочность их существования, аморфность их структуры. Источники донесли до нас немало примеров быстрого появления и распада крупных царств-объединений, что выглядит вполне закономерным. В связи с этим важной частью нашего исследования была попытка понять, каким образом строилась политика царя, осуществление каких мер в “идеальном” царстве в КА, конкретных царствах вело к сохранению и укреплению царской власти и государства. Результаты, как представляется, можно интерпретировать следующим образом.

---

¹⁵³ См.: КА I.4.3. Крайне важно, что здесь идет речь о раздаче “тирх” (знати), а не только брахманам.

Большинство древних и раннесредневековых государств Индии представляли собой объединения владений зависимых царей и различных слоев знати, территорий подвластных общинных и общинного типа организаций, выполняющих в рамках царства одновременно функцию территориальных его подразделений. Соответственно власть и управление в каждой из составных частей царства была сосредоточена главным образом в руках местной элиты, выполнявшей, по существу, и функции “администрации”.

Характер объединения территорий в рамках царства определял политику главы государства по отношению к местной власти, необходимость постоянного учета интересов и амбиций местных лидеров, скорее всего никогда не оставлявших собственных претензий на независимую власть. И хотя сфера влияния царя, главы государства, на местные структуры была, видимо, очень ограничена, он имел ряд возможностей активно влиять на прочность своего государства, способствовать более четкой его организации. Материалы КА свидетельствуют, что царство воспринималось авторами как универсальная форма социальной организации. Ясным и однозначным в связи с этим представляется содержание КА XIII.4.5¹⁵⁴, “подобными” царям называются в КА вожди лесных племен, а КА XI.1.5 свидетельствует, что и лидеры, вожди ряда известных немонархических объединений использовали титул “царь”. Авторы трактата вполне логично исходят из того, что царство, царская власть – категории постоянные, существующие независимо, неизменные по своей сути, хотя конкретный царь, династия, сфера его влияния может меняться. И хотя царю, согласно КА, не рекомендовалось противопоставлять себя всей структуре, действовать вразрез традиции, вести политику устранения лидеров включенных в царство организаций и присвоения их имущества¹⁵⁵, ничто ему не препятствовало, не нарушая баланса сил и сложившихся отношений, под определенными предлогами активно вмешиваться в дела любой из включенных в его царство организаций, смещая их конкретных руководителей. И, как свидетельствуют материалы КА, цари активно использовали такие действия. В этом суть деятельности царя по формированию “группы своих сторонников” и устранению “сторонников” противника. Включенная же в рамки царства элита, отдельные представители знати либо, следуя естественным амбициям, и в том числе в целях самосохранения, сами стремились занять лидирующее положение, либо подчинялись царю, и из “сторонников” все более становясь “слугами”, получая взамен этого определенную выгоду, не только материальную (“оплата” службы царю) но и статусную. Такое направление эволюции общественных отношений в рамках царства, несмотря на его противоречивый и сложный характер (ведь царь в свою очередь зависел от поддержки своих сторонников, признания его власти со стороны “больших” людей, социальной элиты и т.д.), как мне представляется, можно считать ведущим к укреплению и развитию государственных отношений. И одним из результатов указанных тенденций общественного развития было складывание “административных” отношений, появление администрации¹⁵⁶.

Сфера сбора податей, одна из важнейших для обеспечения жизнеспособности древнего и раннесредневекового государства, очевидно, судя по сведениям КА и эпиграфики, находилась главным образом под контролем местных властей. Успех в данной области мог быть достигнут прежде всего за счет взаимодействия с последними, основными исполнителями этой функции. В такой ситуации формирующейся государственной власти оставалось необходимым только обеспечивать контакт с местной властью и полноценное исполнение последней своих обязательств. Для выполнения этой цели, наряду со своими приближенными, цари использовали отдельных представителей местной элиты, предоставляя последним определенные титулы в связи с их “службой” царю. Это также вело к вычленению из общей массы знати и усилению служилой прослойки – особой группы ближайших “сподвижников” царя, получавших соответствующую материальную поддержку и повышавших, учитывая их близость к верховному правителю, личный статус. Об этом прямо свидетельствуют сведения КА и отдельных групп надписей, где представители местных властей именуются в связи с этим различными

¹⁵⁴ Здесь говорится, что не существует “области” (“джанапада”) без населения (“джана”), как и “царства” (“раджья”) без области, населенной людьми (“джанапада”). Смысл этой сутры можно, на мой взгляд, интерпретировать как формулу мироустройства, логический ряд, выстроенный из универсальных понятий “люди” – “традиционный коллектив” (область их расселения=областная община) – царство (форма организации, объединения таких и иных коллективов).

¹⁵⁵ Любопытно, что в панегирике одного из известнейших древнеиндийских царей-“завоевателей” Самудрагупты – суть его политики формулируется сходным образом. И это не является противоречием (см. об этом выше).

¹⁵⁶ Окончательное вычленение особой “административной” деятельности и появление “администрации”, как мне представляется, происходит значительно позже.

“специальными” терминами, интерпретируемыми отдельными исследователями как “обозначение должностей”, немислимых для такой общественной организации. Такая политика, наряду с тенденцией ко все большему ограничению местной элиты, также способствовала общественной интеграции и упрочению государственности.

Вместе с тем, несмотря на внешнее могущество отдельных царств, получивших в историографии даже наименование “империй”, обширность подвластных им территорий, вряд ли следует преувеличивать степень их прочности и организованности. Одна из важнейших особенностей любой индийской “империи” древности и раннего средневековья, крупного трансрегионального объединения – недолговечность их существования. Модель общественной интеграции, следуя которой, как нам представляется, формировались большинство крупных государств того времени, позволяла упорядочить отношения между различными социально-политическими структурами и их руководством лишь на определенное время, по прошествии которого, объединение (но не всегда царство, являвшееся ядром такого объединения) распадалось. Политическая элита, правители, прежде являвшиеся “слугами” доминировавшего царя, усилившиеся благодаря поддержке последнего, в какой-то определенный момент отказывались подчиняться и образовывали собственные независимые царства, иные объединения.

О другом инструменте, способствовавшем более тесной общественной интеграции, формированию “административных” отношений и собственно администрации, мы можем судить, главным образом основываясь на сведениях литературных источников, прежде всего КА.

В условиях социально-политической структуры общества, как она отражена в трактате, имелась очень ограниченная возможность управления “царством”. Поэтому, наряду с конкретными мерами по стабилизации отношений в рамках царства, ведущих ко все большему подчинению местной власти, огромное значение придавалось контролю, проверке исполнения “слугами” царя традиционных или специально оговоренных норм, договоров, обязательств, проверке их *честности* при передаче в казну должной части *дохода*, а также *осуществлению наказаний*, штрафованию и устранению *нарушителей* и т.д. С такой точки зрения популярные в санскритских текстах “тайные люди” (*gūḍharuṣa*), занимавшие различное положение в обществе и выполнявшие, по существу, управленческие функции, в ряде случаев получая за это “плату”, являвшуюся, вполне возможно, основным средством для их существования, были важной частью небольшой личной **администрации царя**¹⁵⁷ и скорее всего любого из обозначенных в КА господ-правителей.

Государство, складывающееся естественным путем через интеграцию традиционных социальных организаций, сохраняющих во многом свою структуру, администрацию (а именно таковым оно представляется, исходя из анализа теории КА и материалов эпиграфики), не требовало специальной хозяйственной или фискальной администрации. Единственным необходимым и возможным направлением административной деятельности (в обществе, как оно характеризуется в рассмотренных источниках) правителя государства была организация взаимосвязи с наиболее крупными своими подразделениями, обеспечение их покорности, своевременности выплат ими податей или дани. Поэтому царь в КА и эпиграфике чаще всего “политик”, постоянно занятый формированием (т.е. обеспечением покорности, лояльности и пр.) своей “мандалы”, “группы своих сторонников”, устранением непокорных “*изменников и преступников*”, в качестве которых в КА толкуются и лица, утаивающие доходы, которые должно передавать царю. И главными его помощниками в этом являлись, наряду с группой “сподвижников-аматьев”, “*тайные люди*”, которых можно считать представителями реальной царской администрации.

---

¹⁵⁷ См. подробнее: Лелюхин Д.Н. Государство, администрация и политика в Артхашастре Каутильи – Вестник древней истории, 1992, №2.

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

(Русская колонизация. XVII-XVIII вв.)

Одним из важнейших вопросов не только теоретического, но и в значительной степени практического свойства, является вопрос о государстве, государственности. Вряд ли стоит подчеркивать необходимость понимания существа государства и связанных с этой категорией вопросов, которые по сей день остаются весьма дискуссионными.

Прежде всего, следует отметить наличие фактически двух различных понятий: *государство*, как исторически устоявшаяся система самоорганизации общества, и *государство*, как надстроечная (институционализованная¹) часть социально-политического устройства. На наш взгляд смешение этих понятий в историческом исследовании представляет собой серьезную методологическую ошибку. В первом случае речь идет о специфическом состоянии общества (*субъекта* истории), которое может быть названо одной из форм его существования или, в частном случае, государством. Во втором – о “продукте” общественного развития. Иначе говоря, общество самоорганизуется, в результате чего усложняется его структура и, в конце концов, возникают особые (формальные) органы власти, которые приобретают черты некоей автономности, но по происхождению являются *объектом* социального установления (институции)². Если проследить эволюцию государства в его институциональном аспекте, то легко можно увидеть практически любые составляющие системы органов управления на самых ранних этапах истории общества. При этом формальные характеристики хотя и не вполне институционализированы (оформлены, установлены), но уже функциональны. К тому же, термины, обозначающие эти

---

¹ Относительно обособленная и оформленная система органов управления, власти (бюрократический аппарат, администрация, чиновничество).

² Этим, конечно, не ограничиваются связи общества, как “субъекта”, и государства (органов

функции, часто используются как эпитеты уже в институционализированных формах (“отец нации” - как глава государства, “вождь партии” - как руководитель политической организации, “Отче наш” - как первопричина бытия). Таким же образом развитие органов власти можно проследить не только в диахроническом срезе, но и при рассмотрении подсистем: будь то уровень деревни, города, семьи, цеха³. И хотя общественное развитие приводит к тому, что возникают новые формы самоорганизации, предшествующие подсистемы сохраняются и продолжают функционировать, обеспечивая управление специфической для данной подсистемы деятельностью. Более того, в истории немало примеров самоорганизации в значительной степени автономных систем (например, федерации, конфедерации или СНГ), каждая из которых обладает практически всеми атрибутами объединения в целом. В этом случае возникает вопрос о принципиальных условиях, в которых возникает общественная необходимость возникновения новой формы самоорганизации общества. “Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, расколосось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах “порядка”⁴. Здесь очень важно, что, во-первых, государство – продукт развития общества, во-вторых, возникают интересы, которые рождают противоречия, в-третьих, появляется необходимость “порядка”, то есть согласования этих интересов. Что, собственно, представляют собой эти интересы, с позиций классового подхода очевидно – появление классов или слоев общества, различным образом встроенных в социальную систему. Таким

управления), как “объекта”, но это различие принципиально важно.

³ Система семьи, которая может быть как подсистемой для организации более высокого порядка (например, рода), так и надсистемой для организаций низшего порядка (малых семей), часто имеет вполне институционализированную систему управления – главу семьи. При этом власть главы семьи публична, то есть признается всей семьей. Можно привести и другие примеры, которые показывают значительное и часто принципиальное сходство структуры семьи и государства в аспекте института управления.

образом, вполне естественно, что на определенном этапе общественного развития логично возникают интересы и собственно институционализированной государственной структуры – “государственного аппарата” (или шире - органов управления⁵), отчуждающего себя от общества⁶. Управление не просто выделяется в особый род деятельности, но и приобретает ярко выраженный системный характер, который, в свою очередь, обусловлен его “включенностью” в процессы развития самого общества. Однако исторически обусловленное обособление органов управления привело в определенном смысле к противопоставлению “общества” (т.е. государства, как организации общества) и “государства” (как фактической подсистемы государственного устройства). Таким образом, сложилось впечатление, что исследование государства сводимо к анализу (истории, формирования и развития) “государственного аппарата”. Если подобный подход приемлем в специфически правоведческих исследованиях, то в историческом анализе он явно неуместен. Несомненно, значение государственных органов велико, весьма существенна их роль в социальных процессах и, в особенности, в современную эпоху. Тем не менее, важно понимать, что развитие органов управления во многом определяется параметрами эволюции общества и является его производным.

Сами управленческие функции представляют собой в определенном смысле проявление универсального свойства человеческих коллективов - организованности, т.е. организации системы связей индивидов, превращающей множество в единое целое (семья, племя, община и т.д.), но вместе с тем создающей и качественно новую индивидуальность - член коллектива (родственник, соплеменник, мирянин и т.д.). Принципиально важно, что организованность человеческих (хотя и не только) коллективов зиждется на потребности самосохранения: обеспечение жизнедеятельности и ее воспроизводство. Также важно, что, так сказать, новая индивидуальность несет в

---

⁴ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1989, с.176.

⁵ Следует иметь в виду, что органы управления исторически и по существу являются органами самоуправления. Это относится как к низовым, так и верховным органам.

⁶ Энгельс Ф. Цит. пр., с. 176.

себе черты как нового, так и “старого” (“коллективность” и “индивидуальность”)⁷. При этом множественность ипостасей, представляющая собой в определенном смысле иерархию “ролей”, не всегда проявляется в “чистом” виде, поскольку любой социальный организм “реагирует” строго функционально, как подвижная интегрирующая система, а это обуславливает уникальность любого явления и, в то же время, подчиненность общим законам развития. Государство, как форма организации общества, не только не устраняет “низших” форм, но и сама осуществляется под их непосредственным (генетически) и опосредствованным (символически) воздействием. Однако и “низшие” формы организации общества также претерпевают определенные изменения, поскольку включены в систему иного уровня.

В каждый конкретный момент времени система отражает баланс внутренних сил, каждая из которых сохраняет “свой вектор развития” (действие в соответствии с собственным интересом), что позволяет говорить о внутренней противоречивости процесса самоорганизации, а, следовательно, и чреватого конфликтом⁸. В этих условиях механизм разрешения последнего может быть как внутренним (согласование или любые формы противоборства), так и внешним (арбитраж). Именно в сфере разрешения конфликтов лежит один из мотивов социального развития.

Важным представляется вопрос о принципиальных характеристиках общественной системы, которые могут служить критериями государственности. На наш взгляд, наиболее строгую систему критериев дал Ф.Энгельс⁹. Последующие авторы не внесли ничего принципиально нового. Итак, особенности государственной организации по сравнению с родоплеменной заключаются, во-первых, в ослаблении кровнородственных связей и замене их на “территориальные”¹⁰, что проявлялось в создании городских центров¹¹. Во-вторых,

---

⁷ Соплеменник является и чьим-то родственником, и человеком (мужчиной или женщиной). Но одновременно он может быть членом коллектива еще более высокого порядка.

⁸ В самом общем смысле, как столкновение интересов.

⁹ Ф.Энгельс, цит.пр., с.176-178.

¹⁰ Термин, очевидно, не удачен. Энгельс даже делает пояснение: “Территория осталась, но люди сделались подвижными”. Там же.

¹¹ И вообще городов, как средоточия “городской культуры” в отличие от “сельской”.

“учреждение *публичной власти*”, то есть признаваемой, легитимной, власти, которая таковой воспринимается обществом¹². Следствием этого является наличие определенного *правового* механизма наделения властными полномочиями¹³. В-третьих, поскольку основная функция “публичной власти” - управление, то необходимы источники ее существования - возникает система налогообложения¹⁴. Таким образом, непосредственное участие в производстве трансформируется в опосредствованное, а форма участия в распределении этого продукта превращается в *жалованье*¹⁵. В-четвертых, формируются группы интересов и в первую очередь – общие интересы органов власти, основной задачей которых становится регулирование групп интересов сообщества в соответствии с традициями, включая правовые.

Социально-политическая интеграция, как важнейшая составляющая политогенеза представляет особый интерес, поскольку объединение двух или более самостоятельных субъектов требует взаимной адаптации, то есть согласования, а подчас и формирования общих интересов, в определенном смысле изменения принципов социального устройства, благодаря чему обеспечивается функционирование вновь образованной системы. На самом деле взаимодействие систем не всегда приводит к поглощению одной из них. Когда мы говорим об *огосударствлении*, нужно иметь в виду, что происходит взаимный процесс, в результате которого агенты взаимодействия, задавая условия осуществления объединения, сами подвергается изменениям, адаптирующим функционирование **новой** системы. Фактически, понятия донора и реципиента являются условными и не соответствующими реальности. На наш взгляд, любая культура (или культурная традиция) является интегрирующим инструментом для множества заимствований. Сугубо оригинальных традиций, по всей видимости, вообще не существует. Но важно подчеркнуть, что любое заимствование никогда не осуществится, если не пройдет период **освоения** и, самое главное, если не будет соответствовать

---

¹² Поскольку им же и *создается*.

¹³ На смену неформальному лидерству приходит формальное, правовое. Так, наследуемая власть *наследуется по праву*. Узурпированная власть *противоправна*.

¹⁴ Не фактически отчуждаемый продукт, каковым могла быть дань, а *правовая форма* обложения как возмещение за исполнение тех или иных управленческих функций.

общественно значимой потребности в инновации. К сожалению, нередко та или иная культура представляется как некий котел, в который сбрасываются те или иные “элементы” других культур. Таким образом, как бы теряется ее самоценность¹⁶. Такое аддитивное толкование заимствования совершенно недопустимо. В равной мере, если заимствования не происходит, то только потому, что общество либо обладает иным механизмом реализации своих потребностей, либо вовсе не обладает такой потребностью, так как наличная система вполне обеспечивает социальное воспроизводство. Столь же неправомерно считать заимствование искажением¹⁷ “оригинала”, поскольку освоение “чужого” приводит к созданию сложной системы смыслов, обусловленных той или иной традицией¹⁸.

Выбор темы данной работы обусловлен рядом обстоятельств. Во-первых, история народов, населяющих нашу страну не может не вызывать живейшего интереса, в особенности, - проблемы взаимоотношения с русскими или в более узком смысле с Русским государством. Становление Российской империи особенно актуально в наши дни, когда народы, населяющие некогда обширную страну, вступили в пору своего самоопределения как в культурном, так и в политическом аспектах, и пытаются пересмотреть свое отношение к “метрополии”, а, следовательно, и взаимоотношениям с русскими, с русской культурой. Это важно еще и потому, что стремление переосмыслить исторический опыт развития уникального геополитического пространства, как правило, носит односторонний характер. Отмечаются подчас лишь негативные явления, что вполне объяснимо эмоционально, но при этом забывается и значительный положительный опыт. Именно в России, в рамках единой системы, многочисленные и разнотипные по культуре народы в процессе взаимодействия и взаимовлияния сохранили свои

---

¹⁵ То есть и распределение становится опосредствованным.

¹⁶ Вряд ли правильно рассматривать народы, заимствовавшие, например, ислам и вместе с ним элементы арабской культуры, как переставшие быть самобытными, или, что заимствование ислама произошло, как следствие неспособности того или иного народа самостоятельно сформулировать и системно организовать специфически религиозные идеи, или же, что заимствования были просто перенесены и добавлены к другой культуре.

¹⁷ Когда, например, говорят, что “рецепирующая” культура “не осознала”, “не поняла” и т.д.

¹⁸ Особенно отчетливо проступают такие различия в языковых заимствованиях. Освоение адаптирует “чужое” слово применительно к фонетическим нормам своего языка, “соотносит” это слово с “предметом” своей культуры, расширяет семантическое поле слова в результате его использования, а иногда “переосмысляет” оригинальное слово. См. ниже о “шерти”.

этнические черты, свою идентичность и, в определенном смысле, потенциал развития до нашего времени. Однако были и попытки борьбы с традиционностью и благое стремление к модернизации "отсталых в своем развитии" народов, связанные с грубым и некорректным вмешательством в общественно-исторический процесс. Это проявлялось и прежде, и ныне проявляется в форме жесткого противостояния Центра и национальных регионов.

Во-вторых, интерес к данной теме продиктован тем, что речь идет о взаимоотношении разнотипных социально-политических систем. В данном случае, мы можем говорить о России, как представляющей в целом европейский тип организации общества, поскольку, несмотря на специфические черты и особенности, она вполне пользовалась тем политическим инструментарием, который формировался в ареале общеевропейской традиции. Это относится к пониманию государственности, власти, права и т.п. В свою очередь, некоторые народы, в соприкосновение с которыми вступило русское государство, не обладали видимыми атрибутами государственности, свойственными оседлым культурам. Более того, они часто и не составляли в полном смысле единства.

В-третьих, означенный период можно считать переломным моментом развития российской политической системы. С одной стороны, Россия была вовлечена во взаимодействие с уже развитыми государствами Европы, адаптируя свою политическую структуру к "европейскому стандарту". С другой - расширяя свою территорию на восток, она была вынуждена строить свои отношения с инотипными народами, населявшими южные и восточные территории, для которых европейская государственность была в то время чуждой. Северное и северо-восточное направление не встречало серьезных препятствий: освоение этих территорий шло, как правило, спокойно, если не учитывать отдельные случаи (как например, обострившиеся время от времени отношения с мордвой и пр.). Таким образом, Россия формировала во внешней политике как бы два стандарта: для Европы и для Востока. Процесс освоения восточных земель, начавшийся несколько ранее, в наибольшей степени проявился в XVII веке, когда началась экспансия русских в Зауралье. Конечно, это не было случайным и стихийным процессом.

Такое движение было подготовлено всем ходом исторического развития¹⁹. Однако именно с началом освоения Сибири связаны наиболее значительные перемены в политической организации общества. Этот период характеризуется наиболее интенсивным процессом политического освоения не только иного социокультурного, но и природно-климатического пространства.

Многочисленные исследования этих проблем можно сгруппировать в две взаимопротивоположные по своим установкам группы. Основная масса работ, в значительной степени большинство работ отечественных исследователей и, в особенности, советского периода носят преимущественно “апологетический” характер, что вполне объяснимо и не требует дополнительных замечаний. Столь же значительно число работ, в которых отмечается отчетливая “критическая” направленность. Это относится к исследованиям “революционной” поры как рубежа XIX-XX веков, так и “постсоветского” периода, а также к трудам зарубежных ученых. Это не исключает наличия “критической” составляющей в работах “апологетических”, поскольку время от времени возникали политические потребности в критике капитализма. Как следствие в таких работах противопоставлялись Русское государство и Русский народ. Таким образом, роль государства оказывалась категорически отрицательной в отношении как к “покоренным” народам, так и по отношению к собственному народу. В результате чего и возник своеобразный культ “тюрьмы народов”. Так, несомненный интерес представляют ценнейшие материалы по истории колонизации и, в особенности, специальные этнографические и лингвистические исследования известных общественных деятелей рубежа XIX-XX вв. - В.Г.Богораза, В.И.Иохельсона, В.И.Зензинова и др. Ими исследованы не только факты культуры туземного, но в том числе русского старожильского населения. Однако при этом “трагические моменты личной судьбы некоторых политических ссыльных, не могли не наложить отпечаток на характеристику природы и населения Сибири”²⁰. В результате такой “ангажированности” интерпретация фактов была подчас сильно искажена. Это касалось прежде всего русского старожильского населения, представленного по

---

¹⁹ Любимов Ю.В. Проблемы политической и культурной интеграции, М., 1997, с. 4-5.

²⁰ Народы Сибири, М.-Л., 1956, с.201.

большей части казаками или их потомками, которые ассоциировались с царизмом.

В постсоветский период, появилось значительное число публикаций подчас созвучных установкам предреволюционной поры. Россия предстает как откровенный колонизатор и эксплуататор, в меру возможностей извлекающий политический и экономический дивиденд благодаря случайному стечению обстоятельств доставшихся именно России, а не какой-либо другой стране. В этом случае русские и русская культура непосредственных исполнителей “завоеваний” выступает в своем наиболее неприглядном виде, а эффект ее влияния становится отрицательным. При этом нередко “забывается” действительно благотворное воздействие и “вспоминаются” лишь обиды. На наш взгляд, чрезмерно эмоциональный подход к такой серьезной проблеме совершенно недопустим не только в научной, но в особенности в массовой литературе и публицистике. Следует помнить, что любое событие истории многозначно и в нем всегда можно найти как положительный, так и отрицательный аспект. При этом необходим “такой подход к историческому исследованию культуры, при котором... порождаемые современностью представления и ценности самого ученого, были бы если не сведены по возможности к минимуму, то, во всяком случае, полностью приняты в расчет: избавиться от них нельзя; кроме того, еще вопрос, представляют ли они собой только “помехи” на пути познания или же вместе с тем служат и стимулом для понимания культуры прошлого”²¹.

Следует сразу же оговорить, что при внешней схожести, по названию, Российская империя не есть аналог Британской или Османской, а также и Византийской. Более того, при всем, казалось бы, сходстве между Россией и Византией, многократно подчеркиваемом в научной литературе, система власти в России не есть прямое заимствование из Византии, даже при последующей “коррекции” под влиянием Золотой Орды. Не отрицая влияния, а также взаимовлияния, стоит рассмотреть эту проблему, как уже упоминалось, не в аспекте определения “донора” и “реципиента”, а с точки зрения условий, которые способствуют такому взаимодействию, а также его реальным результатам. Одним из факторов, способствующим взаимовлиянию, является установление тесных

контактов между народами. Нередко используемый конструкт, представляющий общественное сознание или систему социальных институтов как некую сумму из заимствований (Византия, Золотая Орда и т.д.) не может быть принят потому, что хотя естественно функционирующая система всегда открыта для инноваций, введение какого-либо нового элемента представляет собой более сложный процесс, нежели обычное добавление. Даже если допустить, что некая система каким-то “чудесным” образом была перенесена на другую “почву”, то вряд ли кто-нибудь будет утверждать, что такая “операция” может дать соответствующие “плоды”. Разве что заметить при этом, что почва плохая. Еще один момент требует пояснения. При исследовании исторического развития того или иного народа, его культуры следует избегать конкретной телеологической установки. Использование понятий “развитые страны”, “малокультурные народы” и тому подобных должно быть строго ограничено определенным контекстом. При анализе развития необходимо учитывать тот факт, что речь не должна идти о развертывании наличных интенций, а лишь о множестве возможностей, которые могут развиваться в имеющиеся на развитом уровне структурные элементы или функции. Даже ретроспективный анализ должен подразумевать, что имеет место не разворачивание уже заложенных, как в *homunculus*’е, тенденций, а их *формирование* в определенных конкретно-исторических условиях. Прослеживая историю того или иного явления, осуществленного на более поздних этапах, следует иметь в виду, что изначально те или иные элементы могут быть только возможностями, но не реальными тенденциями, которые формируются лишь при соответствующем стечении обстоятельств. Таким образом, наличие того или иного свойства или структуры может обладать лишь вероятностью своего осуществления. То есть тенденция имеет смысл лишь как телеологизм.

Наконец, требует пояснения выбор собственно региона. Рубеж конца XVI и начала XVII века ознаменовался мощной экспансией основных европейских стран на Восток. Не была исключением и Россия. Несмотря на то, что и ранее совершалось немало походов в восточные земли, лишь с этого времени начинается фактическое присоединение и освоение Сибири. За Уралом произошла встреча с

---

²¹ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры, М., 1984, с.33.

западными ойратами, обосновавшимися позднее в Нижнем Поволжье. Таким образом, встретились различные духовные традиции: православие, ислам, буддизм, традиционные системы верований, что послужило началом формирования традиции межконфессиональных отношений, не всегда складывавшихся нормально, но в то же время не доходивших до состояния религиозных войн. Надо сказать, что русскому сознанию чужда нетерпимость как религиозная, так и этническая. Вряд ли можно всерьез рассматривать идею “Третьего Рима” в смысле экспансии православия, но вместе с тем нельзя и отрицать значения религиозного фактора вовсе. Так, нормативное понятие “верноподданный” содержало указание на основные составляющие: отношение к вере и государственной власти.

Проблема конкретно исторического исследования значимого периода русской истории необходимо связана с ее рассмотрением также и в аспекте сугубо методологическом, поскольку проблема государства, государственности, государственного устройства, а тем более государственно-этнического “менталитета” требуют своего прояснения. Несмотря на кажущуюся простоту категории и понятия, используемые при анализе социально-политических явлений, представляют сложную познавательную задачу.

Освоение Сибири и установление новых международных связей фактически способствовали выработке внутри- и внешнеполитической концепции государства и формированию национальной политики в регионах, населенных народами с самобытной культурой. Будучи периферией Европы, Россия оказалась своеобразным *транслятором* “западной культуры” на Восток, но в то же время постоянные контакты с кочевыми народами не могли не оказать мощного воздействия на исторический процесс в собственно России, что составляет существо проблемы “особого пути”.

Обращение в данной работе к проблемам колонизации русскими Северо-восточной Азии, распространение русской культуры среди местного населения, формирование своеобразных анклавов русской старожильческой культуры, обусловлено и экстремальными условиями, в которых протекали эти процессы: резкое отличие природы и климата, значительная удаленность от культурных центров, своеобразие социального состава русских переселенцев, наконец,

этнокультурно разнородное местное население, с которым необходимо было устанавливать нормальные взаимоотношения, обеспечивающие включение осваиваемых районов в единый организм уникального геополитического пространства - Российской империи.

В этот период приходилось решать политические проблемы как со странами Европы, с уже сложившейся традицией государственности, так и со странами и народами иных политико-культурных традиций (Османская империя, Китай, народы Поволжья и Сибири). Важнейшим следствием колонизации, в определенной степени значимым для формирования особенностей исторического развития русского общества, было создание устойчивой системы взаимоотношений различных сегментов социально-политической структуры, которое в большей степени может соответствовать понятию культурно-исторической традиции. Содержательный анализ этого понятия и составит основной предмет данного исследования.

Географическое положение России, занимающей восточную часть Европы и основной массив северной части Азии, многообразие её населения, перипетии истории вольно или невольно ставят проблемы специфики её развития, особенностей её культуры. Что такое Россия? Запад или Восток? Европа или Азия? Или нечто среднее - Евразия?²². Ответ на этот вопрос представляется чрезвычайно сложным. Во-первых, потому, что трудно представить себе однозначную характеристику столь многослойного и развивающегося историко-культурного пространства. Во-вторых, столь же неоднозначны сами по себе характеризующие его “маркеры”. Очевидно, остается проблемой их реальность и степень абстракции. По сути, противопоставление Восток-Запад является идеологемой, возникшей в результате закреплённого и культивированного впечатления “просвещённого европейца” и вряд ли может служить эпистемологическим “инструментом”.

“Восточный вопрос, - считает С.М.Соловьев, - появился с тех пор, как европейский человек осознал различие между Европой и Азией, между европейским и азиатским духом”. Он “имеет наибольшее значение для тех европейских стран, которые граничат с Азией, которых борьба с нею составляет

существенное содержание истории: таково значение Восточного вопроса в истории Греции; таково его значение в истории России вследствие географического положения обеих стран”²³. Притом, что “восточный вопрос”, конечно, характерен и для тех стран, которые непосредственно не граничат с Азией, но географическая близость благоприятствует естественному диалогу между народами и культурами. Как Восток, так и в определенной степени Запад не представляют единства. Последующие уточнения типа “мусульманский Восток”, “буддийские страны” и т.п. вносят существенные разграничения, но не решают проблемы, трансформируя оппозицию “СВОЙ - ЧУЖОЙ” в “СВОЙ - ЧУЖДЫЙ”. Свою роль в этом процессе сыграла эпоха европейской колониальной экспансии, в результате чего система характерных для средневековья субординативных отношений была перенесена вовне и метрополия стала своего рода сюзереном, а колонии ее вассалами. Такое положение имело двоякие последствия. С одной стороны, оно обеспечивало относительную гомогенность метрополии, с другой - закрепляло и культивировало европоцентризм.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ АЗИИ

История присоединения Сибири и Дальнего Востока по традиции начинается с 1581 года, когда Ермак со своей дружиной вышел в поход за Камень (Уральские горы). Но увенчавшееся успехом событие имело свою предысторию, отмеченную походом предприимчивых новгородцев в Югорскую землю под предводительством Улеба в 1032 году, в результате которого они были побеждены юграми “и вспять мало их возвратишася, но многие там погибоша”²⁴. Тем не менее, походы продолжались и постепенно складывались устойчивые связи, заключавшиеся в

---

²² Цивилизации и культуры, М., 1994, 1995.

²³ Соловьев С.М. Сочинения, т.7, М., 1991, с.630.

²⁴ Шунков В.И. Вопросы аграрной истории России, М., 1974, с.16.

обмене “товарами”. Несмотря на то, что такие отношения вряд ли могли носить регулярный характер, одно, несомненно: они способствовали взаимопониманию, культурному сближению. Последнее облегчалось особенностями формирования великорусского этноса в тесном контакте с финно-угорскими народами²⁵.

В XVI веке положение резко меняется. После завоевания Казанского ханства открывается путь за Урал. Потребность в постоянном источнике “мягкой рухляди” (пушнины), расширение хозяйственной деятельности подвигло Московское государство приступить к непосредственному освоению восточных земель. Движение на Восток, “встречь солнцу” было характерно и для других стран Европы. Так, португальцы, голландцы, англичане пускались в дальние плавания, стремясь открыть наиболее короткие пути в Индию и Китай. Попытки открыть северный морской путь предприняли англичане в 1553 году, голландцы в 1595-1596 гг., но льды не пускали их дальше Новой Земли. Все это не могло не беспокоить московские власти, заинтересованные в сохранении источников поступления в казну ценных мехов и сохранения монополии на торговлю ими. Идея зрела, а тем временем судьба связала братьев Строгановых, занимавшихся промышленным освоением Урала и Зауралья, с Ермаком. “По тем временам трудно было провести резкую грань между воином-завоевателем и обыкновенным разбойником. Чаще всего эти два ремесла соединялись в одном лице, и перейти эту грань... было тем легче, что их собственно, объединяло одно и то же стремление к возможно быстрой и легкой наживе”²⁶. Каков был Ермак - предводитель шайки разбойников или романтический герой думы К.Ф.Рылеева - остается загадкой, но его историческое значение бесспорно. Его именем обозначен важный момент в истории России - присоединение Сибири. Важно также и то, что не “идеологический конструкт”, а реальный *интерес* двигал этими людьми.

Одним из препятствий для деятельности русских предпринимателей за Уралом было Сибирское ханство. Лояльного Едигера сменил хан Кучум. Подчинив своей власти Югорскую землю, он резко усложнил возможности русской торговли

---

²⁵ Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография, М., 1991, с.33-34.

²⁶ Кирьяков В.В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь (в связи с историей заселения Сибири), Спб, 1902, с.16-17.

и тем самым сократил поступление пушнины, бывшей в то время важнейшим экспортным товаром. Попытки Ивана Грозного решить проблему дипломатически успеха не имели. Хан Кучум даже подписал шертную грамоту²⁷, что для Москвы было почти равнозначно принятию подданства, но так же легко отказался от своих обязательств. Речь идет, конечно, не о вероломстве Кучума. На самом деле для него подписание шерты было чисто тактическим ходом, а как только обстоятельства изменились он занял откровенно враждебную позицию. Противоречия между Московским государством и Сибирским ханством нарастали. Попытка князя Афанасия Лыченицына отвоевать “русские права” окончилась поражением. Не имели результата и первые походы Ермака в 1579-1580 гг. Лишь поход 1581 года ознаменовал покорение Сибири. Хотя удар Ермака был значителен, однако окончательный разгром Сибирского ханства завершился уже после его смерти. Бывшую ставку Кучума занял его сын Алей, пытавшийся распространить над Сибирью власть узбекских шейбанидов, но ему противостоял представлявший интересы тайбугинов Сейдяк. Завязалась междоусобица, а тем временем за Урал был отправлен отряд во главе с воеводами В.Сукиным и И.Мясным. В 1586 году ими был основан Тюменский городок, а затем и Тобольск, ставший важным центром распространения русских на Восток. Из Тобольска же началось наступление на Сейдяка, вскоре плененного и отправленного в Москву. Надо отметить, что многочисленная родня Кучума, несмотря на то, что представляла сторону противника государства, получила такие же права, которыми обладала русская знать²⁸.

Уже в 1590 году по указу Федора Иоанновича из Сольвычегодска были отправлены 30 хлебопашенных семей для развития земледелия в Сибири. К тому времени возникли новые города, началось строительство монастырей. Вскоре появились первые ссыльные, в том числе и из знатных фамилий. “Присоединение Сибири и ее заселение преимущественно русским населением не представляется чем-то исключительным в истории России. Наоборот, именно со второй половины XVI века наряду с Сибирью происходило присоединение и политическое

---

²⁷ О шерты см. далее.

²⁸ Это был не особенный случай, а такова была традиция в условиях существования сословий.

упрочение в составе государства обширных областей Среднего и Нижнего Поволжья, южнорусских земель (“Дикого поля”), Донской земли, а позднее - так называемой Новороссии и земель современного Ставрополя”²⁹.

За чрезвычайно короткие сроки первопроходцы проникают в самые отдаленные и труднодоступные районы, прокладывают пути, как для последующих потоков переселенцев, так и для вывоза разведанных богатств “новых земель”. Отряды служилых людей, совершенно очевидно, имели главной целью не столько заселение, сколько закрепление территорий за Россией, подчинение местных инородцев и открытие новых мест для последующей колонизации земель. Но вместе с тем они по существу осваивают территории, основывают многочисленные города, остроги, острожки, зимовья, ставшие форпостами набирающей силу империи. Вместе со служилыми, а нередко и впереди шли промышленные люди, собиравшие ясак в свою пользу. Во избежание столкновений со служилыми, им приходилось идти еще не разведанными путями, таким образом, открывались все новые и новые земли и народы. Здесь же произошла первая встреча с западными ойратами.

Стремительность, с которой были разведаны столь огромные территории, часто объясняются малозаселенностью Сибири и тем более ее Северо-востока. Но нельзя преуменьшать вполне реальные трудности, связанные с этим процессом. Если учесть несоразмерность первопроходческих отрядов тем задачам, которые приходилось им решать, отсутствие четких и достоверных географических данных, бездорожье, непривычность ландшафта и природно-климатических условий, то остается только удивляться, как это все оказалось возможным.

Помимо собственно прагматических целей - поиска источников получения пушнины - казачьим отрядам приходилось решать в определенном смысле познавательные задачи: исследования географии, изучение обычаев и нравов местного населения, разведывание природных богатств. При этом им нельзя было забывать и о насущных проблемах жизнеобеспечения.

Первые русские появились на Анадыре в 1648 году. Знаменитый поход С.Дежнёва, открывший пролив между Азией и Америкой, драматически

---

²⁹ История Сибири, т. 2, 1968, с.3.

завершился в устье Анадыря. Поднявшись вверх по течению, Дежнёв с остатками отряда основал Анадырское зимовье, в 1660 году преобразованное в острог. И хотя размеры его были невелики, его население в середине XVIII века доходило до тысячи человек. Служилые, промышленные и торговые люди, а также местные аборигены жили собственно за его пределами. Так же вне острога была построена церковь. Значение острога неоднократно менялось. Наибольшее значение он имел в начальный период освоения Крайнего Северо-востока, а затем и в период освоения Камчатки. Но отдаленность его от административных центров, ближайшим из которых долгое время оставался Якутск, а также открытие морского пути на Камчатку и в Русскую Америку фактически превратили Анадырский острог в тяжелое бремя для центральных властей. К этому можно добавить сложные отношения с чукчами, которые часто совершали набеги на подданных России коряков. Те беспрестанно жаловались, впрочем, не всегда обоснованно, но проблема требовала решения. Была снаряжена военная экспедиция во главе с казачьим головой А.Шестаковым, чтобы установить мир среди народов Чукотки, а также открыть новые земли и их население привести в русское подданство. Но экспедиция потерпела поражение, была разгромлена большим отрядом чукчей, а Шестаков был убит. Принять команду было предложено Д.Павлуцкому и вместе с тем указано, чтобы “на чукоч до ея императорского величества войной не поступать, а призывать в подданство ласкою”. Указ пришел после того, как Павлуцкий вернулся из своего первого карательного похода 1731 года. Ему все-таки не удалось усмирить воинственных чукчей и в одном из боев он был убит. Упрекать в излишней жестокости русских казаков нельзя - они исполняли свой долг, защищая подданных своей страны, но нужно учитывать, что у чукчей отношение к этому было совершенно иным³⁰. Лишь спустя несколько лет после гибели Павлуцкого, командиру Анадырской партии И.Шмалеву, да и то после серьезного отпора коряков на очередной набег чукчей, удалось добиться желаемого. Но только в 1778 году был заключен мир с чукчами и они стали мирными.

В 1763 году главный командир Анадырска Ф.Плениснер донес сибирскому

---

³⁰ Богораз В.Г. (Тан) Восемь племен, М., 1962, с.324-326.

губернатору о бесполезности содержания острога. Отмечалось, что расходы на его содержание составили 478148 руб. 2 коп., на провиант войскам - 539246 руб. 71 коп., на доставку провианта и проезд служащих - 841760 руб. 78 коп., а собрано ясака лишь на 29152 руб. 9 коп.³¹. Решение о ликвидации острога, принятое Сенатом в 1764 году, было утверждено Екатериной II лишь в сентябре 1766 года, по-видимому, не просто из-за бюрократических проволочек. Дело в том, что Анадырская ярмарка, проводившаяся в остроге, была связующим звеном между русскими и местными жителями. Благодаря ей происходило сближение различных этнических групп и адаптация аборигенов к новым порядкам. С ликвидацией острога должна была прекратиться свое существование и эта ярмарка. Однако, по мнению Плениснера, покорить чукчей было трудно из-за обширности территории и “нет смысла”, так как пушнины было мало³². Наконец, в марте 1771 года из Анадырской крепости были вывезены остатки казенного имущества, “имевшаяся во оном Анадырске освященная церковь... разобрана и спущена на воду, крепость со стоявшими от разломания наводнением тремя башнями и стенами... в ней строения казенного: канцелярия с гоубвахтой одна, командирских покоев два с двумя анбарами, обывательских домов семьдесят пять, компанейский двор один - созжены”³³. Население было рассредоточено частью в Нижнеколымске, частью в Гижигинске. Анадырский острог был некоторое время наиболее крупным центром русского влияния на Чукотском полуострове, однако жизнь поселенцев была чрезвычайно трудна. Отсутствовала, как уже говорилось, надежная и постоянная связь с административными центрами, из-за чего частыми были задержки не только жалованья, но и снабжения привычными продуктами питания. Частый голод и болезни заставляли многих покидать эти места, но среди поселенцев были и те, кто прочно оседал на Анадыре, обзаводился семьей, приспосабливался к местным условиям жизни. Нередки были смешанные браки. Так, в 1685 году 6 казаков и 13 промышленных людей были женаты на женщинах местных народов³⁴.

---

³¹ Сафронов Ф.Г. Русские на Северо-востоке Азии в XVII- середине XIX в., М., 1978, с.38.

³² Сафронов Ф.Г., цит.пр., с.38.

³³ Вдовин И.С. Из истории русских на Анадыре в XVII-XVIII вв. в “Этнокультурные контакты народов Сибири”, Л., 1984, с.5.

³⁴ Там же, с.5

Формировалось особое местное население: русское по языку и культуре, но антропологически смешанное.

Сюда относятся потомки русских первопроходцев, потомки от смешанных браков, обрусевшее местное население - все они продолжали смешиваться и формировать анклавы своеобразной старожильской культуры. Подобное явление также свойственно и другим районам: Нижней Индигирки и Нижней Колымы. Эти поселения сыграли важную роль в становлении и укреплении русско-туземных связей. Расширение меновой торговли и включение в нее русских промышленных товаров, в особенности орудий промысла, создавало возможность, а затем и потребность в интенсификации хозяйственной деятельности местных жителей. После ликвидации Анадырской ярмарки, чукчи не раз обращались к русским властям с просьбой о восстановлении Анадырска, обещая при этом добровольно платить ясак. В связи с этим были открыты новые ярмарки на Анюе и в Гижигинске.

После открытия островов Северной Америки началось исследование и освоение новых территорий. В 1799 году несколько созданных ранее небольших торговых компаний были объединены в одну Российско-американскую. С именем одного из руководителей компании Петра Баранова связано оживление русско-туземной торговли, возрождение жизни в опустевшем после ликвидации Анадырска крае. По его же инициативе был основан торговый центр в устье Анадыря, вблизи которого стали селиться чукчи, а затем возник небольшой поселок, на месте которого в 1889 году возник пост Ново-Мариинск (совр. Анадырь). К сожалению, деятельность Компании была прекращена в связи с продажей русских владений в Америке и снова стал открытым вопрос о доставке товаров в регион. Благодаря деятельности Л.Ф.Гриневецкого и сменившего его Н.Л.Гондатти проблема была отчасти разрешена. Были учреждены несколько новых ярмарок, приближенных к чукотским поселкам, открылись казенные экономические склады для продажи коренному населению предметов первой необходимости, а также запасов продуктов на случай голода.

Конечно, меры правительства по устранению экономической зависимости Чукотки от иностранцев, прежде всего американцев, в некоторой степени

оправдывали себя. Торговля с коренным населением в основном перешла в руки русских государственных и частных предприятий. Но одновременно с русской торговлей дальнейшее развитие получила посредническая деятельность, которой воспользовались американцы. Практически в каждом береговом селении у них были свои агенты из среды местного населения, которые развозили товары по стойбищам.

К концу XIX века усилились процессы разделения чукчей на две хозяйственные группы: оленных и береговых. Они постепенно мигрировали на запад и на юг, оттесняя и частично ассимилируя эскимосов и коряков. Резко сократилась численность юкагиров, сильно страдавших от эпидемий и бескормицы, а также в наибольшей степени подвергавшихся ассимиляции со стороны тунгусов, якутов и русских.

С усилением роли дальневосточного Приморья и проведением правительством административно-территориальных реформ, Крайний Северо-восток превращался в глухую провинцию и культурное воздействие в регионе заметно ослабевает. Вновь возрождается интерес лишь с “промышленным освоением Севера”. Надо сказать, что подобные попытки предпринимались и ранее, но успеха они не имели.

Соприкосновение русских первопроходцев с аборигенным населением в целом проходило мирным путем, а случаи применения силы носили спорадический характер. Напротив, местное население обеспечивало служилых людей продовольствием, одеждой, часто служило переводчиками и “вожами” (проводниками). И уже в 1632 году за 6 тысяч верст от Москвы был основан Якутский острог, откуда открывался путь на Индигирку, Колыму и Анадырь. В 1638-1642 гг. на Индигирке, в 1643-1647 гг. на Колыме, в 1649 г. на Анадыре были основаны первые зимовья, некоторые из них стали затем острогами и даже городами³⁵.

---

³⁵ История Сибири, т.2, Л.,1968, с.49

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА

На обширных пространствах Северо-восточной Азии, изобилующих большим числом рек и озер, о которых колымский исправник барон Г.Л. Майдель писал, что “было бы достаточно взять краску кистью и брызнуть ею на бумагу - это и было бы самой верной передачей истинного положения вещей”³⁶, омываемых морями Северного Ледовитого и Тихого океанов, ко времени прихода русских проживало множество малочисленных народов. Суровый климат с холодной и продолжительной зимой и очень коротким прохладным летом, а также относительная замкнутость пространства способствовали выработке особых адаптивных механизмов, формированию своеобразных культур. Хотя значительная часть территории покрыта тайгой, но все же большая представляет собой тундру. Основные потребности человека удовлетворялись в буквальном смысле в борьбе за существование. Скудные природные запасы заметно сужали возможности диверсификации хозяйственной деятельности: охота на дикого оленя, птицу и морского зверя, и рыболовство. Вместе с тем с одомашниванием оленя появляются скотоводы. На основе контактов между хозяйственными группами происходили первичные процессы обмена. Это разделение труда не привело к коренным изменениям в культуре жизнедеятельности, так как основной процесс развития шел по пути расширения предметов удовлетворения в основном витальных потребностей. Все же со временем возникают особые группы людей, главным занятием которых становится посредническая деятельность³⁷. Совершенствуются навыки и собственно орудия труда, как, например, эскимосский гарпун с поворотным наконечником. Оптимально приспособленная к кочевому быту чукотская яранга свидетельствует о немалых технических достижениях так называемой первобытной культуры.

Однако зависимость от природной среды была очевидной. Любое изменение условий существования могло оказаться губительным. Так, некогда многочисленные

---

³⁶ Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? М., 1979, с.9

³⁷ Таковы, например, чукотские кавралыт (поворотчики), основная деятельность которых заключалась в обеспечении обмена продуктами промысла между отдельными группами чукчей, а

юкагиры из-за неблагоприятных природных катаклизмов, происшедших в конечном итоге из-за прихода русских, резко сократились численно. Это произошло вследствие изменений маршрута движения диких оленей через реки, а добытый в плавной охоте дикий олень был основным средством существования для отдельных групп юкагиров. «Время переправы оленей через Анюй составляет здесь важнейшую эпоху в году, и юкагиры с таким же боязненным нетерпением ожидают сего животного, с каким земледельцы других стран ожидают времени жатвы или сбора винограда»³⁸. «Бывали такие ужасные года, что употребляли в пищу лисье мясо, ремни, старые оленьи шкуры, даже старую одежду и вообще все, что попадало под руку»³⁹. Дело еще в том, что охотничье хозяйство требует гораздо больших площадей, чем, например, земледельческое. По некоторым подсчетам считается необходимым по 10 квадратных километров охотничьих угодий на человека⁴⁰. С приходом русских, с постоянно расширяющимися размерами пастбищ соседних скотоводов (чукчей, эвенов), охотники были вынуждены часто обращаться за помощью к своим соседям-оленьеводам, чем, по-видимому, объясняется столь интенсивная их ассимиляция.

Следствием голодовок была и низкая сопротивляемость болезням. Столь же печальные последствия ожидали береговых жителей - эскимосов, в конце XIX века оказавшихся на грани лишения основного источника существования из-за активного истребления китов и моржей целыми флотилиями американских китобоев⁴¹. Катастрофы не произошло благодаря взаимопомощи и некоторым мерам русского правительства.

Реакция на изменение природных факторов была различна. Сокращение поголовья дикого оленя для чукчей явилось стимулом развития оленеводства и морского зверобойного промысла, как двух ведущих отраслей хозяйства. Таким образом, комплексное хозяйство эволюционировало в наиболее перспективном

также эскимосов.

³⁸ Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. под начальством флота лейтенанта Ф.П.Врангеля. М., 1948, с.220.

³⁹ Жихарев Н.А. Повесть об Афанасии Дьячкове. Дьячков А.Е. Анадырский край. Магадан, 1992, с.205.

⁴⁰ Никитин Н.Н. Освоение Сибири в XVII веке. М., 1990, с. 124.

⁴¹ История и культура чукчей. Л., 1987, с. 66.

направлении.

Этот процесс проходил медленно и безболезненно для соседствующих оленеводческих народов. Даже после прихода в край русских, чукчи совершали частые набеги на оленных юкагиров и особенно коряков с целью захвата оленьих стад⁴². Это продолжалось почти до конца XVIII века. В.Г.Богораз, очевидно, не прав, считая, что “чукчи, когда они были оставлены в покое, с удивительной быстротой из “немирных” превратились в “мирных”⁴³. Возможна и иная трактовка: к этому времени поголовье домашнего оленя⁴⁴ достигло оптимальной величины и уже не было необходимости “проливать кровь”. Ставшие “мирными” чукчи перестали побуждать русские власти к применению силы для защиты русско-подданных коряков и естественно оставлены были “в покое”. С этого момента “чукотское оленеводство развивается только за счет естественного прироста” и в конце XIX века достигает внушительных размеров: некоторые оленеводы содержат по 10-12 тысяч оленей⁴⁵.

Другой пример приспособления к природе демонстрируют русские старожилы. Русская культура и ее земледельческое происхождение не вызывает сомнений⁴⁶. Достаточно обратить внимание на привычки, традиции, обычаи, обряды, имеющие по большей части земледельческие корни и отражающие условия обитания “среди лесов, полей и рек”. Но вплоть до нашего времени сохраняются формы деятельности, ведущие свое происхождение из более древних времен.

Собирательство, охота, рыболовство, бортничество из некогда основных превратились в сопутствующие или дополнительные виды занятий⁴⁷. Это относится не только к производственной культуре, но имеет прямое отношение и к сфере духовной. Обычаи, обряды, суеверия, то есть то, что и называется “пережитками”, придают своеобразие даже современной культуре.

Социокультурная система включает в себе весь культурно-исторический опыт

---

⁴² История и культура чукчей..., с.55.

⁴³ Богораз В.Г. Чукчи, т.1, Л., 1934, с.52.

⁴⁴ История и культура коряков, Спб., 1993, с.72-73.

⁴⁵ История и культура чукчей..., с.56.

⁴⁶ См. Зеленин, Цит. пр.

общества, в котором естественно переплетаются особенности взаимодействия со средой, взаимоотношения между людьми, между культурами, независимо от их взаимоотношения или взаимоотторжения. То, что русское население в условиях Северо-востока не реализовало своих земледельческих мотиваций вовсе не означало деградации или резкой трансформации.

Попытки землепашества предпринимались не только в Западной и Южной Сибири, где были подходящие климатические условия, но и в более северных районах на Лене, Енисее, Вилюе⁴⁸. Предпринимались попытки распространить земледелие в еще более северные районы, но они оказывались неудачными, поскольку сроки вегетации зерновых культур явно не совпадали с весьма коротким и относительно прохладным летом. Но даже на крайнем севере были освоены огородные культуры (капуста, репа, редька, а позднее и картофель). Отсутствие основного продукта питания компенсировалось за счет сохранения связи с “большой землей”. Хлеб на Северо-востоке был завозным и, следовательно, дефицитным, но даже в таких условиях жители нашли выход, используя муку из рыбьей кости в качестве суррогата настоящей. Ф.П.Врангель, вспоминая о встрече со священником Зашиверской церкви, пишет: “Отец Михаил угостил нас истинно по-русски: горшком жирных щей и свежим ржаным хлебом... В заключение подали пирог, испеченный из рыбьей муки - изобретение нашего хозяина. Для сего сухая рыба растирается в мелкий порошок, который, если его держать в суше, долго сохраняется и с примесью ржаной муки составляет очень вкусный хлеб”⁴⁹.

Правительство с самого начала колонизации Сибири предпринимало меры по созданию в регионе собственной продовольственной базы, чему способствовали льготы предоставляемые переселенцам-крестьянам. Они переводились в разряд государственных и пользовались некоторым преимуществом своего положения по сравнению с крепостными крестьянами центральных районов страны. Одновременно на них возлагались различные повинности, связанные с организацией власти на новых территориях. Расширили свои возможности и

---

⁴⁷ Там же, с.86-113.

⁴⁸ История Сибири ..., с.370-371.

⁴⁹ Путешествие..., с.126.

монастырские крестьяне, после секуляризации переведенные в разряд экономических. Эти процессы затрагивали непосредственно только районы, где было возможно земледелие, но даже там, где основными видами деятельности становились охота и рыболовство, давали себя знать “пережитки” земледельческой культуры. Своеобразный аналог трехпольной системы с паром практиковался на Индигирке. То или иное озеро на определенное время становилось “заказным” и в нем не разрешалось ловить рыбу⁵⁰. Но всюду выполнялось основное условие земледелия - оседлость. Станным кажется упрек выдающегося этнографа В.Г.Богораза: “русские завоеватели, однако, не могли примкнуть ни к бродячим охотникам, ни к кочевым оленеводам. Им нужна была оседлость, теплая изба, даже субботняя баня. Они примкнули к речным рыболовам, стоящим на низкой хозяйственной стадии, пассивным, неподвижным, но при этом оседлым”⁵¹. Отчасти, такое отношение было связано с тем, что автор наблюдал жизнь уже захолустного края, каким были эти места в конце XIX века, во-вторых, сыграло роль “политическое пристрастие” ссыльного народовольца по отношению к казакам, являвшимся “опорой самодержавия”, и, наконец, налицо явное искажение действительности, так как “примыкали” к русским поселкам туземные жители и не из-за сходного образа жизни, а в интересах торговли либо в поиске поддержки, поскольку конкуренция в условиях присваивающего хозяйства никак не вела к объединению и, наоборот, вела к острым стычкам.

Навыки охоты и рыболовства использовались на всем пути следования вглубь Сибири отрядов первопроходцев, “на месте” они дополнялись заимствованием опыта аборигенов, гораздо лучше знавших особенности местной фауны и возможности промыслов⁵². Дополнительным, но важным было для новопоселенцев собирательство, включавшее не только традиционные для русских грибы, ягоды, но и дикорастущий лук и некоторые травы. Но оно, конечно, не могло и не стало основой жизнедеятельности, как не было и для местных народов.

Во всяком случае, природный фактор оставался наиболее значимым, что не

---

⁵⁰ Чикачев А.Г. Русские на Индигирке. Новосибирск, 1990, с.68.

⁵¹ Богораз В.Г. Цит. пр., 1934, с. 40.

⁵² См. Богораз В.Г. Материальная культура чукчей, М., 1991.

снижает его значения даже в наши дни, но экологические проблемы стоящие сегодня связаны с осознанием последствий нарушения природного баланса. Относительная устойчивость культур Северо-восточной Азии объясняется незначительным на столь обширном пространстве “давлением на природу”, но процессы, имевшие место в XVII столетии и связанные с приходом русских, начались, по-видимому, ранее и были обусловлены более значимыми перемещениями народов в Восточной и Центральной Азии, и поэтому “застойный характер” местных культур мог прерваться в любой момент и насколько бы он оказался “травмирующим” для насельников региона остается только гадать.

Изменения все же происходили, хотя при сохранении изоляции, они могли быть более медленными.

Ко времени прихода русских этническая ситуация на крайнем Северо-востоке представляла собой сложную мозаику. На территории жили юкагирские племена (омоки, чуванцы, ходынцы, анаулы), чукчи, коряки, кереки, эскимосы. В близком контакте с ними кочевали эвены, представители тунгусо-маньчжурских народов. Их кочевья, простиравшиеся на обширной территории вдоль Охотского моря и дальше на север, создавали своеобразную границу, отделявшую народы Северо-востока от других народов Сибири. Они оказали большое влияние на жизнь Северо-востока, во всяком случае, в ассимиляции, по мнению В.А.Туголукова, значительной части юкагиров⁵³. Юкагирские племена, бывшие ранее более многочисленными, на рубеже XIII-XIV вв. проникли на Анадырь и “клином” разделили близкородственных чукчей и коряков, что способствовало их дальнейшему обособлению. Юкагиры, селившиеся вдоль рек и занимавшиеся охотой и рыболовством, с приходом русских, использовавших реки как основные транспортные артерии, были в первую очередь объяснены. Не все группы юкагиров в равной степени выражали верноподданнические чувства, часть их вместе с чукчами еще некоторое время активно сопротивлялась и совершала нападения на ясачных людей. Но численность их, вследствие ассимиляции и эпидемий, неуклонно уменьшалась и к концу XIX века их осталось немногим более 400. “Имея перед глазами судьбу ительменов и юкагиров, почти поголовно

уничтоженных царизмом” можно думать, что туземные племена Северо-восточной Сибири обречены на вымирание. “Так оно и было бы, если Октябрьская революция, свергнув старый строй, не освободила бы чукоч от воздействия царской “культуры” и “цивилизации” и не представила этой отсталой народности возможности при помощи русского пролетариата развивать свою культуру, национальную по форме, социалистическую по содержанию”⁵⁴. Понятно, что не только царизм способствовал вымиранию юкагиров. Во многом это объяснялось особенностями хозяйственной деятельности, мало приспособленной к изменяющимся условиям. Даже юкагиры-оленьеводы занимались наименее продуктивным транспортным направлением этого хозяйства. Юкагиры были обречены, что нашло свое выражение и в их фольклоре⁵⁵.

Ясачные юкагиры были основными помощниками русских не только как поставщики пищи, одежды, но служили проводниками, переводчиками, посредниками в русско-туземной торговле.

Чукчи, коряки, керекы наиболее близкие по языку и культуре народы. Чукчи вели комплексное хозяйство, в котором сочеталась охота на дикого оленя, оленеводство и морской зверобойный промысел. Они были неплохими мореходами. Во всяком случае, есть сведения, что на американский континент они выезжали целыми байдарочными флотилиями⁵⁶ для “немой торговли” с аляскинскими эскимосами, не всегда мирным путем совершая обмен “товарами”. С XVII века начинается обособление двух основных хозяйственных групп чукчей, хотя связи между ними не прерывались. Обмен продуктов оленеводства на продукты морского промысла способствовал выделению особой группы торговцев-поворотчиков. Оленные чукчи, а благодаря им и береговые, будучи наилучшим образом приспособленными к суровым условиям Арктики, в наименьшей степени страдали от эпидемий и голодовок. Значительно более других они не только сохранили, но и увеличили свою численность. Несмотря на поистине огромные расстояния перекочевки чукотского стойбища, достигающие до 150-200

---

⁵³ Туголуков В.А. Цит. пр., с. 5.

⁵⁴ Алькор Я.П. Предисловие редактора. В кн. Богораз В.Г. Чукчи, ч.1, Л., 1934, с. VIII

⁵⁵ Народы Сибири, М.-Л., 1956, с.894.

километров⁵⁷, у них практически нет деления на диалекты⁵⁸. “Чукчи настолько независимы от чужих влияний, что предпочитают создавать свои собственные слова для новых предметов, приходящих к ним из цивилизованного мира”⁵⁹. Хотя это не совсем так, чему свидетельством могут служить чукотско-эскимосские лексические заимствования⁶⁰, но в целом неподверженность влияниям остается в какой-то степени и в наши дни. У чукчей наибольший среди малочисленных народов процент говорящих на родном языке.

Береговые чукчи живут в тесном контакте с азиатскими эскимосами, иногда чересполосно, причем, часто ассимилируя последних, благодаря чему их численность растет. Они в наименьшей степени подвергались русскому влиянию, что сохранялось и в более позднее время. В “Сборнике официальных документов по управлению Восточной Сибирью” за 1882 год читаем: “Чукчи издавна славут народом воинственным и непокорным и состоят лишь в номинальном подданстве России. На основании существующих законоположений, чукчи составляют особенный разряд инородцев, считающихся в зависимости от России без совершенного подданства; законом им предоставлено вносить ясак произвольно как по качеству, так и по количеству, и за взнос ясака принято одаривать их, на что отпускается из Кабинета Его Величества особая сумма по 150 руб. в год. Оленные чукчи с давних пор уже имеют сношения с русскими, приходя ежегодно на ярмарки в Анюйскую крепостицу и Анадырский острог, сознают о своей принадлежности России и вносят ясак. Носовые же чукчи никогда не имели с русскими никаких непосредственных сношений, по-русски не знают ни одного слова, о России имеют самое смутное понятие, а своей принадлежности к ней у них не заметно даже слабого сознания, - как свидетельствуют о том новейшие официальные данные”⁶¹.

Коряки в отличие от чукчей не представляют собой в полном смысле

---

⁵⁶ История и культура чукчей..., с. 43.

⁵⁷ Богораз В.Г., 1934, с. 12.

⁵⁸ Языки народов СССР, Л., т.5, с.269.

⁵⁹ Богораз В.Г., 1934, с.11.

⁶⁰ См. Меновщиков Г.А. Некоторые типы языковых контактов у аборигенов Северо-восточной Сибири, М., 1970.

⁶¹ Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032-1882 гг.

единства как в языковом (наличие многих диалектов), так и в хозяйственном отношении. Традиционно разделяются, как и чукчи, на две основные группы: оленных и береговых. Береговые коряки в большей степени подверглись русификации. Процесс объясачивания у коряков проходил медленно из-за их активного сопротивления, но к середине XVIII в., не без влияния участвовавших к тому времени набегов чукчей, он в основном завершился. Кереки, которых иногда считают одним из подразделений коряков, и эскимосы, представляющие вместе с алеутами особую языковую группу, большая часть которых расселена по арктическому побережью Северной Америки и в Гренландии, особого значения для развития русско-туземных связей не имели.

Мировоззрение оленевода, китобоя, воина формировалось в тесном отношении с природной средой, с особенностями хозяйственной деятельности. Необходимость четкой ориентации на тех обширных пространствах, где происходила кочевка, развивала наблюдательность, породила богатейшую топонимику⁶². Жизненно важные предметы и явления, от которых в той или иной степени зависел успех деятельности, получали свое специальное название, доля обобщающих слов при этом была значительно меньше, что, как известно, весьма характерно и для профессиональных жаргонов. Так, для русского нарта и есть нарта, а для коряка это может быть несколько разных слов, отражающих особенности ее использования, изготовления: ездая, грузовая, для перевозки посуды, для перевозки шестов юрты, для перевозки детей, легкая нарта для спортивных состязаний, чукотская нарта⁶³. В то же время в языке имеются и обобщающие слова. Так, чукчи и коряки многие соседние народы, не исключая друг друга, называют общим словом со значением “чужой, противник”, добавляя соответствующие определения: настоящий, огнивный, бородатый и т.д.

Зависимость от капризов природы вела к ее одухотворению, наделению окружающего мира свойствами субъекта - духа, часто представляемого зооморфно, а иногда в человеческом образе. Сама эманация добра и зла зависела от состояния

Сургут, 1993, с. 157.

⁶² См. Леонтьев В.В., Новикова К.А. Топонимический словарь Северо-востока СССР, Магадан, 1989.

⁶³ Языки..., цит.пр., с. 291-292.

того или иного предмета или явления. Расположение какого-либо духа или его гнев, пусть даже вовсе не мотивированный, мог оказать решающее воздействие на успех охоты и лечение болезни. Со временем выработались специальные процедуры умилоствления, задабривания духа либо непосредственно путем жертвования, либо с помощью посредника. Охранительную функцию у чукчей выполняли, например, собаки, различные амулеты, но специальная процедура требовала особого ритуала, каковым стало камлание. При этом не всегда это выполнялось “профессионалом”, допускалось и семейное шаманство, когда один из членов семьи мог совершать камлание. Тотальное включение всех принимающих в этом действе участие в чем-то напоминало коллективный транс или сеанс коллективного гипноза и производило на русских, впервые наблюдавших подобного рода мероприятия, неизгладимое впечатление⁶⁴. Однако чаще всего шаманами становились особые люди. С.А.Токарев считает, что шаманы, как правило, нервнобольные люди, отличающиеся умением произвольно вызывать у себя состояние припадка⁶⁵. Это не во всех случаях так⁶⁶. Произвольная настройка и последующий вполне нормальный “самоотчет” могут быть лишь у вполне здорового человека, обладающего психотехнической способностью введения себя в нужное состояние и соответствующими личностными характерологическими задатками. Если и можно говорить о “заболевании”, то лишь о таком, которое обычно называется “пограничное состояние”. Вполне сложившейся системы шаманство не представляло и использовалось чаще при лечении болезней, а в промысловой деятельности довольно развитые представления о сверхъестественном играли менее заметную роль⁶⁷. Однако шаманство способствовало в какой-то степени кодификации мифологических и космологических представлений, а благодаря “самоотчетам” создавало зону их ближайшего развития.

Русским шаманство чем-то напоминало заговоры, поскольку речь шла о “налаживании” отношений с чем-то или кем-то потусторонним. Они легко усвоили

---

⁶⁴ Путешествие..., с. 183, 372.

⁶⁵ Токарев С.А. Ранние формы религии, М., 1990, с.279-280.

⁶⁶ Басилов В.Н. Поиски духов. М., 1984, с.141.

⁶⁷ Локальные и синкретические культы, М., 1991, с. 108.

это явление культуры и часто прибегали к помощи шамана в трудных случаях. Разделение на три мира: тот, где живут люди; верхний, где живут предки или добровольно умершие; нижний, где обитают злые духи (кэле) и умершие по болезни, - так же было вполне понятно и для русских поселенцев, было близко их собственным представлениям о мире, что так же способствовало установлению культурного диалога. Свидетельством этого могла быть картина сотворения мира. Творец поручает Ворону “продолбить зарю”, но тому сделать это не удается, за что он изгоняется⁶⁸. Ворон совмещает затем в себе черты культурного героя и демиурга, он, в том числе завершает и улучшает уже созданное. Когда появляются русские, то одним из “творений” становятся и они: их создают из забытого на стойбище огнива⁶⁹. Творец является, в сущности, не столько субъектом творения, сколько его инициатором. При этом в его функции может выступать совершенно случайный герой, как в сказке о непослушной дочери. Контаминация черт демиурга и культурного героя и вычленение некоего анонимного Творца, думается, могла произойти под влиянием христианского мировоззрения.

РУССКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ

Переселенцы значительно увеличили население Сибири. За 300 лет после присоединения оно выросло в 67,5 раза. К середине XVIII века русское население почти сравнялось, а к началу XIX века уже в 4 раза превосходило местное. Несмотря на абсолютное увеличение коренного населения к концу XIX века его доля составляла всего 15%⁷⁰.

Заселение Сибири осуществлялось двумя путями: правительственным и народным. Если первый был вполне управляем, то второй относительно стихийен. Совершенно неправильно полагать, что из-за потока народной колонизации податное население центральной России уменьшилось в XVII веке на 20%, а в поморских городах на две трети⁷¹, поскольку уменьшилось не население, а число

---

⁶⁸ История и культура чукчей, с.87-88.

⁶⁹ Богораз В.Г., 1934, с. 7; История и культура чукчей, с. 88.

⁷⁰ Шунков В.И., Цит. пр., с.232.

⁷¹ Кирьяков В.В., Цит. пр., с. 28.

дворов облагаемых податью, так как многие помещичьи и государственные крестьяне, а также посадские люди часто жили по несколько семей одним двором дабы снизить величину обложения. Тем не менее, поток переселенцев возрастал. “Страшна Сибирь слухом, а люди лучше нашего живут”, говорила пословица, а сибирские отвечали: “Русь навалила, нас всех задавила”⁷². Организованные переселенцы получали некоторые льготы от правительства, надел земли и даже средства на обустройство. Что касается переселяющихся самовольно, то они либо “захватывали ничейную землю”, либо шли в найм в монастыри, к богатым крестьянам, но значительная их часть приверстывалась в служилые люди, составляя вместе с казаками отряды первопроходцев.

В начале колонизационного периода центром всей Сибири был Тобольск. Оттуда посылались отряды служилых и осуществлялось управление расширяющейся империи. В составе служилых, помимо казаков были представители духовенства и своего рода чиновной администрации. Собственно они были орудием, с помощью которого устанавливалась и распространялась государственность. Если в средние века “личность не была индивидуализирована и оставалась теснейшим образом связанной с коллективом, группой, неотделимой частью которой она являлась”⁷³, то это не относилось к воину, ибо он “должен был полагаться на собственные силы, мужество и боевой опыт”⁷⁴. Эпоха присоединения Сибири сохранила огромное число имен конкретных людей. Значительный сдвиг в общественном сознании нашел свое выражение и в литературе⁷⁵.

Кроме своих служебных обязанностей первопроходцам приходилось решать большой объем бытовых задач, обладать качествами путешественника, иметь навыки строительства, заниматься охотой и рыболовством, быть просто выносливыми и сильными людьми. Внутренняя иерархия в военном гарнизоне была довольно четкой. Высший чин служилого, как правило “по отечеству” - сын боярский, остальные “приборные”: сотники, атаманы, пятидесятники, десятники и рядовые казаки. Но даже в столь организованном войске нельзя было говорить в

---

⁷² Даль В.И. Пословицы русского народа., М., 1957, с. 345.

⁷³ Гуревич А.Я. Цит. пр., с. 198.

⁷⁴ Там же, с.212.

⁷⁵ Ромодановская Е.К. Русская литература на пороге нового времени, Новосибирск, 1994, с. 4.

полном смысле о круговой поруке и единоначалии. Практически получалось, что каждый казак, а тем более выше чином, нес ответственность лично перед государем за исполнение своих обязанностей, за что и получал соответствующее жалованье.

Постепенно расширяющаяся территория требовала и административного управления. Из Тобольска направлялись в разные концы отряды служилых людей. В Якутский острог, ставший центром всего Северо-востока, в 1638 году был послан отряд во главе с воеводами П.П.Головиным и М.Б.Глебовым. Он состоял из 400 человек. В их задачи входило приискание новых земель и вместе с тем сбор ясака. Даже не требуется никакого анализа, чтобы понять сколь малы были силы этого аппарата государственной власти. Более того, значительная часть этих сил была направляема в остроги и зимовья, а в самом Якутске оставалось около 50 человек. Постоянные разъезды и длительные отлучки по нескольку лет, хроническое недополучение жалованья и сложности доставки по назначению собранного ясака не давали ожидаемого эффекта от присоединения земель и создавали лишние трудности для служилых людей. Несмотря на строгие предписания “не обижать ясачных людей”, служилые люди часто прибегали к насилию, а соревнующиеся между собой “ватаги” служилых людей часто брали ясак с одного и того же по нескольку раз. Охотники за ясаком иногда намеренно создавали поводы для усмирения “ратным боем”, захватывали добычу, в том числе жен и детей инородцев (“ясырей”), а затем перепродавали. Захватывались аманаты из “лучших людей” и тем лишали племя наиболее умелых охотников, оленеводов, способствуя сокращению численности аборигенов⁷⁶. Нередки были раздоры в среде самих служилых⁷⁷.

Служилые люди обычно жаловались на голод и нужду, обращались с просьбами увеличить жалованье, повысить в чине. В челобитных многое обычно преувеличивалось, поскольку казаки могли вполне возместить свой ущерб за счет ясачного населения. Об этом говорят, например, взятки, которые брали воеводы

---

⁷⁶ Туголуков В.А. Цит.пр., с.20.

⁷⁷ Белов М.И. Семен Дежнев. М., 1948, с.103.

при посылке служилых по зимовьям⁷⁸. И все же трудностей было достаточно.

Правительство, несмотря на безусловные выгоды от освоения новых территорий, не спешило вкладывать средства в это важное дело. Не потому, конечно, что не понимало, а просто таковых средств было недостаточно. Главной заботой правительства оставалось обустройство менее отдаленных и более прибыльных районов, а также создание собственной сибирской продовольственной базы. При этом оно не отказывалось и от дальнейшего расширения территории и приведения “под высокую руку государя” новых подданных. Все попытки якутских воевод увеличить штат гарнизона не увенчались успехом. Когда в 1677 году тунгусы побили казаков, шедших из Якутска в Охотск, и захватили государевы товары, хлеб и вооружение, а затем около тысячи тунгусов обложили Охотский острог, воевода Ф.Бибииков смог послать на выручку осажденным всего лишь 60 человек. “В записках служилых людей отдельные вооруженные столкновения усердно раздувались с целью получения награды за боевые заслуги. Если же внимательно отнестись к имеющимся данным, то становится ясно: столкновения русских отрядов были незначительны. Отряды из 5-10 человек совершали путь по тайге и возвращались собрав ясак. Русские однодворные и двудворные деревни в Ленском крае существовали среди якутов десятилетиями. Это возможно лишь в условиях мирного сосуществования, а не при ожесточенных сражениях”⁷⁹.

Состав служилых людей был разнороден. Помимо собственно казаков, если иметь в виду лишь массовую их часть, в службу верстались многие ссыльные, включая принявших православие иноземцев. Из 124 ссыльных в Тобольск с сентября по апрель 1641-1642 гг. на службу были поверстаны 80, на пашню - 28⁸⁰. Если учесть, что многие отправленные на пашню бежали в служилые, потому что им пашенная работа “не за обычай”⁸¹, то, следовательно, основная масса ссыльных отправлялась на службу. К этому нужно присовокупить практику заместительного найма. Сибирские казаки неохотно шли на службу из-за тяжелых условий ее

---

⁷⁸ Сафронов Ф.Г. Цит.пр., с. 89-90.

⁷⁹ Шунков В.И. Цит.пр., с.350.

⁸⁰ Сафронов Ф.Г. Цит.пр., с.34.

⁸¹ Там же, с.37.

прохождения в отдаленных местах Сибири, но могли нанимать вместо себя кого-либо другого. Число наемщиков было внушительно. Из привезенных в 1648 году в Якутск 50 казаков половина была наемщиками⁸². Число наемщиков увеличивалось за счет нанятых по пути следования к месту назначения из-за болезней. По каждому случаю составлялась ручательская запись: “Се яз Федор Кузьмин сын Важенин, гулящий человек, дал есьми настоящую запись Енисейского острогу служилому человеку Онтипе Иванову: я нанялся у него в его место на службу и служить мне за него всякая служба зимою и летом, и нартою и на лыжах, с ыными енисейскими служилыми людьми, куда пошлет атаман Осип Галкин. Служити мне за атаманом Галкиным и служилыми людьми до перемены, как в Якутский острожек перемена будет атаману и служилым людям. Найма взял 21 пуд муки ржаной, топор, 4 безмена сала говяжьего, 4 безмена толокна, 4 безмена круп”⁸³. К служилым людям присоединялись промышленные, по своей воле становившиеся охочими служилыми людьми. Как видим, служилые на самом деле рекрутировались не только из приборных, но иногда совершенно случайных людей, каковыми могли быть не только русские, но и ссыльные иноземцы.

Основной центр формирования служилых отрядов - Тобольск, затем эта сфера расширяется и людей набирают из Березовского и Енисейского уездов. Ссыльные начинают прибывать в более отдаленные районы, туда же наезжают промышленники, возникают крестьянские волости, а кое-где и посады. Формируется русское население, за счет которого можно пополнять состав служилых людей. Некоторая часть нерусского населения принимала православие и таким образом также могла быть поверстана в службу⁸⁴. Весьма показательное заполнение “выбылых мест” в Якутском гарнизоне⁸⁵:

Год	1648	1656	1675	1684	1686	1701
Выбыло	19	72	?	40	185	81

⁸² Шунков В.И. Цит.пр., с.59.

⁸³ Сафронов Ф.Г. Цит.пр., с.60

⁸⁴ Там же, с.60.

Прибыло	17	27	?	22	38	59
Ссылные	8	8	2	5	2	1
Промышленные	6	14	22	4	-	-
Казачи	3	5	5	10	35	57
Новокрещенные	-	-	2	3	1	-
Прочие	-	-	-	-	-	1(посадский)

Как видно, поначалу потенциал служилых составляли ссылные и промышленные (и гулящие), но к началу XVIII века они в основном набирались из казачества (включая детей и родственников казаков). Казачье звание становится с 1707 года наследственным, а служба из временной - пожизненной. Число промышленных людей быстро сокращалось из-за истребления соболя и других ценных пушных зверей.

Центральные реформы давали себя знать в Сибири. К концу XVIII века учреждается Казачье войско. Если в течение всего XVII века русским приходилось постоянно отражать набеги кочевников по всей южной линии от Волги до Алтая, то с середины XVIII века сооружаются укрепления: Иртышская, Ишимская, Оренбургская линии - своего рода пограничные заставы, для обеспечения которых требовались более организованные силы. К началу XIX века становятся насущными проблемы реформирования управления страной, в том числе Сибирью. В то время существовали две различные точки зрения на значение края. Одни рассматривали ее как колонию, другие как на естественное продолжение России. К последним принадлежал назначенный новым генерал-губернатором Сибири М.М.Сперанский. Находясь под впечатлением от немецких романтиков, чтением которых он увлекался во время Пермской ссылки, Сперанский считал, что “социальный организм нельзя втиснуть в заранее подготовленные рамки. Подобно саду, рост “древа политики” можно контролировать, но нельзя прибегать к насилию над предрасположенностью общества”⁸⁶. При всем желании достичь

---

⁸⁵ Составлено по данным из: Сафронов Ф.Г. цит.пр., с. 64-65.

⁸⁶ Чибириев С.А. Великий русский реформатор. Жизнь, деятельность, политические взгляды М.М.Сперанского. М., 1993, с.138.

оптимального положения нужно набраться терпения и учесть исторические традиции. Главным принципом, которым руководствовался Сперанский, было упрощение и удешевление административного аппарата с возможно большим ограничением личной власти начальников. Местные власти поистине чувствовали себя царьками. Вымогательство и просто издевательство над людьми было в порядке вещей. Многие воеводы и даже губернаторы несли за свой произвол заслуженную кару. Этим же пришлось с самого начала заняться и новому генерал-губернатору, но главным его достижением были реформы. Им были учреждены Главное управление торговли, сосредоточившие все вопросы, связанные с этим важным делом. Образована Казенная палата, ведавшая отношениями землепользования. Был создан Совет при губернаторе, в какой-то мере ограничивавший его власть, но, главное, делавший ее подконтрольной. Были разработаны Устав о ссыльных и Устав об управлении инородцев, произведена административная реформа. Вся Сибирь была подразделена на два генерал-губернаторства: Восточная Сибирь с центром в Иркутске, и Западная Сибирь с центром в Тобольске. К Восточной Сибири были отнесены Иркутская и Енисейская губернии, Якутская область и Охотское и Камчатское приморские управления. Губернии, области и управления были подразделены на округа. В соответствии с Уставом об управлении инородцев все аборигенное население, получившее название “инородцы”, было подразделено на три разряда: оседлых, приравненных в правах к разным сословиям русских (татары, алтайцы и др.); кочевых, приравненных в правах к государственным крестьянам (буряты, якуты и др.); бродячих, оставленных в ясной зависимости (чукчи, ненцы, манси и др.). Управление кочевыми и бродячими племенами должно было производиться по их законам и обычаям. Собственно данная иерархия была предназначена для того, чтобы по “мере созревания” те или иные народы переходили в более высокий статус. Это должно было способствовать естественному становлению российско-подданных. Таким образом, устанавливалась система естественной ненасильственной ассимиляции (или интеграции). Вводилась низшая административная единица для коренных жителей - род, не имевшая ничего общего с первобытным родом (откуда собственно “инородцы”), а во главе рода

стоял староста (заменивший прежнее “князец”). При этом инородческое управление вело суд по обычному праву, что касалось гражданских дел, но уголовные дела разбирались в более высоких инстанциях на основе общерусского права⁸⁷.

Устав о ссыльных регламентировал порядок препровождения ссыльных по этапам, их материально-финансовое положение, вводил в четкие рамки закона их права и обязанности. В начале XIX века правительство начинает задумываться о том, какое влияние должны оказать засельщики Сибири на развитие и поднятие экономического благосостояния края. В этом русле и проводились реформы Сперанского. Несмотря на то, что не все его мысли воплотились в жизнь и многие идеи остались лишь благими пожеланиями, что “по идеалу нельзя судить обо всем обществе. Но он служит показателем господствующих умонастроений, нравственных норм, принятых в этом обществе, и отражает систему ценностей, которой так или иначе руководствуются его члены”⁸⁸.

Мировоззрение начала XIX века во многом обязано Отечественной войне 1812 года, на которой разные слои общества, разделенные сословными перегородками, смогли увидеть друг друга, что оказало воздействие на формирование “диалогического типа культуры”⁸⁹. Взаимоотношения новопоселенцев и местных аборигенов всегда основывались на предшествующем опыте людей. Формирование понятия о другом опиралось на имевшееся знание о себе. ““Мы” и “они”, “свое” и “чужое” тесно переплетались в процессе взаимодействия. “Они” на первых порах куда конкретнее, реальнее, несут с собой те или иные определенные свойства - бедствия от вторжения “их” орд, непонимание “ими” “человеческой” речи (“немые”, “немцы”)”⁹⁰. Вместе с тем ““Мы” - это уже значительно сложнее. Реально существовавшая в первобытности общность, взаимосвязь индивидов ощущается теперь каждым из них либо посредством той или иной персонификации, либо посредством различных обрядов, обычаев, подчеркивающих принадлежность индивидов к данной общности в

---

⁸⁷ Там же, с. 146.

⁸⁸ Гуревич А.Я. Цит.пр., с. 254.

⁸⁹ Романов В.Н. Историческое развитие культуры. М., 1994, с. 134.

⁹⁰ Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1966, с.81.

отличие от “них”⁹¹. Первые контакты, если они носили мирный характер, вызвали ощущение чего-то непривычного и соответственно чужого, но тогда возникло и понятие о себе, как о чем-то настоящем, своем. Чукчи и коряки называют друг друга “таньмгытан” или “таннго”, что все-таки более “чужой”, чем “противник” в смысле “враг”. Себя же называют при этом “человек”, “настоящий человек”, “житель данного поселка”. Таково же самоназвание нивхов, означающее “человек”. Этого же порядка, но по признаку языка, у славян противопоставление “немцам”. Когда древняя летопись, перечисляет разные народы (“языки”), то других именует “язык нем”. Развитие взаимоотношений могло приводить к дальнейшему уточнению. Немирный их характер вызывал либо переосмысление уже имевшихся названий, либо прямое указание на враждебность, как “булэн” (“враг”) - эвенское название юкагиров бывших в прошлом воинственными⁹². С другой стороны, обычно мирные отношения определяли иной тип названий: “восточные”, “живущие у такой-то реки”, “жители побережья”, “поляне”, “бужане” и т.п. “На определенном этапе развития общества этнического самосознания, отличного от осознания принадлежности к тому или иному родственному коллективу, вообще не существовало... этническое самосознание еще “не вычленилось” из самосознания родственной группы”⁹³. Славяне, осознававшие языковую близость “ввели” территориальные маркеры: рязанцы, владимирцы, полочане и т.д. У германцев уже произошло отчуждение территориальной “привязки” и, наоборот, по названию “бавары” называется территория, на которой они начинают проживать, хотя при этом могут возникать и вновь созданные территориальные определители. С распространением мировых религий, уже со средних веков основным фактором самоидентификации служит конфессиональная принадлежность: христиане - басурмане, православные - католики. При этом в конфессии могут состоять представители разных “языков”, и более того, “обращение в свою веру” становится “богоугодным делом”. Чаще всего мотивы не совпадали с мотивировками “обращенческих походов”. Так, одна из Сибирских летописей, Есиповская

---

⁹¹ Там же, с.82.

⁹² Никонов В.А. Этнонимы Дальнего Востока. В кн. “Этническая ономастика”, М., 1984, с. 47.

⁹³ Крюков М.В. “Люди”, “настоящие люди” (к проблеме исторической типологии этнических самоназваний): “Этническая ономастика”, М., 1984, с. 11.

(основная редакция) следующим образом трактует поражение Кучума: “Закон же царя Кучюма и иже под его властью быша, держаще Моамета проклятого, инии же кумиром поклоняющиеся и жрут им яко богу... яко сего ради посла бог гнев свой на сего царя Кучюма и иже под его властью бысть, яко закона божия не ведуще и поклоняющиеся идолом, и жрут бесом, а не богу богом, их же не ведуще, яко же древле при законодавце Моисее сотвориша израильстия людие телец и вместо бога поклонилися ему и ркоша: “Се боги твои, Израилью”. И сего ради посла на сих господь бог гнев свой” и зря Кучум велел “муллам своим кликати скверную свою молитву, призывати скверныя своя боги”⁹⁴, ему не удалось одолеть истинного бога. Более активную позицию по отношению к исламу занимали протестантские реформаторы XVI века. “Согласно Лютеру, ислам - религия насилия, которая служит антихристу, мусульмане лишены разума, поэтому бессмысленно обращать их в истинную веру. Им можно противостоять лишь силой меча”⁹⁵. Столь неприязненное отношение основывалось большей частью на “образе врага”. Для Московского государства врагом был Кучум, а его “отличительным признаком” была мусульманская вера. Непосредственное общение между народами постепенно снимало столь неприязненное отношение и, наоборот, в Средней Азии “среди народов, которые были мусульманами больше по названию и отличались религиозной индифферентностью, российская администрация сама укореняла ислам”⁹⁶.

Первое знакомство с северными народами, также производило впечатление, в котором более осуждения, чем высокомерного пренебрежения. “Пегая ж орда и остяки, и самояды закона не имеют, но идолом поклоняются и жертвы приносят, яко богу, волшебною же хитростью правяще дома своя все; понеже егда приносят дары кумиром своим, тогда же молят, яко сего ради приносят, яко подаст ему кумир он вся многая в дому его. Во истину и скотом не уподобилися сии людие: скот бо аще и бессловесно есть, богом не велено ясти ему, и не яст зверя, или птицы, или траву сенну, Сии же человецы не уподобишася сим, понеже бога, иже

---

⁹⁴ Полное собрание русских летописей, т. 36, ч.1, М., 1987, с. 48-49, 54.

⁹⁵ Журавский А.В. Ислам в христианской мысли. “Восток”, №3, 1995, с.67.

⁹⁶ Лурье С.В. Русские в Средней Азии и англичане в Индии. В альманахе “Цивилизации и

суть на небесах, не ведающе ни закона, еже от поведующих слышаще, не приемлюще. Сыродцы, звериная и гадская мяса снедающе, скверна и кровь пияху, яко воду, от животных, и траву и коренья ядяху”⁹⁷. Как видно первейший признак - это наличие закона и веры, затем уже наиболее отчетливые признаки, присущие данным народам. Все это вполне согласовывалось с основными задачами первопроходцев: привести под высокую царскую руку и по возможности обратить в свою веру. Иной народ не воспринимался как заведомо чуждое, лишь общий исторический опыт создавал те или иные коллизии, порождавшие “агрессивные” формы подавления по отношению к “агрессивным” народам. В других случаях процесс адаптации и ассимиляции всячески поощрялся, но не был обязательным. Комплиментарность различных культур не вызывала и жестких мер. Это происходило вследствие мировоззренческих особенностей, сочетавших как характерные для того времени социально-политические черты, так и над-этническое сознание и самосознание, то есть для того времени религиозность была непрямым элементом понятия “свой”.

Принадлежность к обществу, к миру, формировавшаяся в рамках мирской психологии, до некоторой степени разрушалась за счет формального отчуждения от общины. Однако маргинальность по отношению к ней обусловлена не психологической отчужденностью, не изменением культурной доминанты, а путем расширения сознательной сферы не ограничиваемой данной территорией. Выход за пределы мира не довершал разрушение общинной психологии и при благоприятных условиях маргинализованные, лучше сказать эмансипированные от общинной системы индивиды, на новом месте воспроизводили все основные параметры общинного существования. Главным отличием маргинализованного индивида была открытость влияниям, которые, впрочем, редко затрагивали основополагающие черты культуры. Для бывшего общинника была важна не столько свобода от общины, сколько сама возможность освободиться. Это было важным сдвигом в сознании нового времени, что было особенно значимо в условиях еще сохранявшейся и укреплявшейся крепостной системы.

культуры”, вып.2, М., 1995, с. 262.

⁹⁷ Полное..., с. 45.

Формирование рефлексии, самосознание себя как активного члена общества превращало индивида в личность. Этот процесс, по-видимому, затрагивал не только служилых, но в какой-то степени и крестьян, особенно государственных, которые составляли большинство сибирского крестьянства. Их челобитные, направляемые царю, вызывают не просто к чувству жалости, но апеллируют к справедливости, закону, праву, несмотря на то, что по традиции они составлялись в уничижительной для просящего форме⁹⁸.

Взгляд на другого человека и способность понять его и даже пожалеть, при этом, получив полезную информацию, просматривается в расспросных речах, из которых выясняется чем интересовались русские. Информаторами были либо аманаты, либо просто ясачные люди. “Прежде всего рассказывали о себе, какого они племени или рода и как зовутся, где живут, как далеко простираются их владения, кто у них главный, чем занимаются, какой образ жизни ведут, есть ли хлебопашество, с кем торгуют и чем, как строят дома, во что одеваются, какая у них вера и т.п.”⁹⁹. Со временем меняется и “отчет” первопроходца: “Да на той же де Колыме в сторонней реке, прозвищем на Чюхче, а пала де та река Чюхча в море своим устьем, с приезде по сей стороны Колымы реки, а по той де реке Чюхче живут иноземцы свой же род, словут чюхчи, то же что и самоедь, оленные, сидячие ж... И те де чюхчи по сю сторону Колымы от своего жилья с той речки зимою переезжают на оленях на тот остров одним днем и на том де острове они побивают морской зверь морж и к себе привозят моржовые головы со всеми зубами, и по своему де они тем моржовым головам молятца... а у тех де чюхчи соболя нет, потому что живут на тундре у моря, а доброй де самой черной соболя все по Колыме”¹⁰⁰.

Развитие отношений шло по направлению расширения торговли и обмена. Хотя сама торговля происходила по большей части путем натурального обмена русских товаров на меха и “моржовый зуб”, но ее результатом было развитие у аборигенов потребности в этих товарах. Железные и медные котлы, ножи, табак

---

⁹⁸ См., Крестьянские челобитные XVII века, М., 1994.

⁹⁹ Сафронов Ф.Г. Цит.пр., с. 85.

¹⁰⁰ Богораз В.Г., 1934, с. 33.

стали для туземного жителя столь же необходимы, как и продукты их хозяйства. С XIX века на Чукотку начинает проникать спирт, причем как с русской стороны, так и от американцев¹⁰¹. Находясь под воздействием двух цивилизаций, аборигены высказывали недовольство и той и другой. Если береговые жители имели претензии к американцам и, напротив, считали русских лучшими партнерами, то анадырские жители имели прямо противоположное суждение¹⁰².

Если ясак был своего рода способом огосударствления туземцев путем приведения их к системе обложения типа тягла или подати (собственно: дани), то обращение в православие представляло дополнительный, но столь же важный атрибут верноподданства. «Крещение и уплата ясака были вообще тесно связаны вместе. Как писал один миссионер в докладе епископу, «креститься для язычника обозначает заплатить ясак небесному царю»¹⁰³. Однако, несмотря на то, что, как подчеркивает И.С.Вдовин, «значение близкого и понятного для них мифа о сотворении мира, о невидимом боге, обитающем где-то наверху, и его человекоподобном облике, который совпадал с образами чукотских и корякских божеств»¹⁰⁴, обращение аборигенов продвигалось с трудом, в особенности у чукчей. Даже принимая формально православие, большинство местных жителей сохраняли свои традиционные верования.

«Многие чукчи крещены, но это не имело никакого дальнейшего влияния... Священник, приезжающий из Нижне-Колымска на время ярмарки в Островное, обыкновенно находит несколько чукчей и ламутов, которые в надежде получить подарки, согласны на крещение. При нас также молодой чукча объявил, что он за несколько фунтов табаку желает окреститься. В назначенный день собралось в часовню множество народу, и обряд начался. Новообращенный стоял смирно и благопристойно, но когда следовало ему окунуться три раза в купель с холодной водой, он спокойно покачал головой и представил множество причин, что такое действие вовсе не нужно. После долгих убеждений со стороны толмача, причем, вероятно, неоднократно упоминался обещанный табак, чукча, наконец, решился и

---

¹⁰¹ Там же, с. 62.

¹⁰² Там же, с. 77-78.

¹⁰³ Там же, с. 73.

¹⁰⁴ Локальные..., с. III.

с видимым нехотением вскочил в купель, но тотчас выскочил и, дрожа от холода, начал бегать по часовне, крича: “Давай табак! Мой табак!”¹⁰⁵. Конечно, были и иные случаи. У коряков христианизация была более успешной, в некоторых поселках были построены часовни, а в Палане даже церковь. Определенную и весьма положительную роль в сближении с русскими сыграло духовенство, способствовавшее распространению грамотности¹⁰⁶. Вероятно, условия жизни на Камчатке были более благоприятны. Во всяком случае, в Русской Америки христианизация тоже имела большой успех. Но в целом обращение по существу осталось формальным. Да и как представить кочевников, число которых на Северо-востоке было подавляющим, согласующих время и место кочевания с христианскими праздниками? Здесь совсем не было монастырей, для столь огромных пространств не доставало церквей. Священники часто общались со своей туземной паствой через переводчика, весьма подчас неискушенного в вопросах веры. Неудачам “обращенчества” способствовало отсутствие ортодоксальной веры у самих носителей ее (русских), которые от случая к случаю “обращались” к местным шаманам, сохраняли суеверия. “Верили, что у каждого человека есть “стенъ”. Когда она улетает, человек болеет, появляется сонливость, слабость, плохое настроение, наконец, он может умереть, тогда шаманы “приводят” стенъ обратно”¹⁰⁷.

Русское население Северо-востока, сформированное служилыми людьми и пришедшими позднее крестьянами, было довольно однородным и воспроизводило в новых условиях ту самую общину, которую некогда покинули бывшие миряне.

Пришлое население, открытое влияниям, смогло быстро адаптироваться к местным условиям, используя местные обычаи и навыки, сохранив при этом существо русской культуры. Однако отсутствие устойчивых связей с культурными центрами привело к консервации социокультурной системы, в результате чего даже в начале XX века она сохраняла свою первозданную (XVII-XVIII вв.) чистоту. Она, тем не менее, продемонстрировала способность культуры к выживанию даже

---

¹⁰⁵ Путешествие..., с. 180-181.

¹⁰⁶ История и культура коряков, с. 22-24.

¹⁰⁷ Чикачев А.Г. Цит.пр., с. 125.

при резкой смене условий (смене дня и ночи, иные сезонные и климатические условия, особенности флоры и фауны, редкозаселенность, иноязычная среда и т.д.). Культура воспроизводилась в разных аспектах¹⁰⁸, включая особенности севернорусского говора, откуда происходила основная масса новопоселенцев. При этом происходило то, что в литературе называется контаминацией сюжетов и образов¹⁰⁹, сочетание собственно русского и заимствований из местного. Некоторые путешественники часто полагали, что русские говорят на чужом языке¹¹⁰. По-видимому, это было не всегда точно так. Из-за обилия местных слов, русская речь действительно могла “преображаться”, но при этом оставаясь русской¹¹¹.

Вместе с тем многие предметы и явления местной жизни называются по-русски: кухлянка (вид меховой одежды), сендуха (тундра) и т.п. Интересным примером сочетания русского и местного являются меховые ковры из Марково. Сам принцип производства ковров из меха с меховым орнаментом, получаемым сочетанием светлых и темных тонов оленьего меха, сходен с чукотской и корякской орнаментовкой головных уборов, обуви, одежды. Но мастерицы при этом сочетают чукотские геометрические орнаменты и изображения животных, птиц, деревьев и даже жилищ¹¹².

Самое важное - воспроизводился русский тип сожительства - деревня или

---

¹⁰⁸ “Многие из женщин одарены способностью слагать песни, заключающие в себе большей частью жалобы на разлуку с любезными. В таких песнях замечательно воспоминание о прошедшем времени; главные роли в них играют голубок, соловей, цветы и многие другие предметы, которых не найдете и за тысячу верст отсюда и о которых певица знает только по слухам” (Путешествие..., с.138).

¹⁰⁹ Матвеева Р.П. Контаминация как творческий процесс в сибирском сказительстве. В кн. “Русский фольклор в Сибири. Проблемы архитектоники”, Новосибирск, 1990, с.73

¹¹⁰ Сафронов Ф.Г. Цит. пр., с. 215.

¹¹¹ “Мой то дедушка по-чукотски ломат,
за переводы он кахтаны получают.
Моя бабушка чуваночка,
А вторая-то чукчаночка,
А уж как третья-то русаночка.
Что чуваночка обуточки сошьет,
А русаночка олады напекот,
А чукчаночка гостить ко мне идет,
В поводу она каргиночку ведет,
В хонбах мне сиводушечку несет”

(Туголуков В.А. цит.пр., с.29). Если пояснить, что каргиночка - олень, а хонбы - вид меховой одежды, то все остальное будет понятно.

¹¹² Народы Сибири, с. 199-200.

село. Дома из бревен, которые сначала строили только русские, постепенно становятся основным жилищем и коренных жителей. В Марково, по свидетельству А.Дьячкова, во второй половине XIX века было 38 домов и 3 юрты¹¹³. Есть сведения, что село существует с 1784 года¹¹⁴, а некоторые полагают, что оно существовало еще до упразднения Анадырского острога¹¹⁵. Значение общины неоднократно подчеркивалось¹¹⁶, на Северо-востоке она к тому же способствовала приобщению аборигенов к русской культуре. Как писал издатель рукописи А.Дьячкова Ф.Ф.Буссе: “Замечаются некоторые неправильности в построении фразы, встречаются ошибки в правописании, но эти недостатки столь незначительны, что надо удивляться, как автор при недостатке школьного образования, достиг таких результатов”¹¹⁷.

Если говорить в целом, то приход русских способствовал созданию единого полиэтнического пространства из прежде дисперсных этнических групп, объединяемых хозяйственными связями. Управление в этом обширном регионе на начальном этапе сводилось к не очень регулярному сбору ясака и выполнению “третейских” функций. При этом “органами управления” становились служилые люди. Поскольку аборигенное население не обладало соответствующими политическими институтами, интеграция развивалась в культурной (хозяйственно-культурной) сфере.

РУССКО-КАЛМЫЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Если на рубеже XVI-XVII вв. началось мощное движение русских на Восток, то в это же время с Востока двинулись западноойратские¹¹⁸ улусы во главе с Хо-

---

¹¹³ Жихарев Н.А. Цит.пр., с. 202.

¹¹⁴ Бабкин П.В. Кто, когда, почему? Происхождение названий на карте ордена Ленина Магаданской области. Магадан, 1968, с. 71.

¹¹⁵ Жихарев Н.А. Цит.пр., с.55.

¹¹⁶ См. напр. Лурье С.В. Россия: община и государственность. В альманахе “Цивилизации и культуры”, вып.2, М., 1995.

¹¹⁷ Жихарев Н.А. Цит.пр., с. 165.

¹¹⁸ Поначалу калмыками назывались западноойратские улусы исключительно их соседями. Затем это название закрепилось за теми дербетскими и торгоутскими улусами, которые остались в Нижнем Поволжье после “Тогоутского побега”. Тем не менее, употребление “калмыки” в определенном смысле оправдано, когда говорят лишь о тех западноойратских улусах, которые вместе с Хо-

Урлюком¹¹⁹. Движение, результатом которого было заселение монголоязычными народами северного Прикаспия.

“Остро нуждаясь в меновых рынках, наглухо отрезанные от Китая, ойратские ханы и князья пытались пробиться к рынкам Средней Азии, но встречали отпор могулистанских и казахских ханов и султанов. Положение усугублялось растущей нехваткой пастбищ как в связи с возросшими внутренними потребностями, так и еще больше в связи с неудачами на полях сражений”¹²⁰. Как и любое кочевое общество, западные ойраты нуждались во взаимоотношениях с другими народами для приобретения необходимых товаров, производившихся земледельческими народами. Но междоусобная борьба внутри монгольских улусов, между тремя монгольскими центрами (Монголия Алтын-ханов, Джунгария, Южная Монголия), так и внутриойратские противоречия между джунгарами (Харахула, Батур-хунтайджи) и торгоутами (Хо-Урлюк) привело к тому, что значительные группы торгоутов и часть дербетов покинули Джунгарию. Поиск новых пастбищ осложнялся двумя обстоятельствами. Во-первых, основной массив угодий, непосредственно примыкавший к территории Джунгарии, был заселен казахами, которые не допускали на свои угодья соседей-конкурентов. С другой стороны, те земли, которые были относительно свободны не могли использоваться для кочевого хозяйства, так как они представляли зону тайги. Таким образом, калмыки были принуждены кочевать в пограничной зоне между казахской степью и осваиваемой русскими тайгой. Не только калмыки, но и русские первопроходцы были крайне заинтересованы в торговле, поскольку крайне нуждались в средствах передвижения по неосвоенным тропам Сибири. Такое движение друг к другу и встреча на “третьей” земле (в Западной Сибири), в дальнейшем привело к значительным преобразованиям как с точки зрения социальной организации, так в политической и культурной сферах. Вряд ли следует идеализировать взаиморасположение этих двух народов. Однако взаимный интерес составил основу для развития их взаимоотношений и обозначил начало

Урлюком откочевали на Запад.

¹¹⁹ Главный тайши до 1644 года.

¹²⁰ Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. М., 1983, с.73.

интеграции¹²¹ кочевого сообщества в оформляющуюся империю. Такое взаимное движение друг к другу объяснялось разными причинами. Если Россия на волне мощного европейского проникновения на Восток расширяла свою территорию, осваивала новые земли, то западные монголы скорее искали “земли обетованной”, чтобы избежать значительной опасности со стороны собственно монголов и последствий внутриойратских конфликтов. В усобице принимали участие помимо торгоутов также дэрбеты (Далай-батур) и хошуты (Гуши-хан), Но основной массив, откочевавших на север ойратов составляли улусы торгоутов и дэрбетов¹²².

***

Наиболее крупной социально-политической единицей у калмыков был улус, состоявший из аймаков, представлявших собой главным образом родственные общины. Главой аймака был зайсанг, а улус возглавлялся тайши. Улусная организация реализовывалась в спорадически проявлявшейся системе субординации в жизненно важных событиях. (например, при военной угрозе, распределении пастбищ и т.д.). Однако обычно каждый улус практически сохранял автономию во всех внутренних делах, а часто и во внешних. Особенностью западноойратских улусов было отсутствие единоначалия в форме ханской власти, так как по монгольской традиции ханское достоинство являлось прерогативой исключительно Чингизидов и только по прямой линии. Начиная с XVII века это неписанное правило стало нарушаться, в особенности в связи с взаимоотношениями с новыми соседями и, в первую очередь с Россией. Во время военных действий или иных важных событий у западных ойратов единоначальником становился главный тайши, в обязанности которого входило общее руководство действиями всех союзников. При каждом тайши состоял своеобразный совещательный орган (зарго), состоявший из зайсангов данного улуса. Таким образом, западноойратские улусы представляли довольно сложную

---

¹²¹ как в политическом, так и культурном и хозяйственном аспектах.

¹²² В “Ойрат улсын туух” об этом событии сказано так: “Хо-Урлюк откочевал к северу, к народам чуждого происхождения, которых и завоевал”. См. Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения России и

организацию, являвшуюся **объединением объединений**¹²³. В то же время существовал еще один структурный параметр. Иногда говорят об “Ойратском союзе” (“Дербен ойрад” букв. “Четыре ойрата”), в который входили торгоуты, дербеты, хошуты и джунгары. По сути же, речь идет о традиции, по которой ойраты при Чингисхане были разделены на четыре тумана, о чем свидетельствует Рашид-ад-Дин и на что ссылается Владимирцов¹²⁴. Если рассматривать ойратские улусы в конституционном смысле, то о единой организации в обычном понимании не может быть речи, поскольку каждый улус обладал самостоятельностью в принятии тех или иных решений, не касающихся, однако, общих для всех или нескольких улусов вопросов. Общая проблема (часто - угроза) сразу же объединяла эти автономные образования и способствовала консолидации усилий. Таким образом, нельзя согласиться и с тем, что в период массовой перекочевки калмыцкие улусы не составляли единства, поскольку подобные условия можно оценивать как чрезвычайные. Хотя, конечно, такое объединение улусов носило характер временного союза.

О реальности ханской власти следует говорить особо. С одной стороны, ханский титул подразумевал и ханство. Но при улусной системе это было невозможно. Каждый улус сохранял свою самостоятельность практически во всех вопросах, касающихся внутренних и внешних дел, но при возникновении общей задачи руководство над всеми калмыками принимал главный тайши. С другой стороны, титул “хан”, как было сказано, по обычаям монгольских народов мог принимать лишь потомок Чингизова рода. Возникшая необходимость в централизации¹²⁵ власти объяснялась: во-первых, тем, что все калмыки воспринимались соседями как *единый народ*. Во-вторых, русские, крымские и турецкие власти обращались по всем вопросам именно к главному тайши (затем хану), а через него распределяли *жалованье*, подарки и другие льготы. Нарушение общемонгольского обычая не имело серьезного политического значения внутри

Монголии в 17-18 вв. М., 1978, с. 176.

¹²³ Однако говорить о конфедерации, как все-таки относительно жесткой организации, не представляется возможным, поскольку конфигурация такого объединения могла быть различной в зависимости от условий его “возникновения”.

¹²⁴ Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Л., 1934, с. 157.

калмыцкого общества, поскольку ханом становился главный тайши, обладавший, как говорилось, временными полномочиями. Иное положение хан получал вовне. И хотя русские, и турки не сразу признавали ханское достоинство юридически, так как это потребовало бы перевести уровень взаимоотношений на иной уровень, ведь “ханский титул” воспринимался как высшее достоинство. Фактически же использовали его для закрепления своего влияния, иначе говоря, для “огосударствления” калмыков или их консолидации. Надо отметить, что и само наименование “Калмыцкое ханство” не имело юридического смысла. Ханское достоинство оставалось лишь формальным и не влекло каких-либо специфических политических последствий¹²⁶. Россия лишь в 1708 году признала Аюку ханом, а до этого обращалась к нему как к главному тайши. Но это признание по существу оставалось поверхностным, формальным¹²⁷. Аюку ханом в 1695, а Турция в 1704 г.

Таким образом, русские и турецкие власти объективно способствуя укреплению ханской власти, тем самым способствовали как разрушению традиционной социальной организации, так и одновременно межулусной интеграции. Такая консолидация калмыков вызывала к себе двойственное отношение, поскольку иметь на границах сильного соседа, который в любой момент мог стать врагом, было не в интересах России, что весьма существенно в связи с тем, что этот регион долгое время был конфликтогенным. Стремление ослабить ханскую власть или хотя бы ограничить ее проявлялось в настойчивом требовании русских властей привлечь к участию в зарго зайсангов других улусов. Таким образом, обеспечивалась бы еще большая централизация, но и учитывались бы интересы представителей других улусов, что, несомненно, ограничивало власть хана и давало возможность русским властям играть на внутренних противоречиях. А это, в свою очередь, вело к тому, что Русское государство все более интенсивно вмешивалось во внутренние дела калмыков. Окончательно это удалось сделать при

---

¹²⁵ А по сути – легитимация, т.е. придание власти постоянного и стабильного характера.

¹²⁶ Конечно же *приобретенное* ханское достоинство воспринималось иначе, нежели *прирожденное*. Возможно, объяснимый как пережиток кровнородственных отношений, фактор, отражающий социальную стратификацию.

¹²⁷ Chodarkovsky M. Where Two Worlds Met: The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600-1771. NY, 1992, с.126. Кстати, Крымское ханство признало Аюку ханом в 1695, а Турция в 1704 г.

Убаши¹²⁸, который потерял ханский титул, стал наместником, подчиненным астраханскому губернатору.

***

Очень важно отметить, что нуждавшиеся в пастбищах калмыки не имели серьезных стычек с русскими первопроходцами, которые предпочитали лес и лесостепь, и поэтому отправной точкой взаимоотношений было согласие. Русские охотно покупали лошадей и некоторые принадлежности, а в обмен предлагали товары, необходимые кочевому обществу. Тем не менее, отдельные столкновения все же имели место, поэтому проблема налаживания отношений, получения гарантий лояльности стояла остро. Это решалось с трудом.

Одним из способов регулирования отношений был договор - шерть. Эта процедура применялась не только в отношениях с калмыками, но и другими народами, жившими на восточной границе, как правило, с мусульманскими народами. Само слово¹²⁹ произошло из арабского языка и через посредство тюрков попало в русский язык¹³⁰. Процесс подписания и его исполнение называлось шертованием. Именно в отношении к шерти проявились первые различия между народами. Как правило, в отечественной литературе доминировал взгляд на шерть как на своеобразный договор, в котором фиксировалось согласие (в данном случае, калмыков) быть подданными России. “Однако подход к вопросу шерти был неодинаковым у царских властей и монгольских правителей. Первые понимали принесение шерти как вхождение того или иного народа в состав России, вторые - как возможность заключения выгодного им военного союза и не хотели связывать себя какими-либо долговременными обязательствами. Это порождало всякого рода недоразумения, которые, однако, разрешались мирным путем”¹³¹.

Поначалу отношения русских и калмыков строились в основном на

---

¹²⁸ Калмыцкий наместник в 1761-1771 гг.

¹²⁹ [shaarat] - “договариваться, улаживать”, собственно [shart] - “условие, положение, уговор”. См. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. М., 1962, с.501-502.

¹³⁰ Впервые употреблено в грамотах 1474 г. См. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958, т.III.

стихийной торговле. Заключить с ними договор не удавалось. Обмен посольствами также не приводил к успеху. Если русское посольство всегда было заинтересовано в заключении договора, чтобы достичь определенной цели, то калмыки, прежде всего, испытывали интерес к информации и положенным в данном случае подаркам. Договариваться в обмен на обещания они не считали возможным. По сути, Россия рассматривалась калмыками как еще один улус, с которым можно обмениваться чем-то на равных. Однако русские преследовали, прежде всего, дипломатические и политические цели, желая поставить калмыков, в конечном счете, в вассальную зависимость. При одной из таких попыток разгневанный Хо-Урлюк казнил все посольство. Если русский посол в определенном смысле представлял монарха, то по понятиям калмыков дарга являлся лишь связником между улусами. Значительные сложности представлял особый ритуал совершаемый при обмене посольствами. Так, при упоминании царя следовало встать и снять шапку. Дайчин¹³² долго отказывался это сделать, но, в конце концов, согласился с тем, чтобы вставал и снимал шапку его толмач.

Собственно шертование, как договор о союзе, впервые произошло при торгоутском тайши Пунцуке¹³³, который не только стал союзником России, но даже выступил против своего отца (Дайчина). В такой шерти могло быть зафиксировано совместное участие в боевых действиях против общего врага или еще какие-либо конкретные предприятия. И тем не менее, шерть для калмыка оставалась чем-то вроде особого ритуала, которым, например, скрепляются узы побратимства. Более того, шертование одним, пусть даже главным, тайши вовсе не означало, что определяемые ею условия будут обязательны для других. То есть, выражаясь юридически, это был некий факт, имевший свои временные границы и определявший сферу применения в соответствии с традицией. К слову сказать, выдающийся калмыцкий деятель - Аюка¹³⁴ - шертовал неоднократно, но отношения с ним складывались у русских властей далеко не просто.

Несмотря на то, что русским хотелось видеть в шерти своего рода присягу,

---

¹³¹ Международные отношения в Центральной Азии. Документы и материалы. Т.1. М., 1989, с.10.

¹³² Главный тайши 1647-1661 гг.

¹³³ Главный тайши в 1661-1669 гг.

означавшую принятие подданства, совершенно очевидно, что власти все же не доверяли в полной мере таким договорам и требовали дополнительных гарантий, в частности, аманатов (заложников). Как правило, таковыми могли быть наиболее достойные, например, представители элиты, сыновья или родственники тайши. Таким образом, было бы неверно считать, что русское правительство было настолько наивным, чтобы доверять шерти и рассматривать ее как принятие подданства. По принятой в Европе процедуре, гарантиями договоров служили многосторонние договоры, составлявшие коалиции. Надежность их подкреплялась тем, что основные правящие династии находились в родстве (что, конечно же, не мешало развивать противоречия). Во многих случаях было возможно апеллировать к авторитету церкви (Папе Римскому), то есть *общему* закону. Все это способствовало укреплению гарантий. Вспомним частые браки русских князей с половцами и другими соседями¹³⁵. Что же касается народа пришлого и с непонятной культурой дело оказывалось сложнее.

Скорее желанием видеть кочевников своими постоянными союзниками или, по крайней мере, предсказуемыми и верными соседями, а не доверием к шерти можно объяснить рассмотрение такой присяги, как вступление в подданство. Тем более в начальный период вплоть до 1655 года письменного договора вообще не составлялось. Стороны обменивались посольствами и устными договоренностями, которые не всегда влекли за собой адекватные действия.

Первый письменный договор относится ко времени Дайчина. Но документ был составлен на русском языке, а его содержание в общих чертах сообщалось через толмача. Впоследствии в Канцелярии иностранных дел был создан штат переводчиков, включая и переводчиков калмыцкого языка. Так, в 1679 году среди служащих Канцелярии числились Тарас Иванов - толмач татарского и калмыцкого, Василий Мартынов - толмач калмыцкого¹³⁶. Соглашение с Аюкой 1697 года было составлено и на калмыцком (заяпандитском) языке, хотя возможно лишь просто было хорошо переведено¹³⁷. Многие документы подобного рода сохранились лишь

---

¹³⁴ Сын Пунцука. Главный тайши в 1669-1690 гг., хан в 1690-1724 гг.

¹³⁵ Баскаков Н.А. Тюркская лексика в "Слове о полку Игореве". М., 1985.

¹³⁶ Chodarkovsky M. Цит.пр., с. 64.

¹³⁷ Там же, с. 67.

на русском языке, хотя можно предполагать их двуязычие. Что же касается первых шертей, то они составлялись исключительно по-русски и об условиях договора другая сторона могла только догадываться из тех разъяснений, которые давал переводчик. По всей видимости, русские пытались добиться значительно большего, нежели того, на что были готовы калмыки, а в результате рождалось впечатление, что калмыки “ненадежные подданные”, так как те часто нарушали договор и отказывались выполнять некоторые его требования. Стремлением желаемое выдать за действительное объясняются многочисленные правки документов, составляемых русскими чиновниками. Это особенно ясно на примерах перевода посольской переписки, проанализированных Н.П.Шастиной¹³⁸. Так, надменный тон писем менялся на смиренный и покорный, добавлялись уважительные слова, дописывался титул царя и прочее. Как пример удачных интерпретаций в такой практике, Шастина приводит обращение “белый хан”. Если Лубсан тайджи в письмах к царю называет себя хаган, что означало правителя с широчайшими правами, то царя он называет “белый хаган”, что по монгольским обычаям означало местного правителя. Для русского это не могло звучать уничижительно, а напротив воспринималось, как дань уважения. В данном случае речь идет не столько о стремлении себя возвысить, что некоторые авторы считают “особым русским менталитетом”¹³⁹, сколько об обычной практике взаимоотношений между народами. Ведь то же самое можно отнести и к Монголии, и к Китаю, и к Османской Турции. Крупные державы, тем более, рассматривали “малые” как подчиненные или, по крайней мере, явно нижестоящие. “Во времена всех переговоров о принесении шертей, а их за период с 1673 по 1684 год было дано четыре, Аюка занимал довольно независимую и неуступчивую позицию, ставя ряд предварительных условий, в случае невыполнения которых грозился “кочевать по себе”. Более того, при переговорах о шерти 1684 года посланец Аюки от его имени заявил астраханскому воеводе А.И.Голицыну, что “Аюкай де никогда великим государем не бьет челом, только хочет быть в миру и

---

¹³⁸ Шастина Н.П. Русско-монгольские посольские отношения в 17 в. М., 1958, с. 90.

¹³⁹ Chodarkovsky М. Цит. пр., с.64.

совете”¹⁴⁰.

Шерть имела следствием не только выполнение чисто военных обязательств. Россия желала видеть в калмыках своих подданных и поэтому пыталась “оформить” принятие калмыков “на службу” тем, что выплачивала им жалованье, которое не было регулярным, но все же являлось одним из средств обеспечения лояльности. Это удавалось с трудом, поскольку жалованье рассматривалось обычно как “подарок”, а собственно за “службу” калмыки “получали” вознаграждение, изымая имущество побежденных, по сути, занимаясь мародерством.

Фактически первой по времени клятвой на верность была шерть Церэн-Дондука (1724), когда был совершен специальный ритуал. Он приложил ко лбу изображение Будды, хотя по обычаю, когда речь шла о военном союзе, прикладывали меч.

Шерть являлась тем инструментом, который использовался традиционно, как начальный момент объединения. Таким документом пусть не в полной мере оформлялось, но провозглашалось некое единство, судьба которого могла результативаться в унитаризации объединения. Стоит обратить внимание на то, что процесс консолидации в определенном смысле зависит от предварительного согласования, установления определенной системы субординации. Представляется, что потребность в “верховой власти”, которая реально или фиктивно способна ее удовлетворить, является неременным условием единения. В случае русско-калмыцких отношений договорные отношения “подкреплялись” теми или иными “пожалованиями” со стороны властей. В этом смысле шерть, сохранявшая вначале черты обычного договора о конкретных совместных действиях и обязательствах, позже все более становится похожей на присягу. Тем не менее, длительное время, несмотря на шертование, калмыки оставались по существу вне российской государственности. Даже Управление калмыцких дел было подразделением органов, обеспечивающих внешнеполитическую деятельность.

---

¹⁴⁰ Батмаев М.М. Отражение русско-калмыцких отношений в процессе шертования. В “Добровольное вхождение калмыцкого народа в состав России: исторические корни и значение”, Элиста, 1985, с. 37.

***

Калмыки обладали военной мощью и кавалерийской маневренностью, но в то же время не были надежными союзниками. Их соседи старались заручиться более крепкими гарантиями, что выражалось в попытках обратить в свою веру. Так, Великий везирь Османской империи присылает в подарок Аюке четки, как бы символически предлагая ему принять ислам. Хотя буддисты также используют четки и вряд ли Аюке удалось “правильно расшифровать” этот символ. Попытки обращения были сделаны и со стороны Крымского ханства, но успеха не имели.

Здесь стоит обратить внимание на такое любопытное различие: подданный и верноподданный. Несмотря на определенную семантическую близость, эти понятия довольно значимо различаются в политико-правовом смысле. Так, подданный относилось ко всем, кто подчинялся власти. В отличие от него - верноподданный имело двоякий смысл: во-первых, закон и власть, но, во-вторых, закон и вера. В определенный период истории человечества вера понималась значительно шире, а не только в смысле религиозной веры, хотя чаще всего принимало религиозную форму. Религиозная принадлежность была своего рода политическим маркером, выполняла определенные политические функции. Для того времени религиозный фактор до определенной степени также был гарантией и при заключении союзов. Ни о какой религиозной нетерпимости, особенно в случае с русскими, не могло быть и речи, но в значительной степени сходство в вере, точнее восприятие иной веры как *закона*, давало определенные гарантии. Обращает на себя внимание, что первые впечатления о народах непременно включают сведения о наличии закона¹⁴¹. Можно по-разному относиться к такого рода представлениям, и формируемой на их основе политике, но надо признать, что такой подход был вполне приемлем, хотя и не является примером “классического колониализма”¹⁴². Длительные контакты с кочевниками помогали

---

¹⁴¹ См. выше.

¹⁴² Позже, в период колонизации Средней Азии русские власти фактически распространяли ислам (строительство мечетей, обучение мулл, всяческое, даже насильственное приобщение к мусульманской вере), то это делалось, в том числе и с целью подчинить хоть и чужому, но *закону*

более успешно реализовать принцип “разделяй и властвуй”, вырабатывать национальную политику. В инструкции И.К.Кириллову в 1734 г. писалось: “...что касается до распорядка в суде и правосудия, о том смотреть на обычай каждого народа, как и почему в коем народе правые удовольствия получают, а виновных штрафуют, так и в помянутых судах уставить; ибо наше Всемилоостивейшее соизволение есть, чтоб все, кто б какой веры и народа не был, справедливостью и судом скорым довольствовались, и тем напрасные озлобления в волокитах, и не знающему наших Российских судных прав народу неправые в суде вымыслы (от которых не токмо Нашему интересу повреждение происходить может но и Богу противно) пресечены были”¹⁴³.

Религия способствовала сакрализации власти, то есть выведению ее из-под ведения обычных человеческих мотивов, являясь своеобразной духовной легитимацией власти. Апелляция к духовному авторитету могла дать определенные преимущества. Так, некоторые калмыцкие тайши (в частности, Аюка) настойчиво добивались ханского титула от Далай-ламы, что позволяло до определенной степени укреплять власть над другими тайши. Но признание этого события могло иметь лишь внутреннее значение для самих калмыков, но не их соседей. В данном случае Далай-лама представлял собой лишь Образ высшего авторитета, несмотря на то, что реальное положение в Тибете оставалось скрыто от массы буддистов¹⁴⁴. Таким образом, хотя Аюка получил ханское достоинство не от реального верховного духовного главы, сама процедура в данном случае носила по монгольским обычаям вполне правовой характер.

С другой стороны, одинаковость религиозной принадлежности давала возможность апеллировать в международных отношениях к высшей, наднациональной силе, обеспечивавшей более или менее стабильную гарантию в отношениях с другими народами. Все это не мешало в отдельных случаях ее

(тем более писанному, каким являлся Коран).

¹⁴³ Национальная политика России. Сборник документов. М., 1992, с.199.

¹⁴⁴ См. Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII-XVIII веках. М., 1978. Аюка получил титул хана в 1690 году, а между тем V Далай-лама скончался в 1682 г. В связи со сложной политической обстановкой в Джунгарии, деши Санджай Джамцо продолжал действовать от имени умершего Далай-ламы и это продолжалось до 1697 г., когда VI Далай-ламой стал Цаньян Джамцо. См. Кычанов Е.И., Савицкий Л.С. Люди и боги страны снегов. М., 1975, с. 90.

игнорировать. В этом случае стабильности в отношениях единоверцев способствовал опыт истории их взаимоотношений. Несмотря на вполне понятный интерес к калмыкам со стороны Османской империи в контексте борьбы против России, турки четко различали “своих” и “чужих”. Если близких по языку и культуре узбеков турки воспринимали, как братьев ("карындашлык" - единоутробность), то калмыки рассматривались в сугубо "служебном" аспекте ("куллугумызда" - на нашей службе). Для этого, конечно, была своя политическая подоплека, но здесь важно подчеркнуть психологический подтекст взаимоотношений. Столь же утилитарно подходили к этой проблеме и русские. Главным мотивом для договора была потребность в военном союзе или, по крайней мере, исполнение калмыками охранных функций.

В политической истории России религия часто являлась важнейшим инструментом распространения власти. Факт крещения был своего рода доказательством верности и надежности новообращенных народов. Об этом говорит отрицательная коннотация выражения “нехристи”. Так было с народами азиатской части страны, с народами Сибири и Дальнего Востока. При этом русские первопроходцы “обращали в свою веру”, привлекая аборигенов различными подарками, посулами и путем различного рода ухищрений. При этом неофит, получив за крещение плату однажды, шел снова креститься, чтобы получить очередное вознаграждение. Из-за желания получить те или иные выгоды, в том числе политические, некоторые калмыки сами обращались в православие, ислам и даже католичество¹⁴⁵. На первых порах это можно было объяснить своего рода конфессиональным побратимством. Если Отец небесный один, то все проблемы, возникающие в семье, могут быть решены с помощью обращения к нему и принятого им решения. Но пережиточные формы патриархальных отношений существовали лишь на уровне конкретных исполнителей. Со временем такого рода процедуры имели место лишь в ситуации неопределенности, когда намерения какого-либо народа были мало предсказуемы. Так, имевшая более длительный опыт общения с мусульманскими народами, которые верили пусть в другого, но

---

¹⁴⁵ Chodarkovsky M. Цит. пр. с. 39.

единого бога, Россия могла быть более уверена¹⁴⁶ в отношениях с ними, нежели, например, с “идолопоклонниками” — калмыками-буддистами. Это в равной степени относится и к Турции, и Крымскому ханству. Это было культурой того времени.

Отношения меж калмыками и русскими отягчались сложнейшей мозаикой международных связей, как России, так и самих калмыков. Напомню, что поначалу делами калмыков ведало внешнеполитическое ведомство - Посольский приказ, а затем Коллегия иностранных дел. Это продолжалось почти вплоть до Торгоутского побега. Русско-калмыцкие отношения, таким образом, были отношениями субъектов внешнеполитической деятельности. Интерес же России требовал перевода их на уровень внутрисубъектной (то есть внутренней политики).

Огромное значение для тех и других имели отношения с Османской Турцией, Крымским ханством, складывавшиеся по-разному в разные годы. Отношения с кочевниками, например с ногайцами, которых калмыки вначале потеснили из нижневолжского района, а затем сложные исторические коллизии привели к рассеянию ногайцев по всему Закавказью. Сложные отношения складывались с казахами, башкирами. Не однозначны были отношения и с Речью Посполитой. Отношения усложнялись за счет того, что Россия, продвигавшаяся на Восток устанавливала новые международные связи с Джунгарией, Китаем, Тибетом, с которыми у калмыков были также традиционные связи, не всегда дружественные, по крайней мере, неоднозначные. Так, после смерти джунгарского Бошокту-хана, новым ханом стал Цеван-Рабтан. В свое время Аюка отдал ему в жены свою дочь Сэтэржаб, а сам женился на его дочери Дарма-Бала. В ходе начавшейся борьбы за ханство над всеми ойратами, Аюка послал свое посольство в Тибет, во главе со своим племянником Арабжуром (1698). Русское правительство боялось выступления Аюки против Цеван-Рабтана, так как после заключенного мира с джунгарами и, опасаясь за свои позиции в Сибири, не желало усложнять отношения с Китаем, который претендовал на Джунгарию. В это же время состоялось первое цинское посольство к Аюке. Россия напряженно следила за деятельностью этого посольства. Сибирский губернатор М.П.Гагарин докладывал

---

¹⁴⁶ В прогностическом смысле.

канцлеру Г.И.Головкину: “Подлинно государь уведать не можно у китайцов, зачем идет к Аюке тот посланец, однако ж знатно, что не с малым делом для того, что и Китай никогда не посылают послов, ни посланников никуда, а его послали, знатно, что не с малым делом”¹⁴⁷. В этом посольстве русские усматривали цель заручиться поддержкой Китая в борьбе калмыков с Цеван-Рабтаном. Однако эта миссия (1712, 1714) не разрешила проблем Аюки. Возникла усобица между сыновьями Аюки, которые боролись за право наследства. В этой ситуации Россия поддержала Аюку и тот сохранил свой титул.

Интерес России к калмыкам объяснялся желанием использовать их военную силу для охраны южных границ в борьбе с кочевниками и Турцией и Крымским ханством. Также для решения некоторых внутренних проблем, как это было при подавлении башкирского, Булавинского и восстаний в Астрахани (1705-1709). Вместе с тем не всегда взаимодействие было успешным. Как уже было сказано, калмыки не были столь верноподданными, как этого хотелось Русскому правительству. И когда последнее не соблюдало своих обязательств калмыки также поступали по своей воле. Часто, что особенно характерно для периода Аюки, в ответ на требования правительства об участии в какой-либо военной кампании калмыки давали отказ, мотивируя его тем, что у них имелся договор с противником России. Были случаи, когда, дав согласие на участие в военной акции, калмыки по тем или иным причинам все же не принимали в ней участия. Как, к примеру, в Полтавской битве.

Османо-крымские усилия привлечь на свою сторону или хотя бы нейтрализовать калмыков иногда достигали цели. Так, калмыки не приняли участие в крымских походах 1687 и 1689 гг., в начальный период осады Азова. Напротив, предупредили турок о готовящейся осаде, за что паша Азова прислал Аюке многочисленные подарки. Но к концу 1695 г. Аюка понял, что Азов не выстоит и, оставаясь “другом турок”, направил своего посла к русским, дал 3 тысячи всадников А.С.Шейну и более тысячи всадников кн. Черкасскому.

Попытки калмыцких тайши стать полноправными субъектами международных отношений не увенчались успехом, а хозяйственное давление

---

¹⁴⁷ Международные отношения..., т.1, с. 230.

русских на поволжские земли¹⁴⁸ создавало тяжелейшие условия для кочевого быта. Это иногда приводило к тому, что некоторые калмыки стремились перейти к оседлой жизни. Обычно такие акции не поощрялись русскими властями и вызвали протест других тайши и зарго, так как они сильно ущемляли интересы других калмыков. Исключение было сделано лишь для тайши Замьяна¹⁴⁹.

Важным моментом, на котором хотелось бы остановиться, является то, что даже в начальный период взаимоотношений калмыки воспринимались единым народом. Отношения с ними строились по правилам внешних сношений. При взаимодействии совершалась процедура подобная заключению международного договора (шерти). В определенном смысле, представление большой социальной группы, как субъекта взаимоотношений является также немаловажной характеристикой политического образования. В данном случае неважно как именно соотносились два субъекта, важно, что они таковыми признавались. Единственный путь к интеграции в этом случае представлялся как использование оформленных институтов власти и последующее их переподчинение. Ликвидация Управления калмыцких дел и перевод управления калмыками к астраханскому губернатору в значительной мере снизило уровень взаимоотношений. Калмыцкие дела все более становились предметом внутренних отношений. Даже, поначалу дававшийся главному тайши титул наместника был ликвидирован после торгоутского побега, вызванного значительным усложнением традиционной хозяйственной деятельности.

* * *

Мы рассмотрели некоторые параметры взаимодействия на примере русско-национальных отношений. Важно подчеркнуть, что одним из условий интеграции

---

¹⁴⁸ Именно к этому периоду относится начало расселения в районах Нижней Волги первых немецких колонистов (70-е гг. XVIII в.) и развитие соляных промыслов и рыболовства.

¹⁴⁹ В Астраханской области до сих пор существует село Замьяны.

является общий интерес, заключающийся в том, что либо имеется, либо создается потребность в поддержании равновесия между субъектами отношений, в которых обе стороны принимают определенные условия, диктуемые складывающейся расстановкой сил. Это более длительный, но и более успешный способ объединения¹⁵⁰.

Возникновение общего интереса не вело к снижению роли прежних социальных связей (например, кровнородственных) и интересов, а тем более к их утрате, а, напротив, интегрировало в новую систему организации общества. Это ни в коей мере не отрицает формирования “новых” социальных групп интересов, которые, будучи маргинальными по отношению к “старому”, могли стать базовыми для системы “нового” объединения¹⁵¹. Собственно, процесс маргинализации внутри коллектива (например, общины) был в определенном смысле обусловлен не столько увеличением самого коллектива, сколько его распространением¹⁵² и, следовательно, увеличением давления на землю.

Структурным элементом, подобным общине становились и национальные анклав, интегрируемые¹⁵³ в систему государственности. Материал исследования позволяет различить два направления этого процесса на основании формирования административных органов.

В первом случае, когда социальное развитие общества не привело к созданию институтов надобщинного управления, административные функции на местах исполняли поверстанные на *службу*, отчужденные по тем или иным причинам члены общин. Формирование этого слоя происходило как за счет представителей метрополии, так и *верноподданных* из числа “иностранцев”¹⁵⁴, основным законным источником доходов которых было *жалованье*. В их функции входило не столько

---

¹⁵⁰ “Силовой” механизм не обеспечивает стабильности. Ср. феномен “империи Надир-шаха”: Любимов Ю.В. Надир-шах, в кн. “Исторический лексикон. XVIII век”, М., 1996, с.482-484.

¹⁵¹ Это не составляет предмет данного исследования.

¹⁵² Развитие общины в связи с увеличением членов сообщества приводило к разделению ее и таким образом занятию все большего пространства. До определенного времени это не имело особых последствий. Наличие свободных территорий не приводило к конфликтам. С течением времени стали возникать проблемы не только из-за угодий, но и из-за рынков сбыта и обмена товаров.

¹⁵³ Очень важным является идеологическое обоснование подобного типа интегрирования “иностранцев” Сперанского. См. выше.

¹⁵⁴ Не только аборигенов.

управление внутренней жизнью местного населения, сколько сбор ясака, а также военная защита подданных. При этом важно подчеркнуть, что, если и говорить об управлении, то только в смысле исполнения функций надобщинного (или надплеменного) управления¹⁵⁵, то есть по существу “третейские” функции. Существенно, что такие органы в определенном смысле напоминают органы колониального управления, но принципиально от них отличаются тем, что не возникало непроходимой грани между “служилыми” и аборигенами. Отличительной чертой первопроходцев была весьма успешная культурная адаптируемость, чему в определенном смысле способствовала значительная удаленность от *центров*. И все-таки основополагающим принципом было невмешательство во внутренние дела национальной общины. Главным элементом “обратной связи” становился ясак, который трактовался не как налог¹⁵⁶, а как своего рода овеществленное подтверждение лояльности¹⁵⁷.

Иное направление интеграции представляют русско-калмыцкие отношения. Сложная социальная организация, наличие, пусть и ограниченных условиями, органов межулусного управления, начавшаяся формироваться центральная власть при сохранении относительной самостоятельности улусов позволяют говорить о переходе к формированию государства. Наличие “элитарные” слои калмыцкого общества могли использоваться в качестве опосредствующего звена в структуре Русского государства. Серьезным сдерживающим интеграцию фактором служила включенность калмыцкого общества в систему общемонгольских отношений. Именно то, что калмыки представляли в определенном смысле периферию буддийского мира, центром и авторитетом которого был Тибет, осложняло их отношения, как с исламским миром, так и с христианским¹⁵⁸. Безуспешные попытки стать самостоятельным субъектом международных отношений, а также сужение хозяйственного пространства, в результате русской колонизации Поволжья, в конечном счете, привели к расколу в калмыцком обществе.

---

¹⁵⁵ Речь идет как о разрешении конфликтов, так и, в случае с чукчами, об организации ярмарок.

¹⁵⁶ Как относительно устойчивая часть отчуждаемого продукта.

¹⁵⁷ Символичность ясака подтверждается не только отсутствием реального дохода, но и тем, что, в некоторых случаях даже этого подтверждения не требовалось (см. выше).

¹⁵⁸ Не в религиозном, как уже говорилось, а в политическом, или точнее культурно-политическом

Значительная часть калмыков под предводительством Убаши приняла решение вернуться в Джунгарию, несмотря на резко изменившуюся там обстановку в связи с политикой Цинов. Лишь оставшиеся на Волге вошли как составная часть в систему русской государственности, что, по существу, оказалось единственной и естественной возможностью сохранения калмыков, как народа.

“Высшие слои” и в том и другом случаях получили практически равные права с русскими, что способствовало, в определенном смысле, совпадению групповых интересов. Тем не менее, национальные окраины из-за длительного сохранения общинных форм общежития были на долгое время “законсервированы”¹⁵⁹ в своем развитии.

Таким образом, на этих примерах мы рассмотрели некоторые параметры, которые могут быть критериями государственности, как формы социальной организации. Несомненно важным следует признать наличие легитимной власти. Однако, как отмечалось выше, признаваемая власть осуществима принципиально в любой форме организации общества (от патриархальной семьи до государства). Нисколько не исправляет ситуации включение такой характеристики, как наличие права, поскольку принципиальная разница между традицией и писаным правом заключается в форме овеществления и мере обобщения. Столь же очевидно, что ослабление кровнородственных связей не приводит к их устранению, так как они существуют¹⁶⁰ при любой форме организации общества. Важным представляется наличие системы налогообложения, которая призвана служить в качестве оплаты или жалованья за специфически управленческую деятельность. Здесь существенно, что налог является регулярным и легитимным¹⁶¹ способом обложения населения. Столь же существенно формирование групп интересов, которое мыслимо лишь на определенном этапе развития общества, когда не связанные кровными узами люди осознают свою общность, свои общие интересы. Подобное возможно, как мы видели, в ситуации противостояния внешней угрозе (русско-чукотские

смысле.

¹⁵⁹ В данном случае не имеется в виду негативная или позитивная оценка этого явления.

¹⁶⁰ Или сосуществуют.

¹⁶¹ То есть, в отличие от других видов обложения – дани или захвата имущества, добровольного (как осознание необходимости).

конфликты), или осознания общей цели (перекочевка калмыков в Поволжье), однако в этих случаях речь может идти об интересе всего общества, а не о структуре интересов внутри него. Именно то, что государство - форма *организации* групп интересов, дает ему возможность выполнять функции субъекта нормы¹⁶².

---

¹⁶² Либо непосредственно в форме представительной власти, либо опосредствованно через легитимацию власти.